

TRIMESTRIEL N°s 3-4 1974

ЛОГОС

15-16

PARIS-BRUXELLES

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Найденов</i> : Заповеди Божии и права человека	1
<i>Вильгельм Эрнст</i> : К 700-летию кончины Фомы Аквината	53

На экуменические темы:

<i>К. Даусон</i> : Культурная поляризация и религиозный раскол: анализ причин раскола	61
700 - ление II Лионского Собора	70
<i>П. Швендиманн</i> : Экуменизм и миссионерство	77

Христианская жизнь:

<i>Папа Павел VI</i> : Евхаристия как средоточие нашей христианской веры	81
<i>Карл Ранер</i> : Размышление в день св. Иосифа	85
Терциарии в наши дни	87
О совершенной радости. (Из "Цветочков" св. Франциска Ассизского)	95

Представители современного христианства:

К 25-летию со дня смерти Эммануила Мунье	98
Интервью профессора Л. Моррена	111

Духовные размышления:

Темы для медитаций	116
<i>СИПОЛ</i> (корпус литургий на микрофишках)	121

Библиография

Рецензии на книги <i>Т. Мертона</i> , <i>Обера</i> , <i>М. Рамзая</i> , и на сборник " <i>Семена Единства</i> ".	125
--	-----

Георгий Найденов

ЗАПОВЕДИ БОЖИИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Выражаем горячую благодарность иеромонаху о. Георгию Найденову, главному редактору французского католического журнала "Мисси", любезно разрешившему нам перепечатать эту статью ("Мисси", 1972, № 10). Сам о. Найденов принадлежит к иезуитскому ордену, в редакционную же коллегию "Мисси" входят члены 19 миссионерских монашеских орденов. Наряду с миссионерской тематикой, в журнале находит себе место и общецерковная проблематика, в нем рассматриваются также вопросы историко-культурного характера. Многие из номеров "Мисси" вызвали такой резонанс, что появилась необходимость переиздать 18 номеров, посвященных специальным темам: "Международные организации", "Буддизм и Вьетнам", "Развитие народов", "Церковь во Франции", "Схема XIII (документ 2 Ватиканского собора)", "Народ Божий", "Англичане", "Православные", "Латинская Америка", "Китай", "Миллиард христиан", "Массовые средства связи", "Дева Мария среди женщин", "Ребенок и семья в мире", "Международное взаимопонимание", "Целибат", "Какая миссия?".

Эти номера объединены в сборнике Bloc des 18 N^{os} spéciaux.

Адрес редакции: Missi, 6 rue d'Auvergne, Lyon, France.

ВВЕДЕНИЕ

Хартия прав человека вырабатывалась постепенно под влиянием Заповедей Божиих, считавшихся основой социальной жизни. Сначала англичане, затем американцы и в конце XVIII века французы приняли участие в формулировке ее главных положений. Совершенно отсутствовало намерение противопоставить друг другу Заповеди и Права; напротив, заметна была тенденция их согласовать.

Сегодня они разделены.

Всеобщая Декларация Прав Человека была принята ООН. Павел VI на юбилейной сессии ООН сказал: "Ваша деятельность и наша встречаются в сфере защиты прав человека. Церковь, которая прежде всего заботится о правах Бога, никогда не сможет остаться безучастной к правам человека, созданного по образу и подобию своего Творца. Она страдает, когда не признаются и нарушаются права человека, кто бы он ни был и где бы это ни происходило".

Автор статьи не претендует на исчерпывающее изложение столь обширной темы, затрагивающей центр всякой человеческой деятельности — социальной, ибо Заповеди обращаются ко всему человечеству, — личной, ибо в конечном счете каждому человеку присуще действовать.

І. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Первые авторы прав человека: св. Эдуард Исповедник и Иоанн Безземельный.

Права человека не зафиксированы впервые в XX в. Их начали осознавать в Англии еще в Средние Века, при короле св. Эдуарде Исповеднике. Преемником его провозгласил себя Вильгельм Завоеватель, сын которого, нормандский король Генрих I, связывает с "законом Эдуарда" свою Хартию, составленную около 1100 г.

Столетием спустя, когда король Иоанн Безземельный стал ненавистен всем англичанам, архиепископ Кентерберийский тайно созвал баронов королевства и прочитал им эту, всеми забытую Хартию. Бароны с воодушевлением поклялись, что они заставят короля признать ее.

В июне 1215 г. король Иоанн подписал вновь отредактированный текст, названный Великой Хартией. Отвечая общим ожиданиям, Хартия снова подтвердила свободу выборов в Церкви, торжественно объявила гарантии безопасности для городов, торговли и купцов, а также защиту от злоупотреблений со стороны судебной и гражданской властей. Все сводилось к словам: "Есть государственные законы, права, принадлежащие всему народу, и король обязан их уважать".

Великая Хартия, ставя закон выше короля, заключала в себе в потенции те свободы, уважать которые впоследствии клялись все английские короли. Наиболее полным выражением этой Хартии стала Декларация Прав 1689 г. Она вдохновила американцев на создание собственных Декларации Независимости и Декларации Прав.

Когда, за три года до Французской Революции, американские колонии провозгласили свою независимость, Великая Хартия была причастна к этому не менее, чем идеи Вольтера, Руссо и Монтескье. Революция в Северной Америке придала смысл брожению в Европе: "Свободные люди сопротивлялись сперва силой разума, а затем силой оружия тому, что на языке той эпохи называлось "тиранией". С тех пор весь западный мир с чрезвычайным вниманием и восторгом смотрит на Новые Штаты — Америки. Эти Штаты-государства совместно выработали положения, выраженные в Декларации Независимости от 4 июля 1776 г., которая гласит: "Мы считаем очевидными истины: все люди созданы равными, Творец одарил их некоторыми неотъемлемыми правами... Мы, собравшиеся на Конгрессе всех Штатов, призывая Верховного Судью вселенной в свидетели честности наших намерений, уполномоченные добрым народом этих колоний, провозглашаем от его имени, что эти Соединенные Колонии суть и должны быть по праву государствами свободными и независимыми".

Когда Конституция Соединенных Штатов, принятая в 1787 г., вошла в силу в начале 1789 г., в нее почти немедленно были включены 10 первых улучшений, известных под именем Декларации Прав (Bill of Rights), которые Штат Виргиния сформулировал еще в 1776 г. Они гарантируют свободу совести, слова,

союзов, собраний, петиций и печати и устанавливают несколько основных принципов отправления правосудия.

Кондорсе, председатель французского Учредительного Собрания, пишет: "Акт, провозгласивший независимость Соединенных Штатов, является простым и возвышенным выражением этих, столь священных и столь долго остававшихся в забвении, прав. Америка подала нам этот пример".

То же удостоверяет докладчик комиссии по выработке Конституции — архиепископ Бордосский, заявляя 27 июля 1789 г.: "Эта благородная идея, возникшая на другом полушарии земли, должна была по преимуществу перейти прежде всего к нам".

"Америка подала нам этот пример"

Она "перешла" прежде всего через Лафайета. Вернувшись из Америки, полный энтузиазма, он в 1789 г. побудил Национальное Собрание вступить на тот же путь и предложил соответствующий текст. Еще в 1783 г. герцог Ларошфуко опубликовал перевод возвания Штата Виргиния с предисловием Франклина. Первая статья начиналась словами: "Все люди рождаются равными, свободными и независимыми: им принадлежат *определенные, основные и естественные права*. Таково право пользоваться жизнью и свободой, приобретать собственность и владеть ею, искать и достигать счастья и безопасности".

20 августа 1789 г. Французское Национальное Собрание начало обсуждать текст Декларации Прав. Депутат де ла Борд де Мервиль представил проект введения, сначала благоприятно принятый. Но несколько депутатов заметили, что "не упомянут Творец и Верховный Законодатель Природы. Даже язычники, греки и римляне, упоминали Его в заглавии своих кодексов". Де ла Борд согласился принять дополнение: "В присутствии и под покровительством Творца и Верховного Законодателя Вселенной".

Окончательный текст гласил: "Представители французского народа... решили изложить *в торжественной Декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека*... В соответствии с этим, Национальное Собрание признает и провозглашает, *в присутствии и под покровительством Верховного Существа*, следующие права человека и гражданина...

Хотя эта Декларация была порождена особыми обстоятельствами и создана буржуазией для буржуазии, ее авторы ставили себе целью выработать документ универсального значения, дей-

ствительный во все времена и для всех стран. Несмотря на свое несовершенство, Декларация Прав Человека и Гражданина действительно представляет собой универсальный документ, на который продолжали ссылаться в течение почти двух веков все свободные люди и народы.

После прав в 1789 г. — обязанности в 1795 г.

В период бурных перипетий французской Революции было выработано несколько конституций. В 1793 г. Конвент ввел 6-ю статью в Декларацию Прав, чтобы установить "в этом праве его моральную границу: не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе".

Дехристианизация шла так быстро и казалась настолько бесповоротной, что в 1795 г. законодатель счел нужным заменить по-видимому исчезающую религиозную мораль моралью гражданской. Таким образом, в текст Конституции III года (22 августа 1795 г.) была введена *Декларация Обязанностей Человека*.

Статья первая: — Декларация Прав содержит в себе обязанности законодателей. Поддержание общественного порядка требует, чтобы члены общества также знали и исполняли свои обязанности.

Статья вторая: — Все обязанности человека и гражданина проистекают из двух принципов, запечатленных природой во всех сердцах: не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе, и делай всегда другим добро, которое ты хотел бы получить от них.

Статья третья: — Обязательства каждого по отношению к обществу заключаются в том, чтобы защищать его, служить ему, жить, подчиняясь законам, и уважать представителей власти.

Статья четвертая: — Никто не может быть хорошим гражданином, если он не будет хорошим сыном, отцом, братом, другом, супругом.

Статья пятая: — Никто не может быть порядочным человеком, если он не соблюдает законы искренне и свято.

Статья шестая: — Тот, кто открыто нарушает законы, объявляет войну обществу.

Статья седьмая: — Тот, кто, не нарушая законы открыто, обходит их хитростью или ловкостью, вредит интересам всех граждан. Он становится недостойным их благожелательности и уважения.

Статья восьмая: — На сохранении собственности покоится земледелие, все производство, все виды труда и весь социальный порядок.

Статья девятая: — Каждый гражданин должен служить отечеству и поддерживать свободу, равенство и собственность всякий раз, когда закон призывает защищать их.

Вторая статья приписывает "природе" евангельский завет (Матф 7.12), а пятая статья странным образом определяет "порядочного человека" как "соблюдающего законы искренне и свято". Декларации, определяющие смысл Конституций, созданных Революцией в 1789, 1793 и 1795 гг., являются символом того гражданского "высоконравственного идеала", который в течение девятнадцатого века и в начале двадцатого воодушевлял "добрых республиканцев и каждого скромного сельского учителя, гордого тем, что он — хранитель законов и человеческого братства".

Все французские Конституции провозглашают так же, как и последняя (1958 г.), "свою верность Правам Человека... как они были определены Декларацией 1789 г."

Всеобщая Декларация Прав Человека

26 июня 1945 г. на Конференции в Сан-Франциско была подписана Хартия 50 Объединенных Наций. В этой Хартии имеется семь прямых ссылок на *Права Человека*.

10 декабря 1948 г. Общая Ассамблея ООН, на своей парижской сессии, приняла единогласно предложенный текст *Всеобщей Декларации Прав Человека*. Шесть членов коммунистического блока, Саудовская Аравия и Южно-Африканский Союз воздержались от голосования. Впоследствии мусульманские страны, вошедшие в ООН, отказались ратифицировать Декларацию из-за 18 статьи, провозглашающей полную религиозную свободу, тогда как "народные демократии" не приняли статью 17, утверждающую "право на собственность".

Всеобщая Декларация Прав Человека, которая состоит из Введения и тридцати статей, явно вдохновлена Американской Декларацией 1776 г. и, в особенности, Французской Декларацией 1789 г., универсальное значение которой она таким образом подтверждает. Но новая Декларация восполняет пробелы, ибо включает социальные и семейные права (равенство мужчины и женщины, право на брак, право на социальное обеспечение и помощь, право на труд, отдых). Кроме того, она провозглашает

право на культуру для всех людей и право на образование, уже признанное Декларацией 1793 г., однако с добавлением, что "родители имеют, в первую очередь, право избирать для детей вид образования".

Само собой разумеется, что 134 нации, входящие ныне в ООН, неодинаково обосновывают права человека, и этот плюрализм вынудил законодателей не обосновывать "равные и неотъемлемые права всех членов человеческой семьи". Поэтому во Введении опущено всякое упоминание о "Творце", бывшее у американцев в 1776 г., или о "Верховном Существо", имевшееся у французов в 1789 г. В конце Декларации Объединенных Наций удовлетворялись несколькими общими фразами, пытаясь установить границы прав в статье 29, посвященной обязанностям. Несмотря на эти пробелы, очень огорчительные для каждого верующего, преимущества Всеобщей Декларации Прав Человека, связанной с уставом ООН, так велики, что Декларация заслуживает полной поддержки. Что касается позиции католической Церкви, то Папа Павел VI заявил во время своего торжественного посещения ООН и повторил в феврале 1972 г. ее генеральному секретарю: "Ваша деятельность и наша встречаются: это — область защиты прав человека. Нельзя примириться с тем, что, несмотря на столько заявлений, этим правам в нескольких странах наносится столько болезненных ударов. *Церковь, которая прежде всего заботится о правах Бога, не может оставаться безучастной к правам человека, созданного по образу и подобию своего Творца.* Она страдает, когда не признаются и нарушаются права человека, кто бы он ни был и где бы это ни происходило. Мы верим Организации Объединенных Наций, верим в ее возможности, мы готовы оказывать ей нашу полную моральную поддержку".

Сложная система соглашений

Сложнейшая сеть договоров и соглашений обязывает и соединяет большую часть стран мира. Этих пактов так много, что им были посвящены целых два номера "Мисси", под заглавием "Международные Организации" (1965, № 9) и "Международное Взаимопонимание" (1971, № 2).

С ООН непосредственно связаны три учреждения: *Международный Суд* (в Гааге), *Совет по Опеке* и *Экономический и Социальный Совет*, с которыми сотрудничают 400 *Неправитель-*

ственных Организаций, обладающих совещательным правом и избранных из числа 2000 частных организаций.

С ООН связаны также большие, широко известные организации: *Международная Организация Труда* (в Женеве), *Всемирные Организации Здравоохранения* (в Женеве) и *Питания и Земледелия* (в Риме), *Юнеско* (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — в Париже), а также и учреждения, основанные уже в прошлом веке, которые являлись первыми Международными Союдами: *Международный Телеграфный Союз* (1865 г., Женева), *Почтовый Союз* (1878 г., Берн), *Всемирная Метеорологическая Организация* (1878 г., Женева), *Международная Организация Авиации* (1914 г., Монреаль) и *Навигации* (1958 г., Лондон) и ряд организаций финансовой взаимопомощи, самая значительная из которых называется "Программа Объединенных Наций для Развития", в связи с ними находятся многочисленные организации для содействия Развитию.

Кроме того, образовались группы взаимопонимания, как, например, Британское Содружество Наций (Commonwealth), Союз Американских Республик, Арабская Лига, Организация Африканского Единства, несколько организаций в Азии. Параллельно существуют, помимо Красного Креста, организации помощи и покровительства, такие, как Юнисеф для детей или Верховный Комиссариат для беженцев, Международные Организации борьбы против наркотиков, против торговцев живым товаром и сводничества и т.д.

Конечно, одного лишь провозглашения прав человека недостаточно, чтобы их признавали на деле: они постоянно нарушаются в разных странах.

К чести Европейского Союза надо сказать, что он добился от всех своих членов подписания Конвенции, которую они затем ратифицировали все, за исключением Франции. Эта Конвенция дает им право взаимного контроля над соблюдением основных демократических свобод. Члены Европейского Совета учредили в 1959 г. Трибунал, куда не вошли только Франция и Швейцария, и признали за частными лицами право обращаться с жалобами на государства в Европейскую Комиссию Прав Человека.

Восполняя Конвенцию, 13 Европейских государств подписали в 1961 г. Социальную Хартию.

Наконец, несколько государств включило в свои Конституции положения исторического значения, зафиксированные в ряде документов, начиная с Великой Хартии 1215 г.

Каждая заповедь открывает прямой путь, ведущий к совершенству. — Не убей: провозглашение такого уважения к жизни, что открываешь жизнь — Не укради: блаженные нищие — Не прелюбодействуй: блаженны чистые сердцем — Не лжесвидетельствуй: ищи вечную Истину — Не желай: люби любовью абсолютной.

На этом холме (в Соединенных Штатах), размеры которого мы можем себе представить по автомобилю (на переднем плане фотоснимка), начертаны Десять Заповедей. Их разделяет лестница, в начале которой стоит портик Заповедей с объяснительным текстом. На верху лестницы выгравированы слова Иисуса Христа: "Возлюби Господа Бога... Возлюби ближнего... На сих двух Заповедях утверждается весь Закон и Пророки" (Мф 22. 37-40).

II. ЗАПОВЕДИ БОЖИИ

Ошибочно видеть в Десяти Заповедях великолепное изложение человеческой мудрости, которому порука — Бог. Правда, Декалог, по крайней мере во второй своей части, может рассматриваться как прекрасный итог развития естественной и универсальной нравственности, созданный человеческой совестью. Достаточно, например, сравнить его с нормами жизни, предуканнанными буддизмом, чтобы усмотреть сходство и почти тождественность. Но Десять Заповедей — нечто совсем особое. Они тесно связаны с историей еврейского народа, с его Исходом и освобождением из Рабства Египетского, с Заветом, который Бог благоволил заключить с евреями. Десять Заповедей были даны еврейскому народу как *Хартия и Кодекс свободы*.

Хартия и Кодекс свободы

В самом деле, говорит один из комментаторов, Г. Озу: "Народ Божий должен быть народом свободных людей, чтобы иметь возможность посвятить себя служению своему Господу. Всегда возможен риск вновь стать рабом, этот риск человек носит в себе. В сердце каждого таится корень всех уклонений, всех видов зла — *вожделение*, душевное движение, обратное тому, которое побуждает сохранять Союз с Богом. Вожделение — самое большое препятствие к личному и общему осуществлению этого Союза".

"Декалог изложен в форме *прямых обращений*: *Бог говорит каждому "ТЫ"*. Тон Декалога живой и категорический. Это всегда повеления, обращенные Самим Богом к тем, кто читает или слушает чтение, *лично к ним*, к "тебе", всегда, теперь. Однако Декалог есть закон общины. Предписания эти — не продиктованная программа, но установки, исполненные глубокого значения. Заповедей Божиих — десять. Так пожелал Бог. Их могло быть больше или меньше. В Евангелии они сведены к двум, что уже приуготовлено Декалогом".

Но Иисус, сведя Десять Заповедей к двум — любви к Богу

и любви к ближнему — пожелал придать им новый дух и глубинное значение. Он не хотел, чтобы они растворились в неопределенных указаниях и с предельной ясностью провозгласил: "Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков: *не нарушить пришел Я, но исполнить*. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из Закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном" (Мф 5. 17-19).

Христос как бы отождествляет Себя с Законом. Исполнение Закона есть не что иное, как личное подражание Христу. Таким образом Закон проникает в глубину человека и наполняет его любовью к Богу, которая и есть новый Закон, включающий Десять Заповедей и доводящий их до совершенства.

Тесная связь между Законом и Христом привела первых христиан к убеждению, что Заповеди, данные Богом, будут всегда действительны и сохранят свое абсолютное значение навеки. Это убеждение пребывает доныне, но дух нашего времени и современное отношение к морали могут привести к забвению Заповедей.

Почему предписания отрицательны

В наши дни привыкли к положительным предписаниям, а не к запретам и приказаниям в отрицательной форме типа: "*не делай*" ... Утверждают даже, что отрицательное предписание — это старый Закон, а положительное — новый Закон. Между тем достаточно прислушаться к Нагорной Проповеди Христа или к Его словам, обращенным к ученикам, которых Он посылает на проповедь, чтобы удостовериться, что Спаситель тоже часто говорит: "Не делайте" ... Действительно, отрицательная форма выражения часто более универсальна, чем утвердительная. Трудно определить обязанности в положительной формуле. Например, для богатого долгом является поделиться с бедным. Что он должен делать ? В какой форме, степени ? Решение предоставляется его ответственности и инициативе. Если богатый человек честен и у него открытая душа, он сделает очень многое. Человек же наших дней скорее спросит себя: "Что сделать для установления мира ?", чем: "Справедлива ли эта война ?". Он спросит себя: "Как стать духовным соучастником Тайной Вечери ?", а не: "Какие обряды ее составляют ?".

Правда, есть нечто новое в сознании человека наших дней. У людей двадцатого века есть острое сознание своих прав и своих неслыханных возможностей воздействия на природу, на человеческую жизнь в ее глубинах и в ее биологической сущности. Они знают, что Бог разделил с человеком Свою власть и предоставил ему необъятное поле для свободной творческой деятельности. Весь вопрос в том — до какого предела ?

Неверно утверждать, что человек может жить, как ему заблагорассудится, согласно личным убеждениям. Нет, каждый должен иметь достаточно мужества и смирения (это значит — чувства правды), чтобы не считать себя верным исполнителем Заповедей.

Краткость Десяти Заповедей

Первоначальные Заповеди были выражены очень кратко. Преимущество этой краткости — сохранение их прямого и ясного смысла.

В своей краткости Десять Заповедей обращаются к каждому из нас непосредственно и постоянно: "Не убивай", "не укради". Я не убивал и не крал, а между тем все же я убивал и крал многими способами и так часто. Я должен признаться в этом самому себе, согласно истинному смыслу этих понятий. Быть может я не совершал таких греховных поступков, но категорически утверждать этого не могу, словами же — грешил конечно.

В конце концов мы приходим к последней Заповеди — о возделении, которая резюмирует все остальные. "*Не прелюбодействуй*", — говорит мне Заповедь, но Иисус доводит ее до конца: тот, кто посмотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует; кто оскорбил брата своего — должен загладить свою вину. Поэтому лучше считать себя грешником, предпочтительнее всегда признавать себя виновным: кто оправдает себя, того Бог обвинит; кто обвиняет себя, того Бог оправдает.

Это и есть смирение, т.е. мужественное признание истины и обличение той безответственности, при которой человек заявляет: "Это не я, я тут ни при чем, это не моя вина, меня не в чем упрекнуть". Человек же подлинно свободный спонтанно чувствует свою ответственность и прежде всего в самом себе ищет причину того, что живет не как должно.

Немецкий богослов Дитрих Бонгеффер говорит с большой проницательностью: "Заповедь Божия позволяет человеку быть созданием перед лицом Божиим, позволяет течь его жизни, предоставляет человеку есть, пить, работать, радоваться, играть, не останавливает его, не ставит перед ним постоянно вопроса о его праве на сон, на еду, на труд, на игру, и не напоминает ему о более насущных задачах, призывающих его; она не делает человека цензором и судьей самого себя и своих поступков, но позволяет ему жить и действовать в уверенности, что им руководит Заповедь Бога. Разрешив нам жить, Господь считается с тем, что актив и пассив, сознательное и бессознательное в человеке непрерывно смешиваются и образуют нерасторжимое целое".

Их связь с человечеством

Христос довел Заповеди до возможного совершенства; и все же они продолжают быть доступными каждому и находятся в центре человеческих усилий определить и систематизировать права человека. Вместе с еврейским народом и христианами, Ислам тоже почитает Десять Заповедей. Таким образом, половина человечества признает в них десять слов света на жизненном пути. Кроме того, буддисты и браманисты узнают свое учение во второй скрижали Заповедей, а мудрость Конфуция, важнейшее непосредственное выражение анимизма, превознесла, как и Заповедь, связь между небом и землей, устанавливаемую родителями каждого человека.

Поэтому весьма существенно, открывая глубоко христианский характер Заповедей, олицетворенных Христом, всегда провозглашать универсальное значение этого подарка Бога человеку, созданному по Его образу и подобию.

* * *

1. Я ГОСПОДЬ, БОГ ТВОЙ

Первая Заповедь находит свое полное выражение в Евангельском слове: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею, и всем разумом твоим". Постараемся глубже вникнуть в ее смысл.

Не надо быть ни большим мудрецом, ни большим мистиком, чтобы понять, что *Первая Заповедь служит прежде всего на благо самому человеку*. И если человек — образ Божий, то человеческие отношения улучшаются в той же мере, в какой упорядочены отношения человека с Богом. Итак, эта Заповедь имеет отношение к жизни всего человечества. Представим ее на четырех разных уровнях.

На уровне жизни

В основе всех человеческих отношений лежит вера, т.е. доверие друг к другу. Без нее ничего не возможно. Она создает жизнь. На ней основаны права и обязанности человека. Эти права и эти обязанности строятся на том, что люди без колебания признают человека друг в друге и имеют одинаковые стремления. Это сходство и эта общность жизни приводят к заключению, что мы сходны не только между собой, но еще с Кем-то.

Назовем первичной верой, безликой и безымянной, эту возможность данную людям Богом узнавать Его, не зная Его. Эту возможность Бог дал всем, потому что Он хочет спасения всех без исключения. Это — общий путь для всех веков.

Все человечество прошло этот путь, проявляя свои искания в форме различных религий. Современный человек, алчущий и жаждущий справедливости, служит примером такой первичной веры. Когда он видит, что подобные ему умаляют, унижают, презирают, обманывают, предают, оставляют в беде других подобных ему, он не может этого допустить. Но почему? Какое ему дело? Что за инстинкт побуждает его заниматься другими людьми? К этому его побуждает *вера в человека и в его будущее*. Эта вера возвышает человека над самим собой, дает абсолютный смысл его жизни. Человек готов пожертвовать своим настоящим

для будущего других людей, избирая то, что находится за пределами его собственной жизни.

Чем более он старается сделать людей подобными друг другу, претворить в жизнь понятие "подобные нам", тем более он помогает им приближаться к Тому, по образу и подобию Которого все были созданы.

В этом смысле человек наших дней, подобно древним мудрецам Конфуцию или Будде, изыскивает возможности осуществить справедливость в Африке, в Азии, в Южной или Северной Америке, Западной или Восточной Европе, и это становится оправданием его жизни в его собственных глазах.

На первом уровне Заповеди, "первичная" вера, присущая всем людям, отвечает на основной вопрос жизни. В ней — поиски смысла жизни и желание победы ее. Тот, у кого нет ни веры в жизнь, ни доверия к ней, грешит против "первичной" веры. Размышляя о самоубийстве, Дитрих Бонгоффер написал строки, которые на первый взгляд поражают: "Если самоубийца виновен, то лишь перед Богом. Самоубийство достойно осуждения, как грех неверия, потому что есть Бог Живой. Самоубийство следует осудить не за измененность побуждающих его причин. Можно предпочесть жизнь из низменных побуждений и покончить с жизнью из побуждений высоких. Неверие способно вызвать благородные или презренные поступки, но оно не считается с существованием Бога Живого. Грех именно в этом. Неверие приводит к тому, что человек ищет в самоубийстве последнее объяснение своей жизни. Но Бог оставил за Собой право решения о смерти, ибо Он один знает, к какой цели Он хочет вести жизнь. Самоубийство отрицает эту истину".

Очень не многие кончают с собой, очень не многие думают о самоубийстве, как о разрешении жизненных проблем, но многие думают и говорят: "Собачья жизнь ! И чего я живу на свете ? Не стоит жить ! Жить надоело ! Жизнь мне опротивела !" и т.д. Каждая мысль против жизни есть грех против Бога Живого, Творца жизни, и против Иисуса Христа, Который сказал: "Я пришел, чтобы имели жизнь и имели с избытком" (Ин 10.10). Это и есть надежда, рожденная от *любви* Божией, но при условии, что вера имеется по меньшей мере на "первичном" уровне. И это — первый шаг Первой Заповеди Божией.

Второй уровень Первой Заповеди касается истории Присутствия Божия среди нас. "Да не будет тебе других богов, кроме Меня", т.е. Меня в истории Моего постепенно открываемого Присутствия. Я не безымянный Бог рассудка, но Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог истории, который руководит твоей судьбой.

Многие верят в Бога, но в Бога Отсутствующего, Который не занимается нашей историей и нашей личной жизнью. Между тем Бог является человечеству в священной истории мира, имеющей начало, развивающейся и целенаправленной. Великий недостаток таких религий, как буддизм или браманизм, почти всех религий, — в том, что они не знают истории. Они представляют собой цикл возвращений, без вчерашнего и завтрашнего дня. Между тем Бог открывает священную историю мира, когда Он утверждает Себя Богом Авраама, Исаака и Иакова; Богом, Который заключил через них Союз с Израилем, Союз, названный Ветхим Заветом; Богом, Который дал Израилю Закон и обещание послать Мессию для искупления и обращения всего мира; Который утвердил в Законе и в толковании Пророков Свои Десять Заповедей, сводящихся к заповеди любви к Богу и к ближнему.

С Авраамом приходит в мир вера, которую мы можем назвать *вторичной верой*. У Авраама мы видим не искание — он услышал призыв, в котором узнал призыв Божий. Эта вторичная вера непосредственно касается еврея, мусульманина, христианина.

Ветхий Завет — залог действенного присутствия Бога в человеческой истории и Его действия в том направлении и на том пути, каждый этап которого имеет свое оправдание. Однако, это не следует понимать в том смысле, что были времена "привилегированные", — примитивные или высокого развития культуры, — что настоящее лучше прошлого. Нет. С остротой мучительного личного опыта лауреат Нобелевской премии Солженицын пишет, что наш мир раздирают те же чувства, что и мир пещерных людей.

На втором уровне Первой Заповеди верующие приходят не только к жизни, но и к постижению плана жизни. Этот уровень приводит нас к убеждению, что никакая жизнь не абсурдна, и к уверенности, что моя жизнь отвечает начертанному в моих сокровенных глубинах плану, который я должен ежедневно осу-

шествлять в событиях каждого дня. Я должен иметь доверие к моей личной истории, совпадающей с историей Бога в мире. Наша личная жизнь не начинается от нуля. Еще менее наша духовная жизнь. Обе они включены в божественный план, обычно называемый ПРОВИДЕНИЕМ.

На уровне любви

На третьем уровне Первой Заповеди Иисус Христос открывает нам, что Бог нас любит и любит *лично каждого из нас*. Это — целостная любовь Бога, но в то же время любовь каждого из Лиц Пресвятой Троицы, ибо Иисус Христос дает нам здесь, на земле, возможность познать Бога в Его троичной сущности, окруженной тайной, но в какой-то мере открывающейся нам, когда Он Сам Себя называет: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. Каждое это имя знаменательно по-своему для нашего разума и для нашей любви.

Прежде всего Иисус неустанно учит, что Бог есть Отец, Отец Небесный, к которому каждый человек должен иметь сыновнее доверие, самое беззаветное. Иисус не позволяет нам избрать ложный путь, открывая нам, что не мы называем Бога "Отцом". Не по аналогии с отцом земным мы призываем Отца Небесного, но, как позже сказал Апостол Павел: от Отца Небесного "именуется всякое отечество на небесах и на земле" (Еф 3. 15).

В то же время Он, Назаретский плотник, человек, подобный другим людям, открывается постепенно как Сын Божий, равный Отцу. Вводя в божественный диалог "Я" и "Ты", Иисус приводит Своих учеников и каждого из нас к открытию дивной жизни в Боге, уникальной, но не одинокой.

Опыт познания Отца и Сына завершается познанием Святого Духа, присутствием Бога в нас, в глубинном центре нашего бытия.

Все в поведении Иисуса показывает, что Он пришел *призвать* нас к близкому личному общению с Богом в трех Лицах. Иисусу, посланному Богом, поручено Им же сказать людям: войдите, придите и узрите. Когда Иисус призывает, невозможно отказаться, ибо Он знает, когда к нам обращается, что наше сердце готово к принятию Его призыва. Если это сердце потом уклоняется, оно грешит против Света и против Бога. Вопрос греха должен рассматриваться с этой точки зрения.

Таково приглашение к вере третьего уровня, создающей христиан: "Куда я иду, вы знаете и путь знаете".

— "Господи ! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь ?"

— "Я есмь Путь и Истина и Жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня" (Ин 14.5 сл.).

— "Покажи нам Отца и довольно с нас".

— "Видевший Меня видел Отца... Я в Отце и Отец во Мне...

Кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое и Отец Мой возлюбит его и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. И Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины... Вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет" (см. Ин. глава 14).

Все сказано. Пресвятая Троица приглашает и хочет быть приглашенной. Умиленно переживать тайну Пресвятой Троицы, т.е. близость к Богу — в этом сущность веры третьего уровня. До тех пор, пока христианин не исполнит свое сердце этой верой до самых глубин, он останется духовно-заблудшим и духовно-отставшим.

На уровне общества

То обстоятельство, что Иисус, Божественный Вестник божественного откровения, открыл Себя в очень маленьком месте небольшому числу людей, в течение неполных трех лет, и не оставил ничего написанного, неизбежно привело к созданию Церкви, т.е. постоянной группы полномочных свидетелей и вестников. Христос говорил человеческими устами для человеческого слуха, и точно так же вера не проистекает из личного божественного откровения, но передается путями обычной человеческой передачи. "Как веровать в Того, о Ком не слыхали ? Как слышать без проповедующего"? — говорит Апостол Павел (Рим 10.14). Это и есть "четвертый" уровень Заповеди: — вера посредством свидетелей и вестников.

Христианская община была основана и организована Христом для исполнения Его Завета, передачи Его наследия, провозглашения Его Благой Вести. Сам Христос неразрывно связал Себя с Церковью, и никто не может обойтись без нее. Она — жена, которой Супруг поручил готовить трапезу Таинств и Слова, вводить приглашенных, давать каждому подобающее место согласно воле Супруга. Если некоторые христиане отказываются

иметь дело с ней и со служителями ее, которых она избрала во имя Супруга, то эти христиане ставят себя в невозможное положение, ибо принимая приглашение Супруга, отвергают жену, хозяйку трапезы. Христианин, отвергающий Церковь, погрешает против общественного плана Божия и становится непонятным самому себе.

На четвертом уровне я верю, что я — полноправный член общества, которому поручено передать эту Благую Весть, а она, преображая и освобождая меня, преобразует и освобождает все человеческое общество.

Христос, учреждая Церковь, тем самым позволил мирскому обществу существовать по своим собственным законам и одновременно дал ему образец общества, где все переживается не по-человечески, но по-Божески. Обращаясь к Своим ученикам, Иисус не только заповедал любить ближнего, как самого себя, но и уточнил: "Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как *Я возлюбил вас* ... По тому узнают все, что вы Мои ученики" (Ин 13.34 сл.).

Его ученики — по образу Его; образ знаменательный, ибо по нему "узнают все", не некоторые, а все — "что вы Мои ученики". Вот высшее свидетельство. Оно объясняет смысл последних слов традиционной молитвы, которая приблизительно звучит так: "Боже мой, я люблю Тебя всем сердцем моим, всею душою моею, всем разумением моим, всею крепостью моею и обещаю Тебе любить ближнего моего, как самого себя, — ради Тебя".

Создавая Церковь, Христос создал особый тип человеческих отношений, которые могут помочь всякому обществу лучше познать самого себя, будь оно политическим, профессиональным, семейным, юридическим, культурным или просто группой, где имеются права и обязанности. Церковь на своем посту — "эксперт по человечеству", как сказал Павел VI на Ассамблее Объединенных Наций. Духовное общество, основанное Христом, одновременно порука прав мирского общества и напоминание о его обязанностях: *Я Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме Меня.*

* * *

Четыре уровня Первой Заповеди: "Я Господь Бог твой" соответствуют четырем видам "приятия" и четырем видам "отказов", т.е. грехов:

1) Приятие жизни, данной Богом Живым, или же отказ принять ее, как таковую.

2) Приятие замысла Бога Авраама, Исаака и Иакова, или же отвержение Бога *человеческой истории*.

3) Приятие любви трех Лиц Пресвятой Троицы, открытых Иисусом, или же равнодушие и отрицательные чувства.

4) Приятие *общества*, через которое и в котором Бог проявляет Свое присутствие и Свою благодать средствами, установленными Им Самим, — или же отказ от него христианина, который в своей самоуверенности сам избирает свой путь.

Приятие замысла Божия о жизни, приятие жизни, триединой любви Господа, а так же и Его общества, которое есть Церковь — это моя жизнь, моя история, моя любовь, рамки этой жизни, этой истории и этой любви. Такова Первая Заповедь во всей полноте своей освобождающей нас требовательности. Первая Заповедь есть суд всей моей жизни и всякого общества.

Однако, Первая Заповедь уясняется во Второй и в Третьей. Ведь человек и человеческое общество постоянно подвергаются соблазну заменить Бога своим собственным образом, что есть идолопоклонство, или же пользоваться им в своих целях, что означает произносит Его имя всуе.

2. НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Вторая Заповедь, запрещающая кумиры, как будто касается только "идолопоклонников" и является лишь остатком давнего исторического предупреждения, обращенного к народу Израиля: "Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на земле вверху и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им (Исх 20. 4 сл.). Борьба против идолов продолжалась веками, несмотря на увещания пророков и грозные кары. "Идолы их бесчисленны, люди устремляются за ними" — гласит псалом. Израиль непрерывно подвергался соблазну пользоваться магическими средствами и изображениями, которые употреблялись у соседних народов с целью обезопасить себя от злых духов и снискать покровительство высших сил. "Дайте нам богов, которых мы можем видеть и касаться" — настоятельно требует Израиль от своих вождей.

В действительности, в каждую эпоху Вторая Заповедь способствует освобождению человека, ибо никто из нас не может избежать поклонения кумирам; от них можно защищаться лишь силой Бога и веры. Эта Заповедь особенно ценна в эпохи неуве-

ренности и поисков иррационального, "анти-культуры", когда гибнут цивилизации и никто не знает будущего. Именно тогда должно провозглашать: *Не сотвори себе кумира.*

Не создавай себе идолов, богов "параллельных"

Все понимают обиходное значение слова "кумир", обозначающее культ личности политического деятеля, главы государства, "кумира толпы".

Каждому известно, что "параллельных" богов великое множество: кумиры денег, удовольствия, выгоды, могущества, власти, славы... Все это знают. Верно, что человек обожает золотого тельца, поклоняется сильным мира сего, "отчуждает" себя в сладострастии и т.д... Но не в этом подлинная проблема Второй Заповеди.

Каждый обладает *воображением*, способностью создавать образы, благодаря которым реальность становится прекраснее, приобретает видимость абсолютного. Не отрекаясь от Единого Бога, даже не замечая осквернения своей души, человек поддается соблазну сотворить себе богов по своей мерке, в соответствии со своими идеями, чувствами, личными побуждениями. Таким образом человек может создать себе собственный мир, отвращающий его от Бога. Никто не может служить двум господам: Богу и "другому". И этот "другой" совсем не обязательно имеет вид идола, изваянию которого курят фимиам: обычно он гораздо ближе к нам, находится на уровне нашего сознания.

Не делай себе кумиров, богов иных

Между двумя первыми Заповедями есть очевидная связь: "Я Господь Бог твой, Который вывел тебя... из дома *рабства*. Да не будет у тебя иных богов перед лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения... Не поклоняйся им и не служи им (не будь их рабом)" (Исх 20. 2-5). И так совершенно ясно, употребляя слово *рабство*, Бог дарует свои две первые Заповеди как хартию полного освобождения. Притом выражение "иные боги" должно пониматься в том смысле, что иным, т.е. отчуждающим, является всякий узурпатор или обманщик.

Слово "отчуждение" в наши дни имеет социальное и полити-

ческое значение. Оно определяет положение человека, который по причинам внешним или внутренним больше не принадлежит себе, становится рабом вещей и даже достижений человечества, которые обращаются против него и оскверняют его. Вторая Заповедь обращает внимание человека или общества на самый источник всякого *отчуждения*: "Да не будет у тебя кумиров, богов иных" — богов "отчуждающих". Он таится в сердце каждого человека и свойственен каждому обществу: из него проистекает стремление создать мир по образу человека, исключив из него Бога.

Папа Иоанн XXIII предупреждал с великою тревогою: "Самым зловещим феноменом нашего времени является попытка воздвигнуть устойчивый и плодотворный общественный порядок вне Бога — единой основы, на которой он может быть утвержден, и провозгласить величие человека, отрезанного от источника, порождающего и питающего это его величие. Каждодневный опыт среди самых горьких разочарований и часто среди кровавых испытаний неизменно обнаруживает то, что утверждает богодухновенное Писание: Если не Бог воздвигает дом, то тщетно трудятся те, кто воздвигает его".

Не превращай в кумиров темных сил

За кумирами как вчера, так и сегодня кроется грозная реальность, *самое страшное искушение*: искушение оккультными силами. Народ израильский так долго не мог отделаться от идолов потому, что искал в них защиты против всех таинственных сил, не поддающихся контролю, — природных сил и тех, что таятся в человеке. Но Бог с нами. Он говорит нам Своею Заповедью: "Не бойтесь, Я ваш создатель и Владыка всех вещей. Не бойтесь, ибо Я люблю вас. Я хочу вашего блага и никто не может противостоять Моей неизменной воле. Не принимайте за Меня силы природы, в них нет ничего священного, сами по себе они — ничто. Они — материя, а вы — дух". Вторая Заповедь *демистифицирует, демифологизирует, секуляризует* все лже-священное, как вокруг человека, так и в его подсознании и в области бессознательного: ложных богов грома и молнии, темные божества неведомого будущего как вокруг человека, так и в его подсознании.

В настоящее время миф возрождается повсюду. Цивилизация, дающая трещины, освобождает силы инстинктов. Примером

служит искусство, вечный предвестник: кумиры-любимцы мюзикхолла и нового театра перехватывают эти силы своими заклинаниями и вызывают взрывы безудержных эмоций. Человек вследствие "звукового экстаза" выходит из себя, теряет свою свободу и, изгнав божественное начало из своего сознания, заполняет его темными божествами.

Под натиском анти-культуры многие ищут "немедленного рая" и поэтому доводят опыты до предела, до предела самих себя, до края бездны, надеясь открыть духовное измерение, скрытое в подсознании.

Темные явления при поисках абсолютного распространяются в нашу двусмысленную эпоху по мере ослабления церковной жизни, по мере упрощения богослужения, упадка позитивизма.

Спиритизм и колдовство, телепатия и ясновидение, "неогностицизм", астрология и другие формы суеверия, часто самые грубые, заполнили газеты, книжные магазины, экраны и рекламу. Почти у всех книгоиздателей имеется "таинственная," "магическая" или "пара-научная" литература. Из 2.229 ежедневных газет, выходящих в Соединенных Штатах, во Франции, в Бельгии и в Швейцарии, почти половина помещает гороскопы. Не менее 80 проц. современных изданий в Италии имеют астрологическую рубрику. Правда, прибегающие к гороскопу или астрологии в большинстве своем делают это без особой веры, а просто, чтобы избавиться от беспокойства и нерешительности: следует повернуть направо или налево; купить или продать; покориться страсти или преодолеть ее; начать дело о разводе или нет ?

Еще серьезнее рост оккультных групп. В Соединенных Штатах секты, вызывающие тревогу своим количеством и называющие себя сатаническими или демоническими, стремятся овладеть с помощью сложных колдовских обрядов и заклинаний всеми удовольствиями жизни. Иногда случаются скандалы, но подпольный мир уже заполнен *темными кумирами* и в Европе. Некоторые статистики утверждают, что по обеим сторонам Атлантического Океана имеется более ста миллионов поклонников оккультных наук. Потребность знать будущее и господствовать над ним возродила спиритизм, якобы дающий возможность вступить в общение с иным миром.

Как своевременно предупреждение Второй Заповеди: ты не должен иметь кумиров, т.е. *параллельных*, чуждых, темных богов, сотворенных по образу человека.

Ищущему правду человеку Бог дает светоносный ответ: обратиться к Иисусу Христу. Он — "образ Бога невидимого, рожден-

ный прежде всякой твари. Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, *видимое и невидимое*. ...И Он есть глава тела Церкви... Благоугодно было Отцу... посредством Его примирить с Собой все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное" (1 Кол 1. 15-20).

3. НЕ ПРОИЗНОСИ ИМЕНИ ГОСПОДА БОГА ТВОЕГО НАПРАСНО

Третья Заповедь — об Имени Господа. Она касается возможного употребления этого имени и запрещает прежде всего ругаться, упоминая Имя Божие. Крайний предел непослушания Третьей Заповеди — богохульство. Совершенно несомненно, что богохульство есть худшее нарушение Заповеди Декалога, ибо является посягательством на святость Имени Божия, унижаемого словами человека. Третьей Заповеди соответствует первое прошение Молитвы Господней: "Да святится Имя Твое". Заповедь требует, чтобы молитвенный призыв "Во имя Отца и Сына и Св. Духа" не оставался пустой формулой, но проникал нашу повседневную жизнь.

Не ручайся напрасно Именем Божиим

Заповедь запрещает пользоваться Именем Божиим как магической формулой и в личных целях. "Бог не находится в распоряжении людей... Он абсолютный Владыка. Им нельзя пользоваться и, значит, нельзя пользоваться Его Именем. Ему следует служить, Его следует восхвалять, прославлять, благословлять. Клясться Именем Божиим — значит брать Бога в поручители" (Г. Озу).

Бога не берут в поручители без необходимости, и призывать Его в свидетели своего обязательства — значит совершать нечто настолько решающее и окончательное, что, превышая возможности человека, оно переносит его в сферу божественного Абсолюта. Мы берем на себя обязательство быть верными брачному союзу, священническим или монашеским обетам лишь с помощью Божией, во Имя Его.

Человек может употреблять Имя Божие, но не напрасно

Очевидно, если Бог заповедал не произносить Имени Божия всуе, то человек вправе обращаться к этому имени, когда это необходимо. Человек может действовать во имя Божие, чтобы было выполнено повеление, но это допустимо лишь при полной уверенности, что Его святое Имя не служит прикрытием наших вожелений, что под Его Именем мы не вводим нечто иное, каких-либо "отчуждающих" богов.

"Церковь, семья, управляющие трудом, высшие должностные лица вправе говорить от Имени Божия в пределах своей компетентности, ссылаясь на Божию Заповедь, но ни одна из этих властей не может с ней отождествляться. Превосходство Заповеди Божией заключается именно в этом: она располагает власти одну рядом с другой, одну по отношению к другой" (Д. Бонхеффер).

Заповедь предупреждает против всякого использования Бога ради пользы человеческого дела, для успеха которого было бы соблазнительно иметь порукой Имя Божие. Св. Августин заметил, говоря о молитве: «*mali, male, mala*» — "Мы плохо расположены к молитве, мы плохо просим, и просим плохого". Пользоваться Богом, ссылаться на Него ради своих интересов, присоединять Его Имя к экономике, политике, к социальной борьбе, во имя порядка или революции — это значит идти против Заповеди. Не следует тянуть Бога в свою сторону, злоупотребляя Его Именем, ведь никто не имеет на Него монополии. Мы знаем из Заповеди, что есть вещи, которые нельзя освящать Его Именем, хотя они и остаются в пределах Его правды: "Да будет слово ваше "да, да"; "нет, нет", а что сверх того, то от лукавого", — сказал Христос (Мф 6. 37).

Когда в Евангелии говорится о богатых и бедных, то не имеются в виду экономические отношения как таковые. Например, обличается не принцип заработной платы и строя, на нем основанного, но незаконное лишение рабочих их вознаграждения. Идея заработной платы и принципы, связанные с нею, не осуждаются и не одобряются так же, как и собственность, капитал, налоги, господа, слуги, рабы...

Требуется перемена в глубине души, столь же тихая, сколь и глубокая: повиноваться прежде всего воле Господа и понимать, что все Ему подвластно, в том числе отношения торговые

и экономические. В Евангелии бедность, как и болезнь, не пре-возносится сама по себе. Но Бог любит бедного, как Он любит больного и увечного.

Идея социальной справедливости чужда Евангелию. В нем возвещается справедливость иного порядка и иного духа — правда Царства.

Евангелие не служит порукой никакой структуры или организации. Никто не в праве ссылаться на его авторитет, предлагая или принуждая принять какую-нибудь структуру. Всякое служение какой-либо идее искажает Благоую Весть, если ведет к забвению ее сути. Что же касается насилия, которым берется Царствие Небесное, то образец нам дан Тем, Кто "кроток и смирен сердцем" (Мф 12. 29).

Всему свое место.

Не произноси Имени Господа твоего напрасно.

4. ДЕНЬ ГОСПОДЕНЬ

Седьмой день недели, день Господень, придает смысл труду человека и определяет ритм личной и общественной жизни.

Седьмой день дает ритм шести остальным

Этой Заповедью устанавливается *богословское значение отдыха*: "И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмый день и освятил его" (Быт 2.2-3). Этот образный язык должен быть осмыслен. В той мере, в какой человеку поручено продолжать творческую деятельность шести дней Господних, он должен отдавать себя *дню Господнему*, дню Его отдыха: "Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил" (Исх 20. 8,9,11).

Иудейская доктрина субботы возведена на новую ступень богословским толкованием седьмого, воскресного дня. "Время, посвященное Богу, уясняет значение недели. Труд оценивается, исходя из субботы, а не наоборот. Нет "религии труда": труд

не должен становиться целью в себе. Перерыв в работе для всех и почитание седьмого дня всегда напоминают об этом" (Г. Озу).

Одно из противоречий нашего общества заключается в том, что отдых одних создается за счет труда других. Организация общества все еще несовершенна. Закон Моисея неумолим: "И соблюдайте субботу, ибо она свята для всех; кто осквернит ее, да будет предан смерти. Кто станет в оную делать дело, та душа должна быть истреблена из среды народа своего" (Исх 31. 14). Это предание смерти — решительное средство заставить людей, живущих в обществе, понять, что их долг уважать отдых каждого. При этом надо иметь в виду, что не человек для субботы, но суббота служит человеку, однако не в том смысле, что человек — господин субботы, а в том, что человек должен признать в этой Заповеди наилучшие условия для своей жизни.

Очень важно сообразовать труд с воскресным отдыхом. Когда израильтяне, вернувшись из Плена Вавилонского, вновь обратились к тексту Заповедей, они приняли такое решение: "И когда иноземные народы будут привозить товары и все продажное в субботу, не брать у них в субботу и в священный день" (Неем 10. 31).

День Господень, чтобы прервать ритм: метро-работа-сон-метро

Есть труд с единственной целью заработать на хлеб насущный и есть деятельность, которой человек посвящает всего себя, свою жизнь.

Каждый человек окружен материальной средой, от которой зависит и над которой должен господствовать, чтобы обеспечить свое биологическое существование. Чтобы есть, нужно сначала создать пищу, совершенно необходимую как для человеческого тела физического, так и для тела социального. В основе громадной пирамиды человеческого труда лежит хлеб насущный.

Сколько есть ремесел, неспособных дать что-либо, кроме заработка, до того они монотонны и механистичны. А между тем, как гласит французская поговорка: "не бывает глупого ремесла" — каждая работа имеет свою цель. Самая примитивная работа, если она полезна социальному телу, становится ценной.

Если работа не изнуряет работника, то она побуждает его искать гармоничного развития вне области труда. Так мы приходим к важной проблеме досуга, к проблеме субботы — времени бескорыстной деятельности, т.е. не вызываемой необхо-

димостью заработка на жизнь. Тогда появляется возможность размышлять и более разумно участвовать в общественной жизни. Это в свою очередь создает возможность самоотдачи в рамках общества, в котором мы живем и благами которого пользуемся.

День Господень позволяет соединить личные ценности с ценностями профессиональными. Отсюда священная роль седьмого дня, данного Богом человеку для того, чтобы человек не терял образа Божия. Человек бессилён познать самого себя, обуздать себя, познать точный ритм своего существования, поэтому Бог налагает на него обязанность соблюдать Его День. Однако эта обязанность освободительная, она открывает человека ему самому, создавая возможность гармонического существования. Человечество, предоставленное самому себе, постоянно колеблется между ленью и трудом, между стремлением к досугу и порабощением работе. Никогда еще в Западном обществе дни отдыха не были так многочисленны, а часы работы так сокращены, и тем не менее все жалуется на переутомление и недостаток времени. Парадокс состоит в том, что отдых становится утомительным, ибо день Господень проходит как рабочий день, в том же ритме и с той же насыщенностью занятиями.

День Господень, чтобы господствовать над космическими ритмами жизни

Между тем человек должен овладеть природой, а не давать ей господствовать над собой, даже в часы досуга. Воскресного отдыха нет в природе, нет у животных, нет и у людей, живущих на уровне материальной жизни. Лишь в той мере, в какой вол и осел или пахотная земля соучаствуют в труде человека, они приобщаются к его отдыху.

Повсюду, где человек приближается к образу Божию, он проявляет себя как творец, и способен подчинять себе законы природы и общества, придавая им человеческий ритм. Проницательно говорит об этом мыслитель-марксист Роже Гароди: "Иисус показал своим ученикам, что силы, которые господствуют в мире, не могут детерминировать человека, что человек может освободиться от своей зависимости от сил инфра-персональных: ни экономические силы, ни междуклассовые отношения, ни импульсы инстинкта и физиологии, ни психологические или моральные давления семьи, класса или нации и никакие структурные требования природы или общества не могут всецело детер-

минировать человека, даже если все эти факторы обуславливают в значительной степени его действия и его мысли".

В наши дни тот, кто полагает, что Бог разделит с человеком Свое господство над миром, не может уклониться от ответственности за его судьбу. Он отдает себе отчет в том, что он обязан согласовать свою жизнь с божественным ритмом Создателя.

Жизненное пространство человека. — Чтобы общество оставалось человеческим, оно должно быть ограничено определенным пространством. Истина передается от человека к человеку в любви. Иисус утвердил Свою Церковь на этой естественной структуре. На нас лежит обязанность наметить план новой общины, способной защитить семью, а главным образом — помочь ее членам жить вместе, как подобает людям.

Время человека. — Земной, плотский человек живет немного лет. Еще меньше времени дается его трудовые годы. Христиане обязаны перед самими собой превратить эту периодичность, подчиняющую своему ритму человеческую жизнь, в научное знание. Человек должен вырасти и гармонично развиваться менее чем в 30 лет, чтобы у него сформировалось христианское мирозерцание — движущее начало всей его жизни, конечная цель которой достичь лицезрения Бога в небесной отчизне.

Придавая слишком много значения поискам смысла истории, люди потеряли чувство времени; шансы жить полноценно одинаковы у каждого поколения, в каждом народе.

Третье измерение. — Люди, продолжая жить своей естественной жизнью, становятся способными совершать более грандиозные дела в той мере, в какой Невидимое проникает в структуру их жизни в обществе. История христианства это доказывает. Общество свободно в той мере, в какой конечные цели, им себе поставленные, связаны с Невидимым. Нравственность никогда не была наукой, как таковой. Возвращение к конечным целям уничтожает недоверчивость, которая разъедает самые обыкновенные действия в повседневной жизни, порождает страх перед жизнью и самоизоляцию. Разрушив эту гармонию, граждане нашей эпохи стали чужды сверхприродной жизни.

Можно многое сказать о месте *Евхаристии* в сердце новой общины, ибо Евхаристия в конечном итоге гарантирует Единство и меру присутствия божественного в сердце человеческого общества.

5. ПОЧИТАЙ ОТЦА ТВОЕГО И МАТЬ ТВОЮ

Эта Заповедь находится в числе пяти первых, но имеет уже больше общего со следующими пятью, которые касаются обязанностей людей по отношению друг к другу. Этим подчеркивается особый характер Пятой Заповеди, одновременно божественной и человеческой или, иначе говоря, природной и сверхприродной.

В Пятой Заповеди признается особое значение родителей как избранного орудия Божия, как источника жизни и как свидетелей предыдущего поколения для каждого последующего.

Можно сказать, что родители рассматриваются здесь, как первые из ближних. Но правильнее было бы усматривать здесь ту связь, которая существует между Пятой Заповедью и предшествующими, имеющими непосредственное отношение к Богу, именно: родители представляют в некотором смысле образ Божий — ибо Сам Бог и есть Отец.

С этим вопросом отцовства связана в определенном смысле проблема разрушения западной культуры. Для многих отказ от прошлого стал условием настоящего. Родители как постоянные свидетели этого прошлого могли бы помочь его преодолению через его усвоение. Все же отказ представляется теперь для экс-культурных людей более коротким путем выхода из первобытного состояния в процессе создания ими новой человеческой общины. Однако начинать с нуля невозможно, к тому же передача жизни совершается не единственно через родителей. Она идет через все, начиная с языка, создания веков, который мы вынуждены принимать, несмотря на все культурные революции. Отказаться от дара и наследия прошлого так же невозможно, как отказаться от самого себя.

Родители — на всю жизнь

Пятая Заповедь единственная, к которой добавлено обещание награды: "Чтобы продлились дни твои на земле" (Исх 20. 12). Речь идет о семейном наследственном достоянии. Каковы бы ни были современные идеи о семье, невозможно отрицать или преуменьшать значение семьи для людей Библии. Именно в этой

среде и через нее создается великая солидарность поколений. Св. Писание, в котором ясно изложен этот идеал, многократно свидетельствует, что народ Божий не ошибся в оценке ценностей, из которых первая — жизнь.

"В высшем смысле слова есть лишь один Отец, от Которого происходит все отцовство и вне Которого никто не может стать абсолют. В этом смысл требований Христа". (Г. Озу).

На половине странствия моей жизни, во цвете лет

В отношениях между ребенком и родителями Заповедь идет навстречу ребенку, сопровождает его и проводит через множество положений повседневной жизни, в которых ребенок должен любить и чтить своих родителей. Заповедь эта проявляется также в ежедневных увещаниях и призывах соблюдать нормы поведения внутри семейной общины. Божественная Заповедь становится той стихией, в которой живут, зачастую не отдавая себе в этом отчета. Заповедь — жизненное начало — заключает в себе свободу движений и действий. Она приносит уверенность, спокойствие, доверие, равновесие и мир. Если я почитаю своих родителей, остаюсь верен в супружестве, уважаю жизнь и собственность ближнего, — то это не потому, что грозная скрижаль со словами "Ты не должен"... стоит у границ моей жизни. Я веду себя так, ибо сказал "Да" тому, что установлено Самим Богом, тому, что я встречаю в центре и в полноте моей жизни: моих родителей, брак, жизнь, собственность; потому что я живу и хочу жить во всех этих реальностях. (Д. Бонхеффер — ср. его вышеприведенное высказывание — стр. 13).

Христос против самоуверенности "взрослых"

Перед лицом Христа нет молодых, но есть дети. По мнению богослова Нейхейслера, Иисус противопоставляет ребенка "взрослому" и выдвигает ребенка, его состояние "детства" как образец. Ни в каком другом Своем слове Христос так определенно не отрицает фарисейства. Слово это содержит следующий упрек: человек, послушный закону, не похож на ребенка, ибо все его действия рефлексивны. Даже ученикам Христа не чуждо это "взрослое" поведение фарисеев.

Иисус изобличает именно ту уверенность, с какой взрослые считают себя взрослыми. Взрослый полагается на самого себя, — ребенок же всецело зависит от других.

Указывая на ребенка, как на образец, Христос как бы открывает нам, что лишь в тесном общении с "Отцом" этот идеал может быть осуществлен. Говоря о детях, Иисус противопоставляет им ханжей, пытающихся показать себя "взрослыми". То же выражают Его слова о "мудрых и разумных" (Мф 11.25): мудрым не дано познать Отца и Сына.

6. НЕ УБИВАЙ

Как в Ветхом, так и Новом Завете на первом месте среди Заповедей, касающихся ближнего, стоит повеление: *Не убивай*. Для более точной передачи смысла Заповеди лучше переводить: *Не совершай убийства*. Действительно, под "*совершением убийства*" подразумевается преступление, покушение на жизнь человека, злой умысел против чьей-нибудь жизни, тогда как "*убить*" просто означает факт лишения жизни каким-либо способом. Кроме того, форма выражения "*не убивай*" вызывает в современном сознании представление об абсолютном запрете, которого нет в Заповеди.

Война и смертная казнь

Бесспорно, что Заповедь *не убивай* была провозглашена в народе, где закон Моисея предписывал смертную казнь в очень многих случаях и где война была делом разрешенным и порою даже поощряемым. Итак, Заповедь следует рассматривать, принимая это во внимание.

Христианская мораль, следуя Ветхому и Новому Завету, где описания войн и казней приводятся без всякой оценки, всегда соглашалась с тем, что неприкосновенность человеческой жизни не абсолютна. Бог разделил с людьми Свою власть отнимать жизнь, тем более, что земная жизнь — всего лишь один из аспектов человеческой жизни и есть смерть хуже, чем смерть плоти. По Слову Христа: "Не бойтесь убивающих тело, душу же не могущих убить, а бойтесь более то-

го, кто может и душу и тело погубить в геенне" (Мф 10. 28).

В большей части государств смертная казнь упразднена и сильные течения общественного мнения добиваются полного осуждения всякого рода войн. Короче говоря, может быть останутся лишь жертвы несчастных случаев на дорогах, а убийцы смогут убивать, не опасаясь за свою жизнь, и революционеры — умерщвлять заложников, не боясь, что их за это казнят.

В настоящее время, когда осуждается война и смертная казнь, мы остро ощущаем виды насилия иные, чем насилие физическое: пропаганда, взаимодействие социальных структур, вызывающее психическую подавленность, тоталитарные режимы. Каждый чувствует, что он жертва какого-нибудь насилия. В силу этого мы рискуем стать сторонниками насилия против насилия, считая, что наше насилие оправдано насилием предыдущим, его вызвавшим.

Насилие и антинасилие

Университетский преподаватель протестант Жак Эллюль напоминает, как традиционно различают насилие и силу. "Государство облачается силой. Человек не может законным образом убить своего ближнего; два человека вместе тоже нет, ни собрание из ста человек, ни из десяти тысяч... Судия же, напротив, может законным образом вынести смертный приговор. Эта власть исходит от учреждения государства, которое — вне человека. В этом вся разница между силой и насилием. Так же и по отношению к войне. Лишить государство возможности вести войну — значит обречь его на исчезновение, т.к. оно находится в постоянной борьбе со своим внешним врагом".

В настоящее время имеется три ориентации:

1. — В чем заключается меньшее зло? Все судят об этом по-разному. Для одних оно заключается в распространении коммунизма, для других — в эксплуатации третьего мира. Оценка какой-либо войны как справедливой приемлема только при условии, что государство сначала употребило все мирные средства. Но часто это дает агрессору время лучше подготовиться.

2. — Отказываясь определить справедливую войну, христиане призывают воевать без ненависти.

3. — С другой стороны, заявляют о себе противники насилия, которые принимают в абсолютном смысле Заповедь: *не убивай*.

На скрытое насилие, господствующих классов, отвечает взрывчатое насилие угнетаемых. Не существует "чистого" насилия. Человек, применяющий насилие, всегда старается оправдать его и оправдаться сам.

Для христианской веры неприемлемо не столько *само насилие*, сколько *его оправдание*. Я ничего не имею против того, кто избирает дорогу политическую, синдикальную, научную, революционную, техническую и т.д.... Лишь бы только он не претендовал, что этим выражает христианскую истину.

Так мы видим, что богатый не брат нам... Он — враг, и мы не можем рассчитывать на его обращение. Важно только его устранить. Если я полагаю, что примирение является лицемерием, это фактически означает, что я сам больше не верю в подлинность грядущего Царства. И поскольку я сам больше не верю, то думаю, что и другие не могут верить. И христиане тогда ограничиваются тем, что присоединяют свой голос к уже слаженному хору: они не делают ничего особого и вынуждены пользоваться методами, которые созданы другими, в особенности — насилием.

Все, что мы в качестве христиан говорим о насилии, указывает на недостаточность нашей веры. Мы так же лицемерны, как были лицемерны наши предки, когда они пользовались христианством, чтобы оправдать свою торговлю и поддерживать свой социальный строй. В обоих случаях первое место отводится социально-политической деятельности, а вера в Христа — только средство.

Насилие, прямое выражение животной природы, обнаруживает греховное состояние, в котором мы пребываем. Этими двумя словами: *не убивай* человек восстал против естественного хода вещей. Животное убивает, когда ему это нужно. Но когда человек сказал: *не убивай*, он утвердил себя как нечто отличное от животного. Все, что отсюда вытекает, должно быть утверждено, преподано, пережито с самой абсолютной неприимостью.

Толкование Иисуса

Иисус говорит: "Вы слышали, что сказано древним: "не убивай"; кто же убьет — подлежит суду (Исх 20.13). А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синед-

риону, а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой перед жертвенником и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником и пойди прежде примиришься с братом твоим и тогда приди и принеси дар твой" (Мф 5. 21 - 24).

Реализм прощения

Немецкий мыслитель Нейхейслер замечает: "Естественная реакция человека при встрече с "врагами" есть как раз то, от чего призван совершенно отказаться ученик Христов.

Это — твердая воля делать добро ненавидящим вас, благословлять проклинаящих вас, молиться Богу за тех, кто причиняет вам зло. Этим наставлением Господь разрывает автоматическую цепь репрессий: проклятие за проклятие, ненависть за ненависть. Именно любовь к врагам лучше всего показывает, что ученики поступают так же, как Сам Бог, и что они лично участвуют в Его благодатной и безграничной любви. Тут дело не в исполнении Закона и соблюдении Десяти Заповедей. "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный" (Мф 5. 48): это требование превышает все, что возможно и что требуется в природном плане.

По своей естественной склонности человек желает, чтобы ему указали границы морали, в которых он может действовать, чтобы ему определили цель, которой он должен достигнуть. Но так как совершенство ученика должно быть причастно совершенству Отца, то ученик стоит как бы перед лицом бесконечности, не имеющей предела.

Только тот, кто не судит и не осуждает, кто всегда готов простить и оправдать, поймет, что он сам избежит суда и осуждения, что он станет свободным и обретет изобилие благ. Там, где центром морали является право, там имеются друзья и враги, суды и войны, но там, где единый критерий — благодать и любовь Божия, там царят мир и дела мира.

Кроткие имеют мужество оставить на волю Божию заботу о предоставлении им жизненного пространства в мире, где царит кулачная расправа. Быть кротким — это значит всецело зависеть от Бога.

Жак Гийе, размышляя об Иисусе перед лицом Его жизни и смерти, написал с большой точностью: "Прощение врагов — решающий признак, который отличает детей Божиих. Но эта Запо-

ведь имеет смысл лишь в реальном мире, где господствует насилие. Она не претендует превратить его в идиллический мир, где кротостью можно обезоружить насилие. Эта Заповедь хочет чего-то более реального и более таинственного: обходиться с врагом, как с братом, в то время как он остается врагом, применяющим насилие по отношению к вам, и ему может быть следовало бы противостоять. Простить — это значит принять своего врага таким, как он есть, и желать, чтобы он такой как есть, существовал. Это значит согласиться с тем, что тайна его жизни от нас ускользает. Это — акт веры, подобный тому, которым мы вручаем Отцу тайну нашего существования. Но этот акт предполагает решительное событие, которое покончит со злом. И это событие уже начинается с того момента, как я смогу простить; оно — реальность в Иисусе, Который его предлагает и переживает, оно остается обещанием в вере и надежде".

Заповедь, с ее ясной и прямой целеустремленностью

Но вернемся к Заповеди с ее ясной и прямой целеустремленностью. Непосредственно и ясно она приводит к существенному, одновременно помогая избежать темноты тому, кто не знает, что делать, — и слишком резкого света тому, кто хочет сделать все. Убийцы не так уж многочисленны, но многочисленны те, которым приходится делать выбор между жизнью и смертью: врач, судья, полицейский, солдат. Заповедь Божия освобождает, так как она в одно и то же время точна, но и неопределенна: *"не убивай"*. Эта Заповедь проникает в совесть, освещает ее и стимулирует ее. Не многие люди имеют повод убить, но каждый может стать сообщником множества прямых или косвенных убийств и посягать так или иначе на жизнь своего ближнего.

Заповедь, прямо обращенная к каждому: *не убивай*, призывает каждого взвесить свою ответственность. Тот, кто убивает еще не родившегося ребенка под предлогом, что это еще не вполне человек; тот, кто убивает на войне, потому что война этого требует; тот, кто приговаривает к смерти, потому что надо защищать общество — всем им не так-то просто делать это. Они вынуждены объяснять самим себе и другим, почему именно они убивают, так как в глубинах их совести всегда встает: *не убивай*.

Вспоминается вопрос-ответ ап. Иакова: "Откуда у вас враж-

да и распри ?, не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших ? Желаете — и не имеете; убиваете и завидуєте" (Иак 4. 1-2).

7. НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ

Половой вопрос стал одним из самых сложных и спорных вопросов нашего времени. В наши дни нет надежды найти ему разрешение, настолько различны и противоположны мнения даже среди христианских моралистов, приходящих к субъективным выводам на тему "Разум и любовь" в соответствии с современными вкусами. Лучше подойти к вопросу об отношении полов заново, исходя лишь из единственной Заповеди, прямо к нему относящейся. К счастью мы знаем, что в свете заповеданного всепонимающим Богом этот вопрос может и должен быть уяснен и упрощен благодаря одной фразе: *не прелюбодействуй*. Прелюбодеяние всегда связано с любовью Бога к людям, столь часто прелюбодействующим и, следовательно, неверным по отношению к Нему. Сам же Бог всегда верен. В Писании говорится женщине, что отойти от друга юности и от Союза с Богом — одно и то же. Это относится и к мужчине, покидающему свою подругу.

Прелюбодеяние под запретом первохристианской Церкви

Согласно традиционной морали, если неприкосновенность человеческой жизни не абсолютна, то предписание "*не прелюбодействуй*" — абсолютно. Для наших современников это скорее наоборот. Однако, надо подумать над следующим: *убить можно нечаянно, но нельзя нечаянно прелюбодействовать*. Убийство может быть случайным, не связанным с нашей ответственностью и нашим сознанием. Убийство становится актом внутренним, когда совершается сознательно, в особенности из презрения к жизни, из жажды наживы, из мести или ненависти. Тогда совершают убийство в сердце своем прежде, чем совершить его своими руками. Что касается прелюбодеяния, оно всегда *начинается от влечения сердца и плотского вожделения*.

В первохристианской Церкви было три греха, которые не прощались и вызывали пожизненное, т.е. до смертного часа, от-

лучение: вероотступничество, убийство и прелюбодееание. В настоящее время многие христиане мечтают о возвращении к первохристианской Церкви в том, что касается Евхаристии, общины, исповеди. Знают ли они, с какой строгостью эта Церковь относилась к прелюбодееанию?

Апостол Петр совершенно определенно пишет заблуждающимся христианам: "Те, которые идут вслед скверных похотей тела ... Глаза у них исполнены любострастия и непрестанного греха; они прельщают неутвержденные души; сердце их приучено к любостязанию ... Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления ... Ибо если, избегнув скверны мира через познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Лучше бы им не познать пути правды, нежели познав, возвратиться назад от преданий или святой Заповеди" (2 Петр 2. 10-22).

Так же говорит Апостол Павел коринфским христианам: "Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела; а блудник грешит против собственного тела. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценой. Потому прославляйте Бога и в телах ваших и в ваших душах, которые суть Божии".

"Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодееи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего (1 Кор 6. 18 слл; 9. 10 слл.).

Прелюбодееание в наше время

Конечно, в первохристианской Церкви, как еще и теперь в некоторых благочестивых общинах, где все знают друг друга и каждый становится блюстителем нравов, легче сохранить личную добродетель. В настоящее время само общество стало снисходительным до такой степени, что подстрекательство к прелюбодееанию приходит со всех сторон в виде предложений приятного развлечения и обычного времяпровождения. Легко осуществимые

путешествия, досуг, жизнь в большом городе дают возможность прелюбодействовать совершенно безнаказанно. Однако теоретически прелюбодеяние является преступлением, которое, по жалобе пострадавшей стороны, преследуется законом и карается тюрьмой. Более того, если кто-либо, застав свою жену или своего мужа на месте преступления, ранит или убьет даже обоих любовников, он пользуется известным снисхождением на суде.

Постараемся теперь подойти ближе к существу этой простой и совершенно безусловной Заповеди: *Не прелюбодействуй*, или, ближе к подлиннику: *Не бери жены ближнего твоего*.

"Вы слышали, что сказано древним: "Не прелюбодействуй" (Исх 20. 14). А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя" (Мф 5. 27 - 29).

"Повеления Господа праведны, веселят сердце; Заповедь Господа светла, просвещает очи" (Пс 18. 9).

Брак, приводящий к прелюбодеянию

У брака две цели: *основание семьи* (т.е. некоего общества, значение которого превышает значение пары, четы) и *взаимная любовь*. Первой цели долгое время придавалось большее значение в ущерб второй. Теперь же вторая цель находится почти исключительно в центре внимания. Это может способствовать прелюбодеянию и разводу, который считается логичным и почти естественным выходом, потому что общественное мнение утверждает: если нет взаимной любви, то нет брака. Тогда начинают вновь "устраивать свою жизнь"; после брака, заключенного в молодости, приходит "брак зрелого возраста" и т.д.

"У всех народов брак и продолжение рода, а следовательно сохранение и развитие общества, подчинены совершенно определенным нормам. Даже в группах, где власть еще недостаточно сильна и в группах с неопределившейся социальной структурой, как, например, у некоторых кочевых племен, сохранение их этнической группы не предоставлено случайности и произволу. Беспорядочное половое общение не существует в установленной форме и по всей вероятности никогда не существовало.

У большинства народов не индустриальных стран брак является делом не только брачующихся, но и также их родителей и в особенности старейших в роде. Брак — продолжение семьи и

находится под семейной опекой. Человек не самоцель, но в своей общине он обретает то основание, которое придает смысл его существованию. Правда, большая часть этнических групп предоставляет своей молодежи выбор, по крайней мере в том смысле, что можно отказаться от брака с тем, кто не нравится при условии, что у молодых найдется достаточно настойчивости, чтобы их воля оказалась сильнее воли старших.

Родителей обычно любят больше, чем мужа или жену. Процентная норма разводов зависит от отношения общества к браку. Если его идеал — прочный брак, то вследствие этого развод — редкое явление. Брак обыкновенно заключается на всю жизнь". (Ж. Ф. Тиель).

За этим наблюдением, которое мог бы сделать любой социолог, уместно привести размышления по поводу эволюции христианского брака немецкого богослова Е. Хильмана: "Мы должны принять во внимание, — пишет он, — что теперешняя общепринятая на Западе концепция брака, который представляют обычно в виде продолжительной любви-страсти и как внутреннее отношение друг к другу, как источник взаимосовершенствования, мало распространена в других частях света. Всего несколько поколений назад этот взгляд не был распространен и на Западе. И нельзя быть уверенным, что такая недавняя западная концепция представляет основание, обеспечивающее прочность брачного союза в течение всей жизни. Такая концепция плохо доказуема, если принять во внимание повышающийся процент разводов на Западе. Это новое богословие брака следует принимать с некоторыми оговорками. Развитие концепции, которое мы можем наблюдать, не является обязательно прогрессом".

Вот почему по случаю Социальной Недели 1972 года, посвященной супружеской и семейной общине, об этом двойном аспекте упомянуто в письме, написанном кардиналом Вийо от имени Папы: "Наши современники еще недавно имели тенденцию подчеркивать служебное значение четы в интересах семьи в целом; теперь же они скорее расположены утверждать самостоятельную ценность четы в ущерб институту семьи. Нам кажется, что для христиан будет важной задачей понять коренное единство этих обоих аспектов. Такое понимание должно вдохновлять их решения и их поведение, когда им покажется необходимым различать эти два аспекта в плане ответственности родителей".

Не прелюбодействуй: Учение Иисуса

Повествование о сотворении мира дает нам возможность представить себе идеальный замысел Божий о человеческом роде. Он настолько рельефно проявляется в учении Иисуса о браке, прелюбодеянии и разводе, что воля Божия становится совершенно очевидной. Иисус излагает первоначальный смысл установления Господня, затем указывает, что Он запрещает всякий развод и дает объяснение, ссылаясь на Второзаконие: "Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует" (Мф 5. 32).

Вхождение греха в мир, представленное как драма четы, приводит к деградации взаимоотношений, которые принимают облик вожделения и порабощения. В книге Товия концепция идеального, явно моногамного брака находит основание в двух повествованиях о сотворении, что показано в молитве молодых супругов в вечер после бракосочетания как на нерушимости семьи и взаимной поддержке супругов, так и на целомудрии, сохраняемом в браке. Позже у Апостола Павла тайна открывается во взаимоотношениях Христа и Его Церкви, благодаря чему окончательно выявляется идеал супружества. С Иисусом завершается движение, намечавшееся в иудаизме.

Он излагает суть проблемы в нескольких простых словах, радикальный и категорический смысл которых понятен каждому: "Вы слышали, что сказано древним: *"Не прелюбодействуй"* (Исх 20. 14). "А Я говорю вам, что всякий кто смотрит на женщину с вожделением, *уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну" (Мф 5. 27 - 30).

Вот учение Иисуса. Но в очень известном случае Сам Иисус произнес необычайные слова, которые должны наполнить сердце каждого человека благодарной любовью ко Господу Милостивому и Милосердному.

Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши

Иисус "утром опять пришел в Храм и весь народ шел к нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель, эта женщина *взята в прелюбодеянии*. А Моисей в законе заповедовал нам побивать таких камнями: Что Ты скажешь ? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали допрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: Кто из вас без греха, первый брось в нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина, где твои обвинители ? никто не осудил тебя ? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши" (Ин 8. 2-11).

8. НЕ КРАДИ

Содержание Восьмой Заповеди просто и ясно: *не кради*. В плане социальном она означает ограждение и защиту законной собственности каждого человека.

Есть и другое толкование, более глубокое и столь же ясное: красть — значит не любить ближнего, как самого себя, но любить себя больше, чем ближнего. Вместо того, чтобы сказать: "Я даю", говорят: "Я беру".

Наконец, эту Заповедь следует понять еще в таком, более глубоком, смысле: когда мы нечестным путем, насилием или отказом берем что-либо у ближнего, тогда мы отнимаем то, чем он был *обязан Богу* и за что был *ответственен перед Богом*. Важно никогда не забывать, что Десять Заповедей не есть субстрат всей человеческой мудрости, санкционированной Богом, но божественный акт, придающий Заповедям все их значение. Как прекрасно говорит комментатор Ж. Озу: "Восьмая Заповедь

выражена так просто и в то же время так понятно для каждого, что она не может быть отнесена лишь к определенному социальному строю... Обоснование ее содержится в словах Ягве: Земля моя... вы же у Меня временные гости, прохожие. Раздел имущества есть распределение ответственности для ведения дел сообща, для общего служения. Восьмая Заповедь провозглашает уважение к имуществу, за которое каждый ответственен перед Богом. Тем самым эта Заповедь делает человека способным на внутренний отказ и ведет его к состоянию подлинной "бедности", т.е. к совершенной вере и душевной готовности, свободе сердца и милосердной любви."

Ганди: исповедь и раскаяние

Когда ему было пятнадцать лет, Ганди провинился в довольно крупной краже, совершенной для того, чтобы избавить брата от денежного долга.

"Но меня стала мучить совесть. Я дал себе слово никогда больше не красть и решил во всем сознаться отцу. Однако у меня не хватало смелости заговорить с ним об этом. Не то, чтобы я боялся побоев. Нет. Я не помню, чтобы отец бил кого-нибудь из нас. Я боялся огорчить его. Но я чувствовал, что необходимо рискнуть. Нельзя было очиститься без чистосердечного признания.

Наконец я решил покаяться письменно: вручить текст отцу и попросить у него прощения. Я изложил признание на листе бумаги и отдал отцу. В этой записке я не только сознался в моем проступке, но просил назначить соответствующее наказание. Письмо заканчивалось просьбой, чтобы отец не наказывал сам себя за мое дурное поведение, и обещанием никогда больше не красть.

Весь дрожа, я передал свою исповедь отцу. Он был тогда болен, и вынужден лежать. Постелью ему служили простые деревянные нары. Я отдал ему записку и сел напротив.

Отец прочитал мое письмо и заплакал. Жемчужные капли катились по его щекам и падали на бумагу. На минуту он в задумчивости закрыл глаза, потом разорвал письмо. Читая письмо, он принял сидячее положение, теперь снова лег. Я тоже громко зарыдал. Я видел, как страдает отец. Будь я художником, я и сегодня мог бы воспроизвести эту картину — так жива она в моей памяти.

Жемчужные капли любви очистили мое сердце и смыли грех ... Так великодушно прощать отнюдь не было свойственно отцу. Я думал, что он будет сердиться, хмурить лоб и говорить резкие слова. Но он был удивительно спокоен. И я полагаю, что это произошло благодаря моему чистосердечному признанию. Чистосердечное признание и обещание никогда больше не грешить, данные тому, кто имеет право принять его, являются наиболее чистой формой покаяния. Я знаю, что мое признание совершенно успокоило отца и безмерно усилило его любовь ко мне" (Ганди, "Моя жизнь").

Попросту: ни кража, ни обкраденный, но вор

Фактически Заповедь попросту имеет в виду не столько украденную вещь или обворованного человека, сколько самого вора: *"не укради"*. Зло, которое я причиняю кражей, затрагивает моего ближнего. Но еще больше оно затрагивает меня самого, настолько, что как бы я ни скрывал своей кражи, какую бы "совершенную" кражу я ни совершил, и как бы ни старался не быть разоблаченным, — я все равно остаюсь вором. Жажда денег, чрезмерная и незаконная нажива, мошеннические сделки, от растраты до ловкого расхищения, могут помочь мне стать важным и почтенным гражданином, но если я совершил кражу, то я — вор. Совершенно не имеет значения, украл ли я как простой вор или как квалифицированный, карманщик я или домашний вор, вор с лотка или вооруженный грабитель, взломщик или жулик, безбилетник, контрабандист, мелкий воришка, ростовщик, захватчик, дневной или ночной грабитель: *Не кради*.

Бескорыстие и алчность

Трудно остаться честным, если всю жизнь тобой владеет чувство наживы, а оценка ближних определяется не их человеческими качествами, а материальным положением. Иисус Христос, чтобы мы излечились от этого зла, не только показывает нам неоценимое преимущество бедности, но и ставит верующего в положение человека внутренне бескорыстного. В милосердной любви отсутствуют всякие корыстные побуждения. Тот, кто принимает мерило Господне, не ожидает себе награды. Иисус пре-

секает всякие расчетливые надежды. Заботам о земных благах Он противопоставляет заботу о Царстве Божием. Одно исключает другое. Пусть ученик доверится своему Отцу Небесному.

По состоянию своего сердца человек зол или добр. Заповедь не требует от него отчета о каких-либо отдельных поступках: человека судят по совокупности его дел. Иисус показывает, как теряет связь с Богом тот, кто всегда подходит к ближнему со своей собственной меркой и ожидает от него себе приумножения. Когда человек позволяет иной силе, например деньгам, руководить своей волей и деятельностью, то Бог просто оставляет его этой другой силе и отдает во власть преследуемой цели.

Согласно Апостолу Павлу, грехом по преимуществу является корыстолюбие. Это слово в те времена означало *стремление все больше приобретать в ущерб правам своего ближнего*. Пользование другими людьми как *орудием своего удовольствия или корысти* — это языческий грех, и перед лицом Бога — это грех самодостаточности.

И здесь тоже в негативной форме выражения Заповеди кроется огромная духовная энергия, которую Заповедь освобождает, не позволяя человеку стать рабом денег и языческой жадности обладания.

9. НЕ ПРОИЗНОСИ ЛОЖНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА

Худшее из всех обществ то, которое основанно на лжи. Вернее, там, где царит ложь, никакое общество невозможно. Животное задумано так, чтобы оно могло противостоять среде своего обитания. Человек же должен сам преобразовывать свой мир и те структуры, которые ему не предоставляет биология. Эти структуры и этот мир не обладают иной устойчивостью, кроме взаимного доверия. Именно поэтому ложь, подрывающая доверие, подлинно от дьявола. Ложью по преимуществу является ложное свидетельство. Оно есть преступление по отношению к человеку, чья судьба зависит от нас и от нашего свидетельства, будь то при несчастном случае на дороге или при подозрении в преступлении.

Поэтому при всей видимой простоте своей формулировки Девятая Заповедь тоже центральна, хотя касается как будто только одного определенного случая: *Не произноси ложного свидетельства*. И это вместо традиционного, смягченного и расплывчатого: не лги. Когда Иисус перечисляет Заповеди, то никогда

не говорится о лжи, но всегда о ложном свидетельстве — высшем выражении лжи. И когда Иисус говорит о диаволе, то утверждает: "Он не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи" (Ин 8. 44). Вот что определяет личность диавола и источник лжи.

Каждое общество свидетельствует само о себе. Чтобы это свидетельство не было ложным, требуется соблюдение определенных условий, в наше время особенно необходимых. Они начинаются со свидетельства на суде.

Доверие к суду и свидетельству должно распространиться на всю социальную жизнь. Общество должно быть истинным, и свидетельство его учреждений должно быть тоже таковым. Успех зависит от степени соответствия между внешним миром общества и внутренним миром отдельной личности. Он зиждется на зыбкой почве диалога. Для сохранения социального равновесия такой диалог — одно из основных требований. Личность формируется внешним миром, на который она реагирует: она со-производительница социального мира и следовательно себя самой. Неважно, что власть личности чрезвычайно ограничена, она должна ее проявлять. Самая серьезная и роковая опасность состоит в том, что внешний мир теряет для личности свое значение. Такой абсурд невыносим, он хуже смерти. Напротив, в упорядоченном мире можно добиваться существования ценою всяческих усилий и страданий, даже ценою жизни. И так повсюду: в семейном кругу, в рабочей среде, в политической жизни, в художественных проявлениях, в отношениях общественных...

Религия выступает посредницей, чтобы связать хрупкую конструкцию общества с последней реальностью. Роль ее двойственна: помочь учредить порядок и в то же время поставить его под вопрос. Религия стремится к прекрасному совершенству порядка как на земле, так и на небе, но обличает беспорядок, проявляющийся в порядке, как лицемерное присутствие диавола, которое этот лжесвидетель и отец лжи хочет осуществить в мире. Здесь есть над чем задуматься христианину. Заповедь требует от него непрестанного и глубокого испытания своей совести на уровне всякой деятельности: не будь лжесвидетелем, не произноси ложного свидетельства.

Правда в христианском свидетельстве

Вопрос о свидетельстве очень важен. Он определяет христианина. "Вы будете Мне свидетелями... даже до края земли"

(Деян 1. 8) — сказал Христос. Несколько упрощая, можно говорить о свидетельстве жизнью и о свидетельстве словом. Оба нужны, но в некотором смысле второе более, чем первое. Это требует разъяснения.

Идеал для всех христиан, которого однако никто не может достигнуть полностью — согласованность их жизни с учением Христа, следование Его Заповедям и привязанность к Нему более, чем ко всему другому. Свидетельство жизни здесь будет всегда недостаточным, неполным, запятнанным недочетами, отступлениями, ошибками, упущениями.

Но даже, если христианин проявляет слабость, если он, как говорится, не лучше прочих, то мы все же видим, что его жизнь стоит под знаком Христа. Признать себя грешником, осудить свои поступки, не соответствующие евангельскому учению, уже является подлинным свидетельством жизни. О наших поступках судит не только личная совесть, не просто каждый человек является своим собственным судьей, но Христос. Своими велениями, требованиями, предписаниями и примером Христос намечает христианину ту линию поведения, от которой христианин может отклониться, но которая ему известна и которой он должен придерживаться, сколько может.

Однако самый важный аспект свидетельства — второй. Когда Христос — по единогласному утверждению всех евангелистов — увещевает Своих первых последователей идти до краев земли проповедовать Благую Весть, Он не говорит им: "Свидетельствуйте вашим добрым поведением", но: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари" (Мк 16. 15). Вот долг, от которого никто не может уклониться, тем более в странах, где христиане малочисленны. Именно они в первую очередь обязаны приносить всем окружающим Евангельский Свет, за который каждый несет личную ответственность. Слова Христа: "Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся" (Мк 12. 49), жгут сердце каждого из учеников как категорический императив. Несмотря на слабости в личной жизни, Завет Христов, горя в них, побуждает их воспламенять других. Мы подобны зажженному светильнику. Он может быть запыленным, и это к сожалению ослабляет свет, но самое важное, чтобы светильник горел. Более того, поскольку этот свет посылается свыше и только он чист, то не на светильник следует прежде всего смотреть, но на свет его. Самое прекрасное свидетельство — наша прозрачность свету Божию.

Это свидетельство, хоть оно и является непосредственным проявлением духовной жизни, не следует оставлять на волю

случая. Его надо обдумывать, уточнять и обновлять, в зависимости от тех задач, которые поставлены перед каждым человеком его национальным, социальным, профессиональным, семейным окружением.

Особенно велико значение Девятой Заповеди — правдивости в свидетельстве — при передаче Свидетельства о Христе из поколения в поколение. Пред лицом лжесвидетелей, подкупленных, чтобы осудить Христа на смерть, поколения верных свидетелей верно передавали Его Завет и все мы из тех, кому Он сказал: "... и вы будете свидетельствовать" (Ин 15. 27). Каждый лучше понимает предписание, обращенное лично к нему: "*Не произноси ложного свидетельства*". Чем глубже он осознает его, тем истиннее становится его вера.

10. НЕ ЖЕЛАЙ ... НИЧЕГО, ЧТО У БЛИЖНЕГО ТВОЕГО

Десятая Заповедь особенно важна тем, что она выражает обращение человека к сокровенным глубинам его совести перед лицом единого свидетеля — Бога. В свете Библии Заповедь *Не желай*... включает весь Закон, все грехи мира и всю историю Ветхого Завета. Эти дела, как говорит Апостол Павел, свершились, чтобы послужить нам примером, чтобы у нас не было дурных вожелений, какие были у тех. Известно, что у буддистов вожеление тоже является главным пунктом медитации с целью совершенно освободиться от всяких желаний.

История грехопадения Адама и Евы представлена в Библии как прообраз всех других грехов. "И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно *для глаз* и вождено, потому что дает знание" (Быт 3. 6). Когда Адам и Ева ослушались Бога, сознательно и своевольно противясь Ему и нарушая одно из Его предписаний, их грех сначала предстал как грех вожеления. Позже они пожелали сами приобрести то, что могли только принять. Такое вожеление указывает, что в их глазах Бог перестал быть всецело бескорыстным, а стал как бы соперником.

Вожеление Адама и Евы — это грех по преимуществу, прообраз всех грехов и в нем не перестают участвовать сменяющиеся поколения людей, которые его в свою очередь совершают. Заповедь позволяет понять, как человек осознает свой грех, исходя из запрещения Закона: "не желай". Она разоблачает грех,

скрытый в сокровенной глубине сердца, и хотя не снимает греха, открывает человеку его греховное состояние.

Эта Заповедь сама в себе хороша и свята. Она — веха на пути спасения. Чтобы излечиться от зла, необходимо раскрыть его. И тем не менее, эта Заповедь, как свет, просвещающий разум, но не дающий внутренних сил, не способна помешать нам грешить. Осведомляя нас, она увеличивает вину.

Можно было бы сделать сравнение с психоаналитическим методом. Вождение, обнаруживающееся с помощью этого метода, не исчезает и в данном случае знание может способствовать усилению вождения, даже если в первой стадии оно приводит к освобождению. Наоборот, отсутствие знания, в том числе и подсознательного, позволяя не перегружать нашего сознания, является фактором, защищающим нашу свободу.

Вождение, которое возникает при соприкосновении с внешним миром, может питаться вождением других. Человек, не имеющий силы противостоять окружающим его влияниям и давлению, начинает испытывать желания, ставшие общими, и заражается от уже зараженных. Десятая Заповедь заставляет каждого задуматься над опасностью обманчивого согласия с другими и над тем, что современный мир называет "психологическим воздействием".

Искушение

Под искушением понимается борьба между вождением, вызванным фактором возбуждения, и сопротивляющейся совестью. Искушение порождается внешними призывами, равно как и воображением и воспоминаниями. Эти побуждения сталкиваются с преградой совести, и таким образом создается раздел. В той мере, в какой воля не укреплена прежними решениями и недостаточно испытала одушевляющую силу долга и добра, она оказывается более уязвимой.

Искушение ограничивает поле нашего сознания, понижает восприятие ценностей, затушевывая ясность противоположных побуждений. Когда воля обращена к зачаровавшему ее объекту вождения, ее тяга к нему все растет.

Если воля не отвернется от покорившего ее вожденного объекта, то эта ее направленность делает сопротивление все более трудным.

Чисто негативное положение чаще всего доказывает, что мы

недооцениваем опасности. Сообразуясь со случаем, надо или от-
вернуться или бороться. Бывает, что порывы желания удается
не победить, а только подавить и оттеснить в подсознание.

За искушением стоит диавол, представленный в Св. Писании
искусителем.

В глубинах человека — импульсы, тлеющий огонь. Ничто не
уничтожает вожделения, и оно проступает через всю человечес-
кую жизнь. Только Дева Мария не знает его.

Противоречие, появляющееся в вожделении — это противо-
речие в самом человеке, это некое отчуждение по отношению к
себе самому. Опыт ослепления, силы тяготения, глухого напора
и т.д., свидетельствует о неизлечимом недуге человека. Каждый
человек грешен и должен до последнего своего вздоха повтор-
ять: "Остави нам долги наши" и в то же время: "Не введи меня
во искушение".

Вожделение, пребывая в нашем сердце, откуда "исходят
злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, лжесви-
детельства, хуления" (Мф 15. 19) как бы резюмирует все дру-
гие заповеди. Свет Декалога, проникая таким образом до корня
всех вещей, в глубины нашего внутреннего "я", есть поистине
"свет жизни".

Как говорит Ж. Озу: "Мы должны быть бесконечно благо-
дарны Господу Всеблагову, давшему нам 10 Заповедей — один
из самых прекрасных даров, когда-либо врученных миру. Ко-
нечно, эта хартия свободы не предотвратила религиозных и мо-
ральных бедствий народа, которому она была дана. Этот народ
ослушался, как затем и христиане. Но он дал себя судить и ис-
правлять посредством Десяти Заповедей. Он принял их как знак
любви своего Господа.

Иисус показал своим ученикам, как до конца следовать су-
щественным и глубоким наставлениям Закона Десяти Заповедей
— Декалога. Только Декалогу Церковь дает наименование Запо-
ведей Божиих. Эти Заповеди никогда не утратят своего освобо-
дительного и воспитательного воздействия".

Т Ы

10 Заповедей, распределенные по пяти на двух скрижалях,
были составлены более трех тысяч лет назад. Обращенные ко
всему еврейскому народу и к каждому еврею в частности, они

несут единую печать, повторяя: не делай того, делай то-то. Это прямое обращение *на ты* Бога к человеку, без оговорок и посредников.

Прошло 3000 лет, но 10 Заповедей остаются в силе: "*делай... не делай...*" Человек индивидуально или коллективно слишком ослеплен по отношению к самому себе и не может вполне на себя полагаться. Когда он детально излагает *Права Человека*, он заранее знает, что эти права нигде не будут уважаться достаточно полно. Человек не строит иллюзий по отношению к самому себе, и опыт всех стран мира заставляет его постоянно быть настороже. Тогда раздается голос Заповеди, голос живой, ясный, разгоняющий мрак, освобождающий: Делай... Не делай... Именно ты, никто другой.

Заповедь пробуждает самые сокровенные глубины совести, где таится личный призыв: я сделаю... я не сделаю. Тогда человек судит самого себя, вглядываясь в свое отражение в собственном зеркале. Он словно раздваивается и смотрит на себя: Сделаешь? Не сделаешь? — в то время как Заповедь тоже настойчиво говорит: Делай... Не делай.

Есть только единая благодать Божия. Это Сам Бог, Податель и Дар. Однако эта единая Благодать приходит многими путями, из которых 7 избранных: семь таинств Церкви. В конце концов есть только одна Заповедь: "Возлюби Господа Бога твоего", и вторая, которая приводит к первой: "Возлюби ближнего твоего". Тем не менее, эта единая Заповедь, данная еврейскому народу и переданная Христом христианам, начертана на двух скрижалях, по пяти для большей ясности, и для каждого из десяти жизненных перекрестков. Десять раз: Делай... Не делай...

Каждая из Десяти Заповедей подобна обязательной остановке перед выездом на большую дорогу. Остановка эта делается, чтобы и самому оглядеться и помочь движению. Так и Заповеди. Каждая из них выводит на прямую дорогу, в конце которой мы находим совершенную любовь к Богу и своему ближнему. *Не убивай* вызывает такое уважение к жизни, что приводит к Богу Живому и к полноценной жизни. *Не кради* так хорошо заменяет слова "я беру" словами "я даю", что приводит к Христовой Заповеди: Блаженны нищие... *Не прелюбодействуй* так хорошо очищает магму сексуальности, что приводит к другой Христовой Заповеди: Блаженны чистые сердцем. *Не произноси ложного свидетельства* так освобождает наше сознание от всего, препятствующего утверждать чистосердечно "да" или "нет", что приводит нас к вечной Истине. *Не желай*... настолько очищает наши намерения, что в наших душах возникает бескорыстная любовь

к ближнему, т.е. любовь чистая и абсолютная, являющаяся отражением любви Божией к нам.

БИБЛИОГРАФИЯ:

При составлении этой статьи были использованы в первую очередь следующие труды: «Ethique de Dietrich Bonhoeffer» и «De la servitude au service» de **Georges Auzou**.

Затем следующие авторы и труды:

Pierre Antoine. —

Peter Berger, «La religion dans la consciens moderne. —

Paul Christin. —

Paul Claudel. —

Philippe Delhay. —

Dominique Dubarle. —

Léon A. Elchinger. —

Jacques Ellul, «Contre les violents». —

Evêques d'Australie, «Les Dix Commandements: un code». —

«Dictionnaire de la foi». —

Albert Donval. —

Evêques d'Italie, «L'engagement moral du chrétien». —

Roger Garaudy. —

Jacques Guillet. —

Jean XXIII. —

Stanislas Lyonnet. —

J.-B. Metz. —

John G. Millsaven, «Vers une nouvelle morale catholique». —

E. Neuhausler, «Morale chrétienne». —

Paul VI. —

Cardinal Renard. —

Cardinal Villot. —

«Fêtes et Saisons». —

«Panorama».

Вильгельм Эрнст

К 700—ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ ФОМЫ АКВИНСКОГО

Автор данной статьи Вильгельм Эрнст родился в 1927 г. в Вестфалии. По окончании Высшей Философско-Богословской Школы в Падерборне и католического богословского факультета во Фрейбурге-им-Брейзгау, он в 1955 г. был рукоположен во священники и занялся пастырской и педагогической деятельностью. В 1962 г. Эрнст получил степень доктора богословия. В 1963 г. был назначен на должность доцента пастырского богословия в Эрфурте. В течение второй сессии II Ватиканского Собора он работал в Риме в качестве советника одного из епископов ГДР. В том же 1963 г. берлинская епископская конференция назначила его профессором нравственного богословия и этики в Эрфуртском Философско-Богословском училище. В 1974 г. Папа Павел VI призвал проф. Эрнста в международную богословскую комиссию. Председателем этой комиссии является префект Конгрегации вероучения кардинал Франко Шепер (Град Ватикан).

Римско-католическая Церковь отмечает в этом году 700-летие со дня кончины одного из своих величайших богословов — Фомы Аквинского. Едва ли какой-либо другой ученый дал как средневековой философии, так и богословию столько творческих импульсов и наложил такой отпечаток на все их развитие вплоть до настоящего времени, как этот богослов доминиканского ордена, получивший почетные наименования «*doctor communis*» и «*doctor angelicus*».

Уже в конце XIII века его учение пользуется громадным авторитетом. Особенно сильное влияние оно оказало на Тридентский Собор. Энциклика «Aeterni Patris» 1879 г. папы Льва XIII и 24 тезисы папы Пия X, опубликованные в 1914 г., предписали учение св. Фомы как обязательное для богословов латинской Церкви. Свод церковного права, *Codex Juris Canonici*, определил в 1918 г. нижеследующее: "Профессора философии и богословия должны в своих исследованиях и лекциях строго придерживаться метода, учения и принципов св. Фомы" (са. 1366 № 2). Даже Второй Ватиканский Собор в "Декрете о подготовке к священству" рекомендует семинаристам научиться "вместе со святым Фомой как наставником умозрительно глубже вникать в тайны спасения в их совокупности".

В течение веков метод и учение св. Фомы славились не только в латинской, но получили высокое признание и в православной Церкви. С XIV века и главным образом в послетридентский период схоластический метод господствовал в православном богословии. В богословском училище в Киеве, достигшем в конце XVII и в XVIII в. такой известности, что его посещали не только украинцы и белорусы, но и уроженцы Москвы, греки, болгары, румыны и сербы, авторитет Фомы Аквинского был неоспорим. Его трудами, в особенности знаменитой «*Summa Theologiae*», усердно пользовались, чаще всего с помощью комментариев богословов Грегора Валенсийского, Суареса, Уртадо, Арриги и де-Луго, и они высоко ценились, наряду с великими Отцами и учителями ранней Церкви, вплоть до начала развития нового независимого русского богословия в XIX в.

В конце XIX в. на Западе возникла тенденция измерять мышлением и авторитетом св. Фомы основные проблемы современности, дабы найти ответы, одинаково соответствующие богословскому наследию прошлого и задачам настоящего и будущего. Об этом ясно свидетельствуют обширные исследования, доклады на международных конгрессах и т.п.

О жизни и творчестве святого Фомы

Один только беглый взгляд на то, чем был и что создал св. Фома, достаточен, чтобы в какой-то мере представить величие этого человека, философское и богословское значение деятельности которого неоспоримо и в наши дни, и творчество которого даже еще и в настоящее время далеко не изучено.

Св. Фома Аквинат и св. Людовик. (Фра Анжелико).

Фома Аквинский, сын графа Ландульфа Аквино, родился вероятно в 1225 г. в замке Рокказекка близ Неаполя. Когда ему было пять лет, родители поместили его в монастырь Монте-Кассино, где он получил начальное образование. В 1244 г. юноша, вопреки сильному сопротивлению родителей, поступил в доминиканский орден. Уже через год его отправили для обучения в Париж и в Кельн, где он в течение трех лет слушал лекции знаменитого Альберта Великого. В Парижском университете в то время царили беспорядки и господствовало отрицательное отношение к монашеским орденам. Вследствии этого Фома Аквинский, уже с 1252 г. читавший лекции в университете, получил разрешение преподавать только в 1256 г.

В 1259 г. Фома вернулся в Италию, где преподавал сначала в Орвиетто, а затем в Риме и Витербо при папской курии и в различных итальянских высших учебных заведениях монашеских орденов. С 1269 г. по 1272 г. он снова читал в Парижском университете лекции по богословию. После Пасхи 1272 г. он покинул Парижский университет и направился в Неаполь. Там Фома был назначен на кафедру богословия. В декабре 1273 г. он прервал работу над своим последним капитальным творением —

Суммой Богословия — и никто больше не мог побудить его продолжать свою творческую деятельность. С этого времени, по свидетельству биографов, он направляет свой взор исключительно на вечное, считая "соломой" все, им написанное. Возможно, что в это время Фома уже чувствовал приближение смерти. Когда папа Григорий X в январе 1274 г. призвал его на Лионский Собор, он повиновался, но был вынужден из-за болезни прервать путешествие и остановился в цистерцианском монастыре в Фоссануова. 7 марта 1274 г., исповедавшись и причастившись св. Тайн, он спокойно и с преданностью воле Божией скончался, не достигнув еще 50-летнего возраста.

Краткий обзор академической деятельности св. Фомы свидетельствует о ее исключительной плодотворности. Произведения Фомы стоят в тесной связи с его преподавательской деятельностью. Он написал многочисленные комментарии к Св. Писанию, к книге знаменитого Псевдо-Дионисия, к писаниям Боэтия и почти ко всем произведениям Аристотеля. К этому надо добавить и многочисленные мелкие работы, освещающие богословские проблемы того времени. К его главным трудам принадлежат: "Комментарий к изречениям Петра Ломбарда", далее «*Summa contra gentiles*», в которой он исчерпывающее излагает доводы в защиту веры, и наконец, его величайший труд — «*Summa Theologiae*». Эта "Сумма Богословия" осталась незаконченной. Она обрывается на обсуждении таинства покаяния.

После его смерти философский факультет Парижского университета наименовал Фому Аквинского в обращении к Генеральному капитулу доминиканского ордена — "сияющей утренней звездой, светочем для всего мира, тем великим светочем, который поставлен для освещения дня".

Через 50 лет после его смерти, в 1323 г., Церковь причислила Аквината к лику святых.

Высказывания о Боге, человеке и мире

Фома Аквинский был и философом и богословом. Он принял философию Аристотеля: по его мнению она воспроизводила основные моменты реальности точнее, чем остальные известные в то время направления философской мысли. Из этой философии Фома извлек ценные положения для богословия своего времени, не отвергая того положительного, что он находил в других философских направлениях. Философия находится на службе у бого-

словия, по Фоме она «*ancilla Theologiae*». Аристотелевские основные принципы акта и потенции, материи и формы и учение о целенаправленности мира в целом и в его частях составляют основную структуру учения о Боге и о человеке.

На этих принципах Фома строит свои знаменитые "пять путей доказательства существования Бога": заключение из движения — о первом двигателе; из следствия — о первой причине; из не являющегося необходимым и тварного — о первом необходимом и несотворенном; из ступеней и степеней частичного участия в бытии — о первом бытии; из целенаправленности всех вещей — о последней цели.

Отсюда понятно, что для Фомы Аквинского Бог является основной темой всякого богословского размышления. Все вещи вне Бога интересуют его как богослова только с точки зрения их отношения к Богу. О мире, человеке и истории нельзя мыслить помимо Бога. Он от вечности призвал человека к определенной цели, превосходящей природу человека, — к личному общению и дружбе с Самим Собой. Поэтому Он от вечности предопределил Сына Своего, Иисуса Христа, к тому, чтобы открыть и осуществить призвание человека к спасению. В учении о благодати и оправдании Фома Аквинский рассматривает, как это дело Христа становится действенным в жизни человека и как Христос возвышает его до общности с Богом. Любовь Божия излилась на человека посредством благодати, открывая ему путь добродетельной жизни. Чем совершеннее и полнее господствуют в человеческой душе чувства любви (*amor*) и благоговеиной дружбы с Богом* (*amicitia*), тем больше растет любовь, никогда, однако, не достигающая своей полноты в течение всей человеческой жизни. Цель человеческого пути есть "блаженное бытие в Боге", возвращение в Бога и пребывание в Нем, от Кого человек исходит. Путь человека идет от Бога к Богу. Бог — начало и цель человека и всего творения.

На первый взгляд, такая богословская концепция представляется очень отвлеченной. В ней содержатся многие философские понятия, она предполагает определенную философскую систему мышления и кажется постижимой только тому, кто в состоянии мыслить в рамках данной системы. Можно было бы спросить: что общего имеет все это с Богом Откровения, со Христом и нашим искуплением, наконец, с таинствами и с жизнью христиан в мире? Для Фомы этого вопроса совершенно не

* *Ср. Ин 15. 14: "Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую Вам".*

существует. Ему ясно, что за всеми философскими размышлениями о Боге и мире стоит богословское знание об абсолютной тайне Бога, Который никогда не может быть полностью воспринят посредством человеческих понятий и категорий, — Бога Откровения, Который идет к человеку потому, что любит его.

Но эта вера в Откровение не исключает того, что мы пользуемся нашей способностью познавать, и поскольку мы стараемся все глубже вникать в учение Откровения, возрастает наша любовь к нему и наша вера в него. Для этого Фома прибегает к той философии и к той картине мира, которая была известна людям его времени.

Совесть и призыв Божий

Когда мы знакомимся с учением св. Фомы о совести, становится особенно ясной его связь с соответствующими представлениями того времени о мире и о Боге. В центре его рассуждений о совести стоит доказательство ее существования, необходимости и анализ ее сущности. При этом Фома исходит из схемы порядка, который средневековое богословие представляло себе следующим образом: на вершине и над всем существующим как сотворенным стоит Бог как несотворенное бытие, Которому все подчинено в нерушимом, Им Самим сотворенном порядке и к Которому в конечном итоге стремится все сотворенное.

Божественная Премудрость есть последняя цель всех вещей. Бог — нормативно-регулирующее начало всего творения. Чтобы сотворенное могло действовать согласно божественному Закону, оно не только должно обладать потенцией, соответствующей своему своеобразию, но и находиться в правильном расположении, чтобы поступать правильно. Неодушевленным предметам присуща природная склонность пребывать в этом порядке. Их движение подчинено внешней силе. Животные уже "свободнее", но и они не обладают настоящей свободой, они действуют согласно врожденному инстинкту и не могут судить о своих действиях.

Напротив, человек как духовно-разумное существо свободен. Его действия, направленные на достижение какой-либо конкретной цели, не predeterminedены извне. Они не нормируются и не регулируются природой, слепо подчиненной имманентному закону. Тем не менее человеческий разум также должен подчиняться некоей норме, благодаря которой он становится причаст-

ным к первой и высшей норме. Но эта норма не должна ограничивать его свободу. Разум должен принимать ее только от Бога-Законодателя. Каким образом это происходит ? Бог дает человеческому интеллекту природное расположение, *habitus*, побуждающее нас поступать правильно. Это расположение, с помощью которого человек приобщается к высшей норме, Фома называет "синдерезисом". Синдерезис представляет собой исходную точку нашего нравственного познания и действия, это природное знание о том, что добро следует делать, а зла избегать; добром же является то, что согласуется с волей Божией. Содержанием синдерезиса являются первые принципы или истины естественного права.

В познании этих принципов никто не может заблуждаться. Согласно Фоме Аквинскому к ним относится и текст послания к Римлянам 2. 14 сл.: "Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон; они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть (*συνείδησις*) их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую".

Из высшего познания, в котором никто не может заблуждаться, следуют дальнейшие окончательные выводы, которые, согласно Фоме, хотя и очевидны, однако не исключают возможности ошибки, так как нравственное познание ослаблено грехом.

От синдерезиса как расположения совести отличается *conscientia* как "актуальная совесть". Под этой последней Фома понимает акт практического суждения, оценивающий отдельное действие и повелевающий воле совершить или не совершить это действие. Таким образом "актуальная совесть" говорит нам, должно ли перейти к действию или нет, и судит о том, насколько совершенное действие соответствует норме, определяемой синдерезисом.

В совести происходит, согласно Фоме, своего рода заключительный процесс, при котором из суждений синдерезиса и "актуальной совести" делается заключительный вывод — приговор совести. Это можно пояснить примером. Синдерезис говорит нам: нужно избегать зла ! Наше нравственное сознание говорит: воровство есть зло ! Из этого наша совесть делает вывод: нужно избегать воровства !

К этому принципиальному суждению примыкают дальнейшие конкретные суждения, определяющие какое-либо вполне определенное действие как воровство, которое поэтому характеризуется совестью как дурное и запрещенное. Если человек, вопреки

велению совести, совершает поступок, оцененный ею как безнравственный и запрещенный, то его совесть обвиняет, порицает и мучает его. Это свидетельствует, что он виновен перед самим собой, перед разумным и естественным порядком, и тем самым перед Богом.

Это учение св. Фомы о совести, изложенное здесь с предельной краткостью, дает нам известное представление о целостности томистского учения, в котором все упорядочено, исходя от Бога и к Нему направляясь, и человек занимает то место, которое отведено ему Богом.

Современным богословам известно, что в течение веков наши знания о мире и человеке обогатились и дальше будут обогащаться, что выводит нас за пределы средневекового мирозерцания и исправляет его...

Но они знают также вместе с Фомой Аквинским, что всякое богословие, как бы оно ни нуждалось в усилиях человеческого мышления, всегда должно исходить от Бога и к Богу направляться, что они должны чрез исповедание веры и под действием благодати приходить к Троидиному Богу.

Св. Игнатий Лойола.
(к статье "Терциарии в наши дни", стр. 87).

НА ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ РАСКОЛ: АНАЛИЗ ПРИЧИН РАСКОЛА

Сотрудничество христиан на основе коренных принципов, можно сказать, в значительной мере осложняется тем, что неизвестна подлинная природа наших расхождений. Безусловно, католики, англикане, православные, лютеране и члены т.н. Свободных Церквей веруют в Церковь Бога Живого как в столп и утверждение истины; бесспорно в то же время, что предметом этой веры является не одна и та же Церковь в объективном, институциональном смысле. Наиболее ясно мы это видим в вопросе о католиках и православных. Здесь перед нами два совершенно конкретных и определенных, организованных духовных общества, которые в замечательной степени согласны в своем понимании своей природы и назначения, но при этом исключают друг друга, так что может показаться, что чем глубже их вера в Церковь, тем полнее она разделяет их. В вопросе протестантских деноминаций и в особенности т.н. Свободных Церквей, положение определено, конечно, гораздо менее ясно, вследствие полного отсутствия у них структурального и интеллектуального единства. Тем не менее можно представить себе, что реакция на расщепляющую тенденцию протестантизма, ярче всего выразившаяся в Экуменическом Движении, может привести к созданию воссоединенного протестантского христианства, которое будет противостоять Католической Церкви в том же порядке, в каком прежде это делало Восточное Православие.

Так мы снова возвращаемся к основной проблеме разделения христиан, которая есть проблема раскола. Фактически эта проблема так тесно связана с проблемой ереси, т.е. различия в верованиях, что их легко спутать. Тем не менее важно различать их тщательным образом и рассматривать природу раскола как такового, ибо я думаю, что ключ к проблеме разделения христианства следует искать скорее в вопросе раскола, чем ереси. Ибо в большинстве случаев ересь — не причина раскола, а его оправдание или даже рационализация. За каждой ересью стоит некий исторический конфликт, и восстановление единства возможно только путем разрешения этого конфликта.

В пояснение того, что я имею в виду, возьму в качестве примера раскол между византийской и армянской Церквями, потому что этот спор так далек от нас, что мы можем судить о нем непредвзято. Предметом богословского спора были здесь монофизитская ересь и постановления Халкидонского собора — вопросы величайшего значения, затрагивавшие самые глубокие и тонкие проблемы богословской науки. Однако ясно с самого начала, что страсти, наполнявшие улицы Александрии буйством и кровопролитием, были порождены не чистым исканием богословской истины и даже не какими бы то ни было чисто религиозными побуждениями. Богословские лозунги использовались фракционным духом, который черпал свою действительную силу из побуждений того же рода, какие вызывают политические столкновения и даже войны и революции.

Когда же мы оставляем первоначальный конфликт в Александрии и Ефесе и переходим к его вторичным последствиям в Армении или Абиссинии, то мы ясно видим, что богословский элемент ступшевывается совсем и подлинный конфликт разыгрывается в области национального чувства. Возьмем для примера текст, который обычно читался на греческой литургии в неделю о блудном сыне: "В этот день трижды проклятые армяне начинают свой кощунственный пост, который называется у них арцибурион, мы же едим сыр и яйца, дабы опровергнуть их ересь". Как мне кажется, здесь перед нами в почти чистом виде тот дух, который вызывает религиозные расхождения. Говоря прямо, это значит, что греки считали армян диким народом, который был обязательно неправ, что бы он ни делал. Чего же ждать от богословских дискуссий там, где царит такой дух? Тот дух, в силу которого употребление в пищу сыра становилось изобличением армянской неправды, всегда находил бы без труда подходящее богословское выражение, и не будь этого учения о Воплощении, так же точно пригодились бы что-нибудь другое.

Теперь нам легко осуждать греков и армян, потому что мы принадлежим к другому миру, и если мы вообще придерживаемся постов, то нам трудно понять, как могут люди приписывать такое огромное значение вопросу о том, когда именно и как надо поститься. Однако можем ли мы быть уверены в том, что этот дух не так же силен еще и сегодня, хотя он и принимает другие формы? Приведу немало лет тому назад прочитанную историю об одном выдающемся неконформистском богослове, фамилию которого я забыл, поразившую меня, как пример вышесказанного. Он посетил Ассизи, и история Святого Франциска вместе с выражающим ее средневековым искусством произвели на него огромное впечатление. Но однажды вечером, когда он посещал нижний храм, ему довелось повстречаться с монахом и группой крестьянок, которые шли по Крестному пути и пели одно из тех традиционных траурных песнопений, которые так отличаются от напевов наших английских гимнов и звучат для нас как нечто полу-восточное. Внезапно он ощутил в себе что-то резко отталкивающее и решил: "Эта религия — не моя религия и этот Бог — не тот Бог, Которому я поклоняюсь".

Это кажется мне идеальным примером того, что я имею в виду, потому что интеллектуальное и богословское побуждение отсутствуют здесь совершенно. Его возмутили не культ Божией Матери и не пышность торжественной мессы. Возмутило его в Италии то самое, за что неконформистские евангелисты стояли в Англии: спонтанное проявление народного христоцентричного благочестия. Его вывели из себя не какие-либо расхождения в богословских взглядах, а чужой облик и иная культурная традиция, отделяющие мир итальянских крестьян от мира благонамеренного англичанина среднего класса.

Нет надобности углубляться в эту сторону дела. Ее слишком отчетливо понимали уже писатели и мыслители Просветительства, от Бэйля до Томаса Пэйна, и она во многом ответственна за разыгравшуюся в XVIII веке реакцию против правоверия. Но, к сожалению, ее использование в качестве оружия против боготворенной религии помешало близоруко-правоверным апологетам распознать ее реальное значение. История показала, что подлинное решение нельзя найти на тех путях, на которые вступило Просветительство XVIII века, т.е. в построении чисто рациональной религиозной философии, основанной на отвлеченных общих местах, присущих всем формам религии. Ибо деизм есть не что иное как призрак религии, витающий над могилой мертвой веры и потерянной надежды. Каждая действительная религия должна признавать, с одной стороны, объективный характер ре-

лигиозной истины — а тем самым и необходимость богословия — и, с другой стороны, необходимость для религии воплощаться в конкретных формах, соответствующих национальному характеру и культурной традиции данного народа. Вполне правильно, что итальянские крестьяне и английские лавочники выражают свои чувства в различных формах, плохо же, если они молятся разным богам или считают друг друга отделенными от духа Христа и от тела Церкви оттого, что говорят на разных языках и отзываются на различные эмоциональные стимулы. Иначе говоря — различие обряда не должно вести к различиям в вере.

Вряд ли есть надобность настаивать на значении этого при обсуждении проблемы воссоединения католической и протестантской Европы. Для среднего протестанта католичество не есть религия Святого Фомы, Святого Франциска де Саль и Боссюэ, оно — религия идолопоклонников, молящихся изображениям Мадонны и делающих все, что им говорят священники. И, *mutatis mutandis*, так дело обстоит и со средним католиком.

Под богословскими вопросами, разделяющими католичество и протестанство, таится великий культурный раскол между северной Европой и южной, раскол, который существовал бы и в том случае, если бы никогда не было христианства, но этот раскол, поскольку он существует, неизбежно выражает себя в религиозных терминах.

Это — естественное разделение, которое нельзя осуждать как безусловное зло, поскольку оно составляет часть исторического процесса. Если было бы возможно удерживать жизнь на мертвом уровне единообразия, при котором англичане и испанцы, французы и немцы были бы все одинаковыми, то условия были бы, может быть, более благоприятными для религиозного единства, но европейская цивилизация была бы неизмеримо более бедной и менее жизненной, а ее религиозная жизнь, по всей вероятности, была бы также более скудной и обессиленной. Обычный грех идеалистов заключается в том, что они жертвуют реальностью ради своих идеалов, отвергают жизнь оттого, что она не достигает до их идеала, и этот порок распространен среди религиозных идеалистов так же, как и среди светских. Если мы осуждаем принцип различия или поляризации в истории и требуем отвлеченной единообразной цивилизации, которая устраняла бы опасность войн и религиозных расколов, то мы погрешаем против жизни так же точно, как если бы мы осуждали различие полов, что и делали действительно многие еретики на том основании, что оно ведет к безнравственности. И это — неплохое сравнение, потому что поляризация или двойственность культу-

ры, о которой я говорю, представляет собой всего только один из примеров универсального ритма жизни, имеющего свое наиболее яркое выражение в разделении полов. Конечно, я не имею в виду утверждать, что двойственность культуры является абсолютным, твердо установленным и неизменным законом: она скорее представляет собою тенденцию, по разному действующую в различных обществах и на различных этапах развития одного и того же общества. Но это тенденция всегда присутствующая и, по-видимому, становящаяся более ясно определенной тогда, когда культура проявляет наибольшую жизненность и творческую силу, как, например, во время Ренессанса.

Любая точка общественной жизни может стать центром такой поляризации, и там, где культура организована особенно жестко, как то было, например, в Византийской империи, принцип двойственности может найти свое выражение в таких разделениях, которые кажутся произвольными, вроде цирковых партий Синих и Зеленых, игравших столь важную роль в социальной жизни Константинополя. Раса и религия обычно представляют собой те жизненные точки, вокруг которых сгущаются противоборствующие силы общества. Так, мы видим, что ионическое и дорическое течение образовали два противоположных полюса греческой цивилизации и в конце концов определились в конфликте между Афинами и Спартой, раздиравшем Грецию в пятом веке до Р. Х.

Иногда побуждения обоих этих типов сливаются и друг друга усиливают, как в Ирландии, где вопросы религии и расы отождествились так, что противопоставление кельтов и англосаксов получило религиозное выражение в противопоставлении католиков и протестантов. Похожее положение вещей мы находим и в Польше, где оно было двойственным и проявлялось на востоке в конфликте между католиками-поляками и православными русскими, тогда как на юге, где конфликт был чисто национальный между католиками поляками и католиками же австрийцами, чувства были менее напряжены и культурная противоположность менее определенно выражена. С другой стороны, в более ранний период в Богемии, где противопоставление чехов и немцев проявлялось также и в религиозной форме, славянский национализм принял еретическую форму, тогда как преобладание германизма отождествилось с делом Церкви.

Но в дополнение к случаям этого рода, в которых принцип социальной поляризации проявляется в своей самой резкой форме, мы имеем примеры и более тонкой социально-религиозной поляризации, развивающейся внутри объединенного национально-

го общества и в пределах общей религиозной традиции. Наиболее яркий пример этого можно найти в Англии, где напряженность между противостоящими социальными силами нашла свое выражение в противопоставлении установленной Церкви и неконформистских Церквей. На первый взгляд может показаться, что разнородность и разрозненность, царящие среди неконформистов, не согласуются со сказанным мною о религиозном расколе как выражении двойственности культуры и свойственной социальным силам тенденции складываться вокруг двух противоположных полюсов. Но если мы оставим в стороне богословский аспект неконформизма и сосредоточим свое внимание на его социальном характере, то мы увидим, что противопоставление Церкви и Часовни, конформизма и инакомыслия в деревнях и небольших городах Англии XVIII - XIX веков имело значение, намного перевешивавшее расхождения между различными неконформистскими сектами. До некоторой степени это религиозное различие составляет духовный фон или основу политического разделения между крупными английскими партиями настолько, что во многих частях Англии считалось несомненным, что неконформист окажется добрым либералом, а церковник — добрым консерватором. Верно, что это неприменимо к раннему периоду методизма, но подъем методизма происходил в то время, когда виги представляли установленный социальный порядок, и его значение определялось тем, что привлекал он главным образом те терявшие свободу классы, которых тогдашние политические партии не привлекали непосредственно.

Но как ни смотреть нам на причины отдельных расколов и на социальное значение отдельных религиозных движений, бесспорным мне кажется, что в истории христианства, начиная от святоотеческого периода и до новейших времен, ереси и расколы происходили главным образом по мотивам социологического порядка, так что государственный деятель, который сумел бы удовлетворить национальные стремления чехов в XV веке или египтян в V - м, сделал бы для обуздания центробежной силы гуситского или монофизитского движения больше, чем сделал бы богослов, самым блестящим и убедительным образом защищающий причастие под одним видом или учение о двух природах Христа. В этом последнем случае подлинность обращений остается весьма сомнительной, ибо если бы египтяне даже и приняли Халкидонское учение, они нашли бы другой повод для разделения, пока его социологическая мотивировка оставалась неизменной.

Какое значение имеет все это для проблемы воссоединения

в том виде, в каком она существует сегодня ? Было бы глубоко ошибочным заключать, что поскольку религиозное разделение в прошлом основывалось на социальных и политических причинах, то мы должны принимать это в фаталистическом духе, как зло, которое невозможно исправить иначе как политическими или экономическими средствами. Делу христианского единства лучше всего послужить могут не религиозные пререкания и не политическое действие, а богословские добродетели — вера, надежда и любовь. И применять эти добродетели нужно как в интеллектуальной, так и в религиозной сфере. Более всего необходимо освободить религиозный вопрос от посторонних мотивировок, возникавших из неосознанных социальных конфликтов, ибо если это удастся нам, то мы лишим дух раскола его динамической силы. Если мы поймем причину нашей инстинктивной антипатии к другим религиозным общинам, то мы увидим, что религиозные и богословские препятствия воссоединению становятся менее серьезными и более легко устранимыми. Но пока неосознанный элемент исторического конфликта остается неразрешенным, религией распоряжаются слепые силы ненависти и подозрительности, могущие принимать поистине патологические формы. Чтобы убедиться в том, что это не преувеличение, достаточно взглянуть на наше собственное прошлое и вспомнить историю Гордоновских мятежей и Папистского Заговора.

Вследствие всего этого первый и величайший шаг к религиозному единству должен быть внутренним и духовным: это должно быть очищение нашего духа от более низких побуждений, которыми заражена наша вера. Ибо в огромном большинстве случаев грех раскола возникает не из сознательного намерения отделиться от истинной Церкви, но из того, что инстинктивной вражде или инстинктивным противопоставлениям позволяют настолько завладеть нашими умами и их помрачить, что мы перестаем видеть ясно религиозные вопросы и наше религиозное поведение определяется силами, которые совсем не религиозны.

Легко заметить, каким образом, например, в XV веке, скрытые интересы и материальные побуждения заставили и церковных, и государственных руководителей противиться необходимым реформам, но не менее очевидно и то, что бунтарская страсть, вовлекшая в раскол и в ересь такого великого религиозного вождя, как Мартин Лютер, была не чисто религиозной по своему происхождению и явилась результатом духовного конфликта, в котором религиозные мотивы смешались безнадежно. Не будь Лютер такой "душевной" личностью — как понимал это слово Апостол Павел и как мы понимаем теперь — он был бы

в состоянии судить о глубоких божественных вещах как духовный человек; тогда он также был бы реформатором, но не стал бы ересиархом.

Если мы перейдем теперь к английской реформации, то влияние на раскол нерелигиозных факторов настолько очевидно, что нет надобности настаивать на нем. В значительной степени это было движение государства *против* Церкви, а в качестве движущей силы за этим стояло пробуждение национального сознания и самоутверждение национальной культуры. Вследствие этого религиозный вопрос так отождествился с национальным делом, что католичество стало представителем всех сил, враждебных национальности, а каждый католик рассматривался как плохой англичанин и нелояльный подданный. Для среднего англичанина типичным католиком оказался не Томас Мор, а Гай Фаукс, и празднование годовщины "порохового заговора" стало своего рода примитивно ритуальным выражением народного отвращения к наследственному врагу племени.

Это отождествление религии и национальности продержалось более двухсот лет и оно еще и сегодня остается подсознательным предрассудком в глубине человеческой психики. Но оно стало неизбежно уменьшаться по мере роста современной секулярной цивилизации. Для национализма, для классового чувства или для экономических побуждений нет больше никакой надобности драпироваться в религиозные одежды, так как они стали силами сознательными и господствующими в социальной жизни. Виды идеологии, в настоящее время отражающие противоположные полюсы социальной напряженности, носят уже не религиозный, а политический, национальный и экономический характер; пересекаясь с более старыми социально-религиозными делениями между католической и протестантской Европой, они в значительной степени заглушают их.

Поэтому кажется, что современность более благоприятна для дела единства, чем любая другая эпоха со времени конца Средних веков. Ибо если христианство становится религией меньшинства, если ему угрожают враждебность и гонение, то общехристианское дело становится реальностью, а не только фразой, и определяется центр, вокруг которого распыленные силы христианства могут объединиться и реорганизоваться. Мы должны помнить, что по ту сторону проходящего через историю естественного процесса социальных конфликтов и напряженности существует более глубокий закон духовной двойственности и поляризации, выраженный в евангельском учении о противоположности Мира и Царства Божия и в доктрине Святого Авгу-

стина о двух градах, Вавилоне и Иерусалиме, конфликт между которыми также проходит через всю историю и придает ей ее конечное значение.

Таким образом, когда по попущению христиан конфликты и разделения естественного человечества переходят за свои границы и пронизывают религиозную сферу, дело Божие помрачается сомнениями и разделениями, и тогда и возникают расколы и ереси. Когда же Церковь верна своему призванию, она становится видимым воплощением того положительного божественного начала, которое противостоит вечной отрицательности зла.

Я думаю, что век раскола проходит и наступает время, когда божественное начало в жизни Церкви утвердит свою притягательную силу, объединяя в органическое целое все живые элементы церковной жизни и мысли. Ибо Христос есть Глава Церкви и Святой Дух — ее жизнь, поэтому везде, где есть вера во Христа и в Его Духа, существует и дух единства и средства к воссоединению. Вследствие этого нет надобности много говорить о путях и средствах, ибо пути Духа по существу таинственны и превосходят человеческое понимание. Возможно даже, что сама мощь тех сил, которые накапливаются против Церкви и религии, поспособствует единству, заставляя христиан сближаться друг с другом, как бы даже вопреки им самим. Возможно и то, что реакция Церкви на сложившуюся ситуацию будет положительной и произойдет новое излияние апостольского духа, как два столетия тому назад предсказывал святой Гриньон де Монфор.

Христофор Даусон

700 — ЛЕТИЕ II ЛИОНСКОГО СОБОРА

В ознаменование 700-летия созыва II Лионского Собора в октябре 1974 г. в городе Лионе состоялись торжества. Папа Павел VI назначил своим представителем на данных торжествах кардинала Виллебрандса, председателя Секретариата по делам единства христиан. В письме, адресованном кардиналу 5 октября 1974 г. в связи с этим его назначением, выражена точка зрения Св. Отца на современное состояние экуменического делания, проникнутого единым стремлением исполнить волю Христа: "Да будет все едино". Приводим заключительную часть этого письма:

"В наши дни мы уверены, что диалог, подлинно новый по своей природе, устанавливающийся между нами и нашими братьями Восточных православных Церквей, позволит, с помощью Божией, устранить те препятствия, которые остановили христиан XIII века. Разумеется, этот диалог не может ограничиться более чем тысячелетним богословским спором о Св. Духе. Необходимо снова рассмотреть с терпением и взаимной любовью многие пункты расхождения, которые, как казалось папе Григорию X и Отцам Лионского Собора, были разрешены. Но этот диалог будет вестись, с той и с другой стороны, в духе той новой установки, главные аспекты которой перечислены в Декрете об экуменизме Второго Ватиканского Собора.

Когда в 1967 г. наш благочестивой памяти досточтимый брат Патриарх Афинагор посетил нас в Риме, мы поставили вопрос, были ли наши усилия для преодоления расхождений "когда либо столь свободны как ныне от всякого политического элемента, от всякого устремления, чуждого единому желанию осуществить волю Христа о Его Церкви ? Действительно, с той и с другой стороны мы движимы единственным желанием "послушанием истине... очистив наши души к нелицемерному братолюбию, постоянно любить друг друга от чистого сердца (ср. 1 Петр 1. 22). Разве прямота наших намерений, подлинность нашего решения не свидетельствуют о действии Святого Духа, того мощного обновляющего и углубляющего действия, которое мы с

благоговением познаем на опыте как в Церкви, так и в каждом из верных христиан ?

Именно с этой надеждой мы измеряем долгий путь, пройденный со времени Второго Лионского Собора. Мы воздаем благодарение Богу за то, что исчезли в течение этих семи веков многие препятствия, которые тогда помешали Григорию X и Соборным Отцам осуществить дело примирения и обновления Церкви. В новых церковных условиях нашей эпохи мы можем решительно продолжать их дело.

На все это будет пролит свет во время предстоящих лионских празднеств. Желяя подтвердить их важность нашей Властью, мы назначаем тебя, Досточтимый Брат, председательствующий в Секретариате для Единства Христиан, нашим чрезвычайным посланцем, чтобы, действуя вместо нас, ты председательствовал на этих празднованиях. Мы не сомневаемся в том, что твое рвение и твоя преданность помогут тебе успешно выполнить эту вверенную тебе миссию и молим Бога, чтобы это пошло на пользу всей Церкви и в особенности делу екуменизма".

Проповедь, произнесенная кардиналом Виллебрандсом 20 октября 1974 г. в соборе Св. Иоанна в Лионе

Семь столетий протекло с тех пор, как в этом соборе, строительство которого должно было вскоре завершиться, великий папа Григорий X торжественно открыл всеобщий Собор. Это был второй Собор, заседавший в XIII веке в этом городе, законно гордящемся своими мучениками, своими епископами, из которых самый знаменитый, по всей вероятности — святой Ириней, и своей долгой духовной традицией. Его престиж и нейтралитет предназначали его быть местом этих Соборов, из которых первый протекал в разгар распри между Папой и императором, а второй, когда, после умиротворения этой распри, проявилась напряженность, возникшая на этот раз в Неаполитанском королевстве.

Собор открылся в понедельник 7 мая 1274 г. Григорий X избрал темой своей речи, произнесенной в этот день, слово Иисуса: "Очень желал Я есть с вами сию пасху" (Лк 22. 15).

Этот текст как бы указывал на глубокую связь между церковным Собором и Евхаристической службой, на синакисис. Более того, на этом Втором Лионском Соборе, который по мысли Григория X должен был ознаменовать восстановление единства

между Церквями Востока и Запада, это место Евангелия могло служить для выражения живого желания этого единства, этого вновь обретенного общения.

Правда, единство не было единственной целью этого Собора. В центре внимания Отцов находились и реформа Западной Церкви и Святые Места.

Позвольте однако председателю Секретариата для единства христиан, говорящему в соборе той Церкви, которая столько сделала для единства — да и как не упомянуть здесь с уважением и благодарностью имя того пионера экуменического духа, которым был аббат Кутюрье ? — позвольте же мне ограничиться сегодня одним аспектом этого Собора, аспектом единства христиан, столь актуальным для нас. Его таинственным и живым источником является Божественная литургия.

Папу Григория X одушевляло это желание единства, но неоспоримой чистоты его намерений было недостаточно. В полную противоположность реализму, нередко весьма низменному, многих его современников, деятельность Григория X ограничивается скорее идеализмом. Он желает единства с греками, он убежден, что оно необходимо для христианского мира. Он верит, что осуществит его, и осуществит окончательно. Будучи столь чувствительным, как и его предшественники, ко всему, что могло бы ограничить свободу Святейшего Престола в отношении императора, он как будто думает, что переговоров с Восточным императором и принятия им определенного исповедания веры будет достаточно для восстановления этого единства.

Он как будто не подозревает, какую огромную силу противодействия вызвало отклонение 4-го крестового похода от его пути и завоевание Константинополя с сопровождавшими его насилиями и грабежами. Романизация и насильственная латинизация, продолжавшиеся около шестидесяти лет, содействовали глубокому укоренению в умах, и еще больше в сердцах, непримиримой враждебности ко всякой идее единства, которая, для всех и для каждого в Константинополе, означала в то время подчинение, безусловную капитуляцию перед латинскими богословием и обычаями.

В ту эпоху на Западе недостаточно учитывают глубину и реальность иного устроения, существование других духовных и богословских традиций, отличных от римской; и даже если угадывают или знают о них более или менее смутно, то считают эти различия или незаконными, или по меньшей мере опасными и являющимися источником раскола.

Один из величайших умов той эпохи, генеральный магистр

молодого доминиканского ордена, Гумберт Романский, в значительном докладе «Opus tripartitum», который Папа поручил ему составить для Собора, не остановился перед тем, чтобы написать: "Разнообразие — мать и начало распри". Единство и единообразие как будто совпадают согласно взглядам уже господствующей схоластики, полностью уверенной в себе самой и в очевидном для нее.

В этом историческом контексте нельзя сомневаться в правых намерениях Григория X, но это далеко не так ясно в отношении его сотрудников, епископов и князей.

В это время политическое и духовное были тесно связаны. Это слияние могло поддерживать великие идеалы, каким был идеал христианского мира. О нем еще говорят в конце XIII века. Но время христианского мира прошло. Национализм молодых народов Европы уже начинает утверждать себя со всем тем, что проистекает из этого, как, например, борьба за власть и за влияние. Поиски союзников для нейтрализации опасных соседей составляют тот фон, на котором разворачиваются переговоры Михаила Палеолога с Папой в целях соединения обеих Церквей.

Но я не намерен долее говорить об этом. Я набросал эту картину только для того, чтобы попытаться лучше представить себе размеры подлежащего нам сегодня труда.

7 декабря 1965 г., торжественным актом, одновременно совершенным в Риме, на Ватиканском Соборе, и в Константинополе, в Фанарском соборе, папа Павел VI и патриарх Афинагор I заявили с взаимного согласия, что они исторгают из памяти и из среды Церкви и предают забвению постановления об отлучениях 1054 года, так же как и все печальные события, которые им предшествовали и за ними последовали, и сожалеют о том, что они имели место (Томос Агапис № 127).

Нельзя ли считать, что такое забвение должно распространиться и на все события и поступки этого рода, на все случаи непонимания и обиды, предшествовавшие Лионскому Собору и за ним следовавшие, которые помешали успеху этой искренней попытки преодолеть разделение, символом которого стали отлучения 1054 года? В наши дни забвение ошибок прошлого очень часто является необходимым предварительным условием всякого экуменического делания или по меньшей мере постоянного усилия, которое должно сопровождать направленную к единству деятельность. Прощение и примирение, которые необходимы по слову Господа прежде, чем предстать перед жертвенником (ср. Мф 5. 23-24), должны распространяться и на память о зле, которое мы в прошлом причинили друг другу. Отныне эти воспо-

минания полезны только как урок, как болезненный опыт, который должен помочь нам подготавливать, в настоящем, лучшее будущее.

Окончательно прошло то время, когда духовные возглавители Церкви претендовали, во имя своего высшего авторитета, руководить светской областью.

Ныне Церковь Христова побуждает своих сынов вступить на совсем иной путь, и Второй Ватиканский Собор торжественно возвестил это направление. Единство Церкви в исповедании одной и той же веры, в отправлении одного и того же культа, в едином усилии, внушенном единым Духом Святым, чтобы следовать и подражать ее единственному Господу, — это единство Церкви представляет собой католическое единство, богатство которой проявляется приятием разнообразий. Собор указывает нам путь для углубления, поддержания или восстановления этого единства: он подчеркивает значение молитвы, сердечного обращения, диалога, ведущегося в духе братской любви и искренней и верной любви к истине.

В речи, произнесенной им 25 июля 1967 г. в Фанарском соборе в Стамбуле, как и при других встречах с Восточными патриархами, Павел VI подчеркнул не только возможность, но и ценность признания тождественности веры за пределами различий словарных, богословских, даже конфессиональных. Это — здоровый плюрализм, необходимый для единства. Такое уважение различных умственных складов и культур выражается также и в обычаях, постепенно образовывавших различные канонические традиции Церквей. "Обрести себя едиными в разнообразии и верности, — говорил папа Павел VI, — это может быть только делом Духа любви. Если единство веры требуется для полного общения, то разнообразие обычаев — не препятствие, а совсем наоборот. Святой Ириней, "хорошо носивший свое имя, ибо он был миротворцем как по своему имени, так и по своему поведению" (Евсевий, Ист. Церкви, 24, 18) разве не говорил, что различие обычаев "подтверждает согласие в вере" ? (там же, 13). Что же касается великого учителя Африканской Церкви, Августина, то он видел в разнообразии обычаев одну из причин красоты Церкви Христовой (14 Письмо 32)" (Томос Агапис № 172).

Проявляя также и здесь свою постоянную заботу о проведении в жизнь Церкви направлений, указанных Ватиканским Собором, Папа таким образом разъяснял и досказывал великие тексты Ватиканского Собора о богослужебных, духовных и доктринальных традициях Востока, о необходимости полностью их уважать,

так же, как и вдохновленные ими особые формы церковной дисциплины (*Unitatis Reintegratio* № 14 и № 15).

Но это разнообразие может расцвести вполне свободно только, если тождественность веры обеспечена в лоне полного общения. Только вера дает нам способность полностью переживать общение с Отцом через Сына в Духе, тогда как мы вовлечены в разнообразие человеческой истории, культур и традиций. "Если пребудете в слове Моем, — сказал Христос, — то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными" (Ин 8. 31-32).

Как и вера, единство Церкви есть Божий дар, постоянно даруемый Церкви Духом Святым. Очищение сердца и памяти в духе покаяния и прощения необходимо для устранения "разделений, нанесших ущерб однокланному хитону Христову" (*Un. R.* 13). Правильно была понята необходимость диалога в любви, т.е. в Духе Святом, который дал бы нам возможность заново и совместно изложить учение Церкви.

Надо вместе переживать "почти полное общение", объединяющее католическую и православную Церкви.

"Почти полное общение" — именно так Павел VI характеризовал отношения между нашими Церквями. И здесь нам опять вспоминаются слова Иисуса, которые Григорий X избрал как тему своей проповеди не только на открытии Собора, но также и 6 июля, после провозглашения унии: "Очень желал Я есть с вами сию пасху". Не могли ли бы эти слова выразить то, что стало, по-видимому, постоянным помыслом и беспрестанным желанием Афинагора Константинопольского в последние годы его долгой жизни: "пить из одной чаши" с его братом, Павлом Римским ?

При известии о его смерти Папа сказал: "Все его чувства сосредоточились на одной и той же надежде — на надежде "пить из одной чаши с Нами", т.е. вместе совершать евхаристическое жертвоприношение, синтез и увенчание общего церковного отождествления со Христом. Этого так желали и Мы ! Теперь это неосуществившееся желание должно оставаться нашим наследием и нашим обязательством" (*Documentation catholique* № 69 (1972), стр. 721).

Да, в момент когда, больше не существует социальных и политических факторов, препятствовавших достижению единства семь столетий тому назад, когда признание законного плюрализма проявляется все больше и больше и когда при все более частых контактах на всех уровнях, все лучше узнают и все больше любят друг друга, когда наши усилия, быть может, как никогда свободны от примеси всякого политического элемента,

от всего чуждого единственному желанию осуществить волю Христа о Его Церкви (ср. Павел VI, выступление 26 октября 1967 г., в Томос Агапис № 190), наша надежда становится благодарением и выражается в новой решимости сделать все, чтобы приблизить день, когда, исповедуя единым сердцем одну и ту же веру, мы сможем вместе совершать божественную Евхаристию — воспоминание о Пасхе Христовой.

Тогда вся Церковь сможет повторить слова своего Господа: "Очень желали мы есть все вместе эту Пасху".

ЭКУМЕНИЗМ И МИССИОНЕРСТВО

Разделение между христианами с особой остротой ощущается в тех странах, где миссионеры подвизаются на ниве Христовой. Особенно с тех пор как мощное протестантское миссионерское движение организовалось 150 лет тому назад, начали осознавать, что означает это разделение христиан и до какой степени оно может препятствовать работе миссионеров. Как представлять чужим народам единую Церковь, основанную Христом, и как возвещать Его учение, когда на глазах у всех — самые различные Церкви и учения, множество общин и исповеданий веры? В "христианском мире" привыкли к этим разделениям, и люди жили более или менее в мире друг с другом или по меньшей мере рядом друг с другом. Но в тех странах, где впервые зазвучала христианская проповедь, это разделение представляется камнем преткновения, признаком неподлинности и неистинности христианской религии.

Прежний католический подход

Парализующее действие разделения одновременно замечалось и католическими, и протестантскими миссионерами, но замечалось ими по-разному. Протестанты почувствовали себя более затронутыми. Действительно, они не имели возможности опираться, как католики, на крепкую структуру, на совершенное целостное учение и на доктрину, гарантированную целым преданием; поэтому они с глубокой печалью и с известной беспомощностью ощущали множественность своих исповеданий веры. Католики же в этом распылении усилий протестантских миссионеров часто видели всего только препятствие на пути распространения единой истинной веры. Многие католические миссионеры глубоко желали, чтобы молодые протестантские Церкви и их миссионеры присоединились к католической Церкви, дабы был один пастырь и одно стадо. Идея сотрудничества лишь изредка

появлялась в католической миссионерской литературе, какой она была еще недавно. Правда, на практике сотрудничество не исключалось, особенно в области благотворительности и ухода за больными.

Нам нужно ясно понять точку зрения старых католических миссионеров: Церковь, зная, что она основана Христом и определена Им в качестве вселенской, считающая своего видимого главу преемником святого Петра и наместником Христовым, чувствуя свое неотменимое призвание хранить чистоту учения Иисуса Христа и передавать его всем народам во всей его целостности, — такая Церковь всегда готова сообщать всем эту истину и принимать в свое лоно всех, того желающих. С другой стороны, члены этой Церкви не расположены к сотрудничеству с теми, кто с ее точки зрения не возвещает истинное учение Христа или во всяком случае не возвещает его во всей его полноте. Пришлось ждать новейшего экуменического движения и в особенности Второго Ватиканского Собора, чтобы смогла возникнуть надежда на плодотворное сотрудничество.

Протестантские экуменические усилия

Протестантские Церкви первыми стали стремиться к большему единству в миссионерской работе. Первый важный шаг в этом направлении был сделан в Эдинбурге в 1910 г. на всемирной конференции миссионеров. Перед конференцией стояли главным образом практические задачи. Стремились выяснить, в каком плане и каким образом возможно осуществлять сотрудничество между различными Церквями. Обсуждение показало, что единство исповедуемой веры имеет первостепенное значение для возвещения Евангелия. Многие участники Эдинбургской конференции стали в дальнейшем видными деятелями экуменического движения.

В Эдинбурге был учрежден комитет для координации экуменических усилий миссионеров («continuation comittee»). В 1912 г. им основан журнал "Международный обзор миссий", который в 1921 г. перешел в ведение "Международного Миссионерского Совета".

Развитие сотрудничества между миссионерами и экуменистами завершилось в 1961 г. в Новом-Дели включением миссионерского Совета в состав всемирного экуменического Совета.

Начиная со Второго Ватиканского Собора...

Католики не участвовали во всех экуменических движениях, хотя могли присутствовать на некоторых конференциях в качестве наблюдателей или в личном порядке. Рим проявлял большую сдержанность, избегая, насколько возможно, сотрудничества, которое слишком легко могло повести к религиозному безразличию и к христианскому синкретизму. В то же время во многих случаях католические миссионеры вступали в контакт и сотрудничество со своими протестантскими собратьями. Но в общем это были скорее исключения. Глубокие изменения в этой области произошли уже только после Второго Ватиканского Собора.

Пастырская озабоченность Собора, проявившаяся в его экуменической направленности, должна была непосредственно коснуться и миссионерства. Ею проникнут декрет о миссионерской деятельности Церкви «*Ad Gentes*», в частности статья 3 (об образовании христианских общин). Согласно этому декрету новообращенных следует воспитывать в экуменическом духе, так, чтобы они сознавали принадлежность Богу всех христиан. И это необходимо не только для того, чтобы миссионерская работа Церкви углублялась и становилась плодотворной, но и потому, что все христиане объединены во Христе общей верой и таинством крещения. Согласно положениям декрета об экуменизме "те, кто верует во Христа и принял действительное крещение, находятся в некотором, хотя и неполном, общении с католической Церковью" (№ 3). Статья 15 декрета о миссионерской деятельности также гласит: "Экуменический дух должен поддерживаться среди новообращенных, которые должны с полным основанием почитать братьев, верующих во Христа, за учеников Христовых, возрожденных крещением, соучастников в премногих благах народа Божия".

Сотрудничество католиков и протестантов

В этой же статье содержится призыв к активному сотрудничеству с отделенными братьями: "Насколько позволяют условия религиозной жизни, экуменическая деятельность должна разви-

ваться так, чтобы католики, избегая всякого безразличия, смешения понятий и нездорового соперничества через общее, насколько это возможно, исповедание веры в Бога и в Иисуса Христа перед народами и через совместную деятельность как в социальной и технической, так и культурной и религиозной области, сотрудничали с отделенными братьями согласно основным положениям декрета об экуменизме. Да сотрудничают они прежде всего ради Христа, их единого Владыки ! Имя Его да объединяет их ! Это сотрудничество должно быть установлено не только между частными лицами, но и также, по суждению местного епископа, между Церквями или церковными общинами и учреждениями, ими руководимыми" (№ 15).

Эти руководящие указания для экуменической работы в странах, где развивается миссионерство, представляют собой важный шаг вперед для осуществления единства Церкви, но они должны, конечно, применяться с известной осторожностью. Сотрудничество в технической, социальной и благотворительной областях представляется менее подверженным опасностям, чем сотрудничество в плане культурном и религиозном. В то время как теперь много говорят о плюрализме, существует сильная, хотя часто и бессознательная, тенденция все уравнивать, все влить в одну форму и все объединить на тоталитарный лад.

Однако при всяком подлинно серьезном экуменическом делании христианин должен помнить, что экуменизм несовместим с религиозным безразличием и церковным синкретизмом и что скорбь о еще продолжающемся разделении — необходимый стимул для преодоления разногласий.

В конечном итоге разделение создается отсутствием единства в вере и превозмочь его одними человеческими усилиями невозможно. Истина, а следовательно и единство в вере, есть вопрос подлинного отношения с Богом, ибо общение с Ним очищает, меняет, выправляет наши глубинные установки. Для достижения единства веры нужно, чтобы Бог стал нашим воспитателем: экуменизм неотделим от молитвы. Не в молитвенном ли контексте Иисус говорит нам о необходимости единства (Ин 17. 20-22) ? Восстановление единства веры и церковной жизни не является в первую очередь делом компетентных богословов, ни даже делом наиболее опытных руководителей Церкви: оно есть дело Божие.

П. Швендиманн

(Croire Aujourd'hui, janvier 1972).

ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ

ЕВХАРИСТИЯ КАК СРЕДОТОЧИЕ НАШЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ

В день праздника Corpus Christi, (Тела Господня, т.е. Евхаристии) Святой Отец ежегодно посещает один из рабочих пригородов Рима. В 1974 г., присутствуя на Бож. Литургии в приходской церкви рабочего квартала, он произнес проповедь, несколько сокращенный перевод которой мы здесь печатаем.*

Возлюбленные сыны и братья !

Слушайте нас ! Мы хотим поделиться с вами сомнением, которое коснулось нашей души, когда мы возымали намерение прийти к вам, чтобы вместе отпраздновать день Тела Господня. Вот в чем оно заключалось: будет ли наше присутствие среди вас действительно благотворным в день такого религиозного торжества, целиком сосредоточенного на самом горячем, внешнем и внутреннем, личном и общинном поклонении Святой Евхаристии, на тайне присутствия Господа нашего Иисуса Христа в таинстве и в жертве, или же, напротив, мое появление в этом квартале, в этом приходе, даст повод для радости, но еще больше отвлечет ваше внимание вместо того, чтобы направить его к подлинному предмету вашего почитания. Иначе говоря, не привлечет ли наше присутствие ваше внимание больше, чем единственно достойное вашей радости и вашего поклонения присутствие Иисуса, скрытого и явленного в евхаристическом таин-

** Праздник Corpus Christi в честь Евхаристии был учрежден в Западной Церкви папой Урбаном IV в 1364 году.*

стве. Два присутствия: наше, видимое, человеческое, хотя и представляющее Господа, но неизмеримо более низкое, даже ничтожное по сравнению с присутствием Христа Господа, присутствием, правда, обычным, но чудесным, священным, божественным, несравненным.

Поэтому, решившись отправиться сегодня сюда, в этот еще юный приход, посвященный Успению Пресвятой Девы Марии, мы пожелали обратиться к вам с немногими словами не столько о нашем личном присутствии, о присутствии Папы (о нем мы вкратце упомянем в конце торжества), сколько о Его, Иисуса, реальном, таинственном, но истинном присутствии, здесь, в этой новой общине, — о божественном присутствии Господа, заслуживающего всего нашего внимания и составляющего главную тему этого праздника.

И этот призыв сосредоточить ваше внимание на Иисусе — на Иисусе Евангелия, Иисусе Тайной Вечери, Иисусе распятом, Иисусе воскресшем и ныне восседающем в небесной славе "одесную Отца" (как мы поем в Символе Веры) — происходит прежде всего из очень простого, но решающего момента: наша личность не заслуживала бы особого внимания, если бы она не была личностью Епископа, личностью Папы, т.е. некоего заместителя, викария, представителя, в общем — исполнителя или служителя, все свое достоинство и весь свой авторитет получающего от Предопределившего его избрание и Дающего ему действовать от Своего имени. Вот почему, чем больше вы обращаетесь к нам, с чем большей сыновьей любовью и радостью вы смотрите на нас, тем больше вы обращаетесь ко Христу, присутствующему в нашем служении.

Устремите вашу мысль сегодня, больше чем когда-либо, на таинственный и центральный факт нашей веры, именно на Присутствие среди нас Сына Божия, ставшего человеком, на тайну Воплощения, благодаря которой мы можем повторять истинное имя Иисуса, рожденного от Марии и жившего в Назарете, — имя "*С нами Бог*" (ср. Ис 7. 14; Мф 1. 23); и да станет это для вас источником постоянного вдохновения. И тогда мы увидим, как под этим наименованием, присущим одному Иисусу, объединяются смысл Его пришествия в этот мир и цель Его появления в истории человечества, среди нас, людей; итог этой истории выражается одним словом, одним именем, таким обычным и так часто профанируемым, которое здесь достигает божественных вершин; имя это — Любовь. "Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного" для его спасения (Ин 3. 16; ср. Еф 2. 4; 5. 2 и т.д.). Вся наша религия есть откровение Божией

благости, Его милосердия, Его любви к нам. "Бог есть любовь" (1 Ин 4. 16), т.е. любовь изливающаяся и преодолевающая; и все сводится к этой высшей истине, которая объясняет все и все освящает. Историю Иисуса следует видеть в этом освещении: "Он возлюбил меня", писал Ап. Павел, и каждый из нас может и должен повторить за нами эти слова, применяя их к себе самому. "Он возлюбил *меня* и предал Себя за меня" (Гал 2. 20).

И тогда мы немного больше начнем проникать в тайну Евхаристии, всенародно празднуемую нами сегодня, тайну присутствия, возможного только благодаря любви. "Я не оставляю вас сиротами, Я приду к вам", — сказал Иисус, давая понять, что близок конец Его земной жизни. Это — сладчайшее обетование, после Воскресения становящееся торжественным и определяющее назначение и освещающее реальность нашей религиозной и человеческой истории: "Вот, Я с вами во все дни до скончания века" (Мф 28. 20). Бог с нами, Христос с нами ! Все христианство — это факт Присутствия, тайна Присутствия.

И если мы сегодня вечером здесь, то именно для того, чтобы пробудить в нас, в вас, во всех тех, кто воспримет отзвук нашего голоса, ощущение этой реальности, истинной и сверхъестественной: Иисус *здесь*. Там, где совершается Евхаристия, раскрывается и провозглашается "тайна веры": здесь Иисус Христос, наш Спаситель, живой и истинный. Он посреди нас !

Когда мы открываем наши сердца этой сладкой и всепреодолевающей истине, мы уже не можем оставаться равнодушными, закосневшими и спокойными: Он здесь ! Наше первое чувство — поклонение и восторг, и даже смущение: что нам делать ? Петь ? Плакать ? Молиться ? Или, может быть, молчать и созерцать, как Мария, сестра Марфы, встревоженной и озабоченной тем, как служить Господу, которая "села у ног Иисусовых и слушала слово Его" (Лк 10. 39) ? Так возник культ Евхаристии. Он присутствует — но как ? Где ? Почему ? Можно ли видеть Его, приблизиться и прикоснуться к Нему, как это происходило в евангельские времена (ср. 1 Ин 1. 1) ? Он сокровен, — но можно ли опознать Его ? ... Как может быть Он пищей для нас ? Действительно ли хлеб и вино претворяются в плоть и кровь Иисуса на кресте ? "Какие странные слова !" (Ин 6. 60). Так возникло Евхаристическое богословие.

Да, слова эти трудно постигнуть ! Но вы знаете, что Иисус желал непреложно, чтобы Его великая речь о тайне Евхаристии принималась буквально (ср. Ин 6. 61 и сл.). Нужно верить ! Верить в слово Христа и верить Ему на слово. Это тайна веры. Но

в то же время нельзя утверждать, что она совершенно непонятна: как один и тот же образ, оставаясь тождественным, может отражаться во всех воспринимающих его зеркалах, как один и тот же голос может быть уловлен всеми слушателями, как одно и то же слово может претвориться в мысль у всех, кто его понимает, так и единый Иисус может присутствовать во многих, в бесчисленных таинствах, посредством Божия чуда. Чудо же это заключается в том, что ... в этом таинстве под видом хлеба и вина скрывается Реальность, заменяющая собою субстанцию хлеба и вина, и эта Реальность есть Сам Иисус, субстанция Его Тела и Его Крови, словом — Он Сам, облеченный в эту смиренную видимость (ср. Св. Фома III, 73, 6).

Именно в этом моменте, превосходящем наш опыт и наше разумение, мы начинаем понимать много дивного, помогающего нам постигнуть, если не *как*, то *почему* Иисус пожелал стать Евхаристическим таинством. Он умножил Себя таким необычным образом, чтобы быть доступным каждому из нас — для того, чтобы из всех нас сделать одно целое — Свое мистическое Тело, Единую Церковь (1 Кор 10. 17). Но не странно ли, что Христос пожелал стать пищей для нас ? Он соделался духовной пищей, чтобы доказать нам, как Он нам необходим — нельзя жить без пищи — и что Он и есть настоящая пища, внутренняя и личная, хлеб вечной жизни, в котором мы нуждаемся все и которым мы имеем счастье питаться, когда того пожелаем, "проникаться" этой жизнью в общении с Ним, чтобы поддерживать ныне свое существование и довести его до бессмертной полноты.

Почему же Иисус пожелал разделить это таинство на два разных вида, хлеб и вино, видимые аспекты различного субстанционального содержания ? Не только для того, чтобы дать пищу и питье нашим изголодавшимся душам (ср. Св. Фома III, 73, 2). Иисус пожелал дать этому таинству двойное значение жертвоприношения: одно — Сам становясь агнцем освобождения, Он заменяет жертвоприношение еврейской Пасхи; другое, образное, обозначает распятие, через которое из мучимой плоти истекает искупительная кровь. В Евхаристии Иисус — жертва, в которой актуализируется единственно действенное искупительное жертвоприношение — жертвоприношение крестное. И когда мы участвуем в ней, принимая Причастие, мы присоединяемся к плодам спасительного жертвоприношения Христова.

Сколько тайн соединяются в этой центральной тайне нашей веры, в реальном присутствии Христа в Евхаристии ! Как вспомнить их всех ? Как пережить их все заново в нашей жизни, как в мирской, индивидуальной, так и в стенах церковных ? Помните

по крайней мере одно изречение Христово, слушайте Его голос, Его евангельский призыв: "Придите ко Мне !" "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас" (Мф 11. 28).

Евхаристия именно и есть это присутствие, зовущее нас. Иисус зовет как друг, приближающийся молча, всегда ожидающий, готовый принять нас всех. Он зовет нас к столу — кротчайшему празднованию единства, страдания и любви. Этот призыв обращен по преимуществу к тем, кто больше других страдает и трудится, к тому, кто беден и плачет, к тому, кто одинок и не имеет поддержки, к тому, кто мал и невинен. Иисус зовет и приглашает. Его голос доносится также и до дальних, до утопистов, до тех, кто сошел с верного пути. Придите, вход свободен для раскаявшихся и для верующих. Придите, Он сказал: "Я путь и истина и жизнь (Ин 14. 6).

И сегодня Его голос раздается из безгласного Таинства, здесь присутствующего среди нас. Высоко вознесенный в этом праздновании, перед всем народом, Он Своим голосом, звучащим и божественно и человечески, возглашает, как в ту ночь, когда, идя по морю во время бури, Он явился Своим ученикам: "Ободритесь, это Я, не бойтесь !" (Мф 14. 27). Придите ! Аминь !

Папа Павел VI

РАЗМЫШЛЕНИЕ В ДЕНЬ СВ. ИОСИФА

Откровение с неба не только разъясняет Иосифу, что Мария зачала Младенца от Духа Божия — хотя его соь подтверждает ему также и это — но и велит ему: "Прими Марию к себе". Значит — будь отцом этому Младенцу, Которым Небо наградило обрученную тебе Марию. Храни, защищай, люби этого Младенца, покровительствуй Ему. Такова миссия, которую само Небо возлагает на Иосифа. Можно сказать, что он становится приемным отцом и хранителем Младенца не только потому, что Мария зачала, осененная силой Всевышнего, но и потому, что самому Богу было угодно поставить его вместо отца Сыну Божиему, пришедшему для спасения мира. Поэтому Иосиф получает повеление дать Младенцу имя, а ему самому дается звание сына Давида, ибо Иисус должен был быть признан и узнан как Сын Да-

видов. Чтобы это стало очевидным, Его земному отцу надлежало быть сыном Давидовым, т.е. происходить из царственного рода Давида. Следовательно, Небо препоручает святому Иосифу Спасителя мира. К истории спасения он принадлежит не только вследствие своего обручения с Марией, а получает в ней определенное назначение. Он — покровитель и хранитель Сына Божия, эта миссия возложена на него непосредственно (...).

И мы нередко бываем призваны хранить священное начало в нас самих, в нашей жизни, в нашем труде. Это как будто касается только нашей повседневной жизни, не имеющей ничего общего со Священной Историей Царства Божия и спасения мира. Как будто мы всего только завязываем скромные связи и отношения наших жизни, знаний, профессии, но именно в этом мы являемся призванными Богом хранить священное и великое, хранить Божию благодать в нас и вокруг нас. И кто из нас не видит, что Бог доверяет нам также охрану Своих детей, в школе, в семье, в нашем квартале ? Нам не является ангел с неба, мы не слышим небесного голоса, говорящего нам во сне: "Прими Младенца". И тем не менее, через события как будто совершенно земные, Бог и нам поручает то, что является по существу небесным и Божиим, поручает хранить Божию благодать в нашем собственном сердце и в нашей земной среде. Во всех этих событиях Сын Божий, ставший человеком, продолжает жить и всем нам ставится вопрос: храня Сына Божия, Которого мы встречаем в своих ближних, будем ли мы такими же верными, как Иосиф, о котором сказано, что он был верен, что он принял Младенца и Матерь Его и охранял Его всю свою жизнь, чтобы Он мог действительно стать Спасителем и Спасением мира.

Карл Ранер

ТЕРЦИАРИИ В НАШИ ДНИ

В предыдущем номере мы рассказывали о мирянах, живущих в согласии с дисциплиной и духовностью кармелитов. Эта статья посвящается союзу "Христианская жизнь", организации мирян, которые полагают в основу своей жизни "Духовные упражнения" Св. Игнатия Лойолы и опыт ордена иезуитов, объединяющий созерцание с действием.

ОБЪЕДИНЕНИЕ "ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ"

— "Пожалуй, прежде всего я спрашиваю себя о полезности моей жизни. Большую часть времени я отдаю труду, т.е. заработку на жизнь, и заботе о детях. Меня захватывает жизненный круговорот, где смешиваются мои социальные обязанности, досуг, семейная жизнь. Но наступают моменты, когда я испытываю страх перед неведомой пустотой".

— "Я хотел бы совершить что-нибудь полезное для других, для дела справедливости, но меня ограничивает моя профессиональная жизнь и та социальная среда, в которой я живу".

— "У меня создается впечатление, что мои действия часто противоречат евангельскому духу. Кроме того, я теряюсь, когда мне приходится делать выбор в деле воспитания моих детей, в образе жизни, социальных отношениях. Часто меня тревожит вопрос: какая разница между моей жизнью и жизнью не-христианина?"

— "Вероятно у меня особое положение: я занимаюсь общественной и церковной работой и в этом обретаю смысл жизни, но это мне не придает сил. Я нуждаюсь в том, чтобы углубить свою веру вместе с теми, у которых такие же проблемы, я хочу снова обрести силы, возобновить и разделить с другими основания моих надежд. Я верю, что Бог существует, но больше не знаю, как к Нему обращаться. Я знаю, что Христос — жив, но

не постигаю, как именно Он присутствует в моей жизни и жизни окружающего меня мира. И оттого, что над всеми этими вопросами я размышляю в одиночестве, я больше не знаю, как к ним подходить, как о них говорить, и еще меньше, как о них свидетельствовать".

Такие вопросы задавали себе некоторые члены этого объединения до того, как сделали "Духовные упражнения" Св. Игнатия Лойолы основой своей повседневной жизни. Основной принцип иезуитской духовности — соединение созерцания и действия, углубление действия через созерцание и овеществление созерцания в действии, помогает увидеть, что даже самые повседневные обязанности имеют смысл и ценность перед Богом, что даже самое на вид незначительное дело может превратиться в христианское служение, если научиться ставить его перед лицом Божие. Он помогает согласовать все области жизни, раскрыть в любой обыденной деятельности способ встречи с Богом, открыть Его присутствие во всем сущем. Когда эти люди образовали общину, маленькую ячейку Церкви с собственной миссией — служения людям на разных уровнях деятельности и общественного положения, то и сама Церковь предстала им в новом свете.

"Люди призваны к жизни, чтобы познавать и любить Бога, служить Ему и через это войти в истинную жизнь.

Все вещи в мире созданы для человека, чтобы помочь ему достигнуть той подлинной жизни, для которой он предназначен. Поэтому человек должен ими пользоваться в той мере, в какой они являются помощью, и отказываться от них в той мере, в какой они являются помехой.

Мы должны стать внутренне свободными по отношению ко всему: чтобы не желать для себя здоровья больше чем болезни, богатства больше, чем бедности, успеха больше, чем неудачи, но во всем избирать лишь то, что вернее всего приближает нас к истинной жизни, к которой мы призваны".

(Св. Игнатий).

Таков ключ к духовности иезуитов, которая и в объединении мирян ставит целью своей:

— Формирование свободных людей, обретающих Бога и творящих Его волю в своей повседневной жизни.

— Организацию их сотрудничества в искупительном деле Христа и Церкви.

— Объединение их в товарищеском союзе, чтобы обеспечить более обильные плоды в их миссионерском служении.

1. СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ

"Где Дух Господень, там свобода"
(2 Кор 3. 17)

"Духовные упражнения" основаны на том принципе, что подлинная свобода осуществляется лишь во встрече свободной воли человека со свободной волей Бога. Еще Св. Фома Аквинат говорил, что "чем ближе человек Богу, тем более он человечен, тем более свободен". Воля Божия не является внешней по отношению к человеческой воле, не ложится на нее бременем. Бог призывает человека делать выбор вместе с Ним и через это брать в собственные руки свое призвание, творить собственную жизнь, которая таким образом перестает быть совокупностью случайных эпизодов, превращаясь в историю богочеловеческого союза.

Пути следования воли Божией, поиска ее многоразличны. Духовная же педагогика Св. Игнатия помогает находить Бога в самом сердце повседневной жизни, не удаляя человека от мира, т.е. его семейных, супружеских, профессиональных и общественных обязанностей, а находя в них божественное присутствие и действие, чтобы через конкретное соединение собственной воли с Божией освободиться от детерминизма и суестьи повседневности.

Участники "Христианской жизни" свидетельствуют: "Каждый наш выбор, даже не вид самый мирской, проявляется как свободный ответ на волю Божию, которая таинственно выражается в каждом обстоятельстве жизни. Значит от нас требуется более открытое человеческое понимание, более острое чувство ответственности по отношению к другим, желание действенно ответить на натиск непредвиденных обстоятельств: короче говоря, постоянное бдительное внимание, чтобы услышать в окружающей реальности призыв воли Божией, который нужно уловить в самой динамичности переживаемого момента".

Духовные Упражнения учат нас достигать этого распознавания посредством беспрестанного анализа всех элементов, управляющих нашей жизнью, посредством внимания в молитве

всем нашим внутренним движениям: печали или радости, тревоги или спокойствия, неуверенности или легкости. Для того, чтобы могла осуществиться наша встреча с Богом, нам следует оставаться верными каждому элементу своей жизни и быть способными распознавать благодать в преходящей насыщенности каждого момента. Из этих двух духовных установок вытекает третья: безоговорочное исполнение воли Божией. По мере все более полного отречения от своих личных склонностей, мы становимся все более способными воспринимать только то побуждение, которое хочет нам дать Господь. Жить в такой деятельной восприимчивости, все время слыша слово Божие — значит развивать в себе более усердное и более прозорливое внимание, чтобы уметь открывать присутствие Бога в наших человеческих ситуациях и согласовывать с этим свою жизнь.

2. СЛУЖЕНИЕ В ЦЕРКВИ

Своими *Упражнениями* Св. Игнатий помогает через призыв, обращенный ко всему человечеству, услышать личный призыв, обращенный к каждому отдельно. Иисус Христос не только образец для подражания, Он — живой и действенный* Царь вселенной, еще не завершивший порученной Ему Отцом миссии завоевать весь мир. Для этого в наше время, как и во дни Своего земного служения, Он ищет великодушных и верных друзей, которых Он бы мог послать на бой со злом мира. Для Св. Игнатия призыв к личной святости и призыв к апостольскому служению не стоят один после другого, а составляют одно целое, требующее внутреннего переворота — все большей открытости сердца и духа, освобождения любви, которая отказывается от эгоистических привязанностей, чтобы всецело отдать себя Богу. "Возьми Господь и прими всю мою свободу, мою память, мой разум и мое сердце. Все, чем я обладаю, я получил от Тебя и возвращаю Тебе. Дай мне только Твою любовь и Твою силу. С меня довольно сего" (молитва Св. Игнатия).

Духовные Упражнения не предписывают конкретно, что именно мы должны делать. Важно только одно: ответить Господу,

* "Отец Мой доныне делает, и Я делаю" (Ин 5. 17) — говорит Иисус.

Который говорит нам: "Воля Моя — завоевать весь мир", и ответить в согласии с нашей любовью, указывающей, что именно надо делать в данный момент, согласно призыву Духа Святого, согласно нашим силам, согласно тому, насколько срочно это действие. Поскольку не существует особого определения апостольского служения, "апостольской специфичности", *Упражнения* призывают к служению Церкви, к помощи ее пастырям.

Дело не в том, чтобы брать на себя дополнительные "нагрузки", даже не в том, чтобы пользоваться нашими человеческими отношениями для свидетельства об Иисусе Христе, а в том, чтобы придать самим этим отношениям — супружеским, профессиональным, общественным — содержание и стиль, которые стали бы проявлением веры, надежды и любви, т.е. связывали бы со Христом. Потому что жизнь — не повод для апостольской деятельности, а сама всецело — апостольское служение. Дело не в нашей подготовке в доктринальном плане, для того, чтобы уметь ответить на возражения, которые нам делаются, но в том, чтобы мы были "всегда готовы всякому, требующему у нас отчета в нашем уповании, дать ответ"... (1 Петр 3. 15).

Декларация французского комитета "Христианской жизни" о первостепенных задачах апостольского служения. (20. IX. 1970 г.)

А) Мы убеждены, что единство нашей жизни имеет смысл только в том случае, если эта жизнь посвящена апостольскому служению, т.е. если она направлена к служению Богу и откровению Иисуса Христа всем людям. Призвание нашего общества "Христианская жизнь" — помогает всем своим членам осуществлять эту цель, ибо общинное действие достигает гораздо большего, чем индивидуальные действия. Но это не значит, что мы должны делать одно и то же, а значит, что мы обязались действовать сообща, каждый на пути, указанном ему Господом, что наше действие должно переживаться каждым, как свое личное в молитве, распознавании, деятельности и пересмотре своего выбора и деятельности.

Мы считаем себя участниками апостольской общины, включенной в миссию Церкви.

Б) Мы утверждаем это общинное дело на трех прочных основаниях:

1. Созерцании Иисуса Христа, исполняющего миссию Отца, осознавая:
 - как Он возвещает простым людям Благою Весть,
 - как Он ставит под вопрос структуры и взгляды Своего времени,
 - как Он подготавливает людей, ответственных в будущем за миссию и общины, которые должны продолжать и распространять Его дело.
2. Исполнении *Духовных Упражнений* для формирования людей, способных в единстве действия и созерцания служить Богу и оказывать конкретную помощь людям.
3. Верности Церкви (поскольку только через нее и в ней мы являемся членами Тела Христова, становление Которого зависит от нашего конкретного участия), с сознанием:
 - связи послушанием с церковной общиной, которая нас посылает, и которой мы должны давать отчет
 - универсального значения всякого конкретного действия и
 - общинного значения служения.

В) От имени нашего общества и в согласии с направлением общин "Христианской жизни" в европейском и мировом масштабе мы принимаем в качестве одного из своих основополагающих принципов утверждение Церкви, что "в наше время свидетельствовать о Боге согласно Евангелию — значит принимать участие в развитии каждого человека и всего общества".

Г) Мы утверждаем, что работа для развития каждого человека и всего общества предполагает, что мы:

- даем предпочтение самым бедным, нуждающимся в помощи,
- стараемся устанавливать связи между различными поколениями и между различными народами,
- убеждены, что человек достигает своего высшего развития только в Иисусе Христе,
- хотим примкнуть к Иисусу Христу в выборе средств в бедности, смирении и послушании.

Д) С другой стороны, в деле апостольского служения в наше время мы подчеркиваем ценность следующих средств:

- связи во всех планах как между отдельными людьми, так и между группами, мировоззрениями, между различными социальными уровнями, поколениями, расами, идейными горизонтами, при соответствующем внимании к высказываниям в диалоге применительно к конкретности каждой данной ситуации;
- воздействия на структуры не только через политическую деятельность, как таковую, но и через участие в самых разнообразных организациях развития (профессиональных союзах, объединениях и т.д.);
- приложения духовности *Упражнений* ко всем сторонам жизни и ее повсеместное распространение, чтобы помочь максимально большему числу людей разобраться в своей жизни и деятельности в духе Евангелия и потребностей современного развития.

Наше свидетельство будет неполным, если мы не скажем здесь о Деве Марии — вдохновительнице, примере и путеводной звезде членов нашего общества. Для Св. Игнатия характерно особое почитание Божией Матери в той особой роли, которую Она играет по отношению к Своему Сыну, около Него и вместе с Ним в истории Искупления. Если нужно говорить о главном качестве Девы Марии — то это есть смирение до полного забвения Себя Самой. Личность Божией Матери всегда появляется в *Упражнениях* в свете дела Ее Сына. В молитве Св. Игнатия мы просим Ее приблизить нас к сыну Своему.

3. В СОДРУЖЕСТВЕ

Члены "Христианской жизни" стремятся вместе переживать общий духовный идеал *Упражнений*, и укреплять свое единство им помогает размышление над одним из решающих эпизодов ранней истории ордена. Во время Великого Поста 1539 г. Св. Игнатий со своими тогда еще немногочисленными друзьями, собравшимися из разных стран: французами, испанцами, савойцами, португальцами, перед тем, как расстаться и разойтись в разные стороны для проведения в жизнь общего христианского идеала, задумались, имеет ли смысл сохранить свое содружество, случайно родившееся из их встречи. После усиленной молитвы и

тщательного обсуждения, всецело полагаясь на Господа, они решили сохранить создавшееся единство душ и идеала таким образом, чтобы никакое разделение в пространстве не смогло их разъединить. Им представлялось, что если Господу было угодно собрать их — простых людей, пришедших из разных стран, и крепко связать между собой, то они не должны нарушать Его волю и разрушать единение этой группы, но наоборот продолжать ее укреплять, составляя единое целое. Первые основатели ордена осознали, "что взаимные обязательства и полное согласие между всеми должны обеспечить более обильные духовные плоды, ибо у соединенных сил больше выносливости и энергии для осуществления трудных начинаний, чем у сил разделяющихся и рассеивающихся".

Этот принцип действовать единомысленно, осознавая себя духовным содружеством, члены которого тесно связаны, сохранился и среди членов "Христианской жизни", которые обычно живут в рассеянии. Поле их апостольской деятельности не ограничено особой областью: она распространяется на всю их семейную, профессиональную, гражданскую и церковную жизнь. Они трудятся для Господа вместе с другими людьми в конторах, цехах, на разных предприятиях, а также в общении со своими детьми, соседями. Большинство участвует в различных организациях: в профсоюзах, клубах, партиях, объединениях родителей, в приходах, церковных движениях... В "Христианской жизни" они собираются для того, чтобы помочь друг другу стать в большей степени христианами, каждому на своем месте, чтобы сообща искать "знамения времени", распознавать призывы, ощущать коллективное значение всякой индивидуальной апостольской деятельности.

Они встречаются приблизительно раз в месяц прежде всего для того, чтобы слушать. Слушать Слово Божие, призывы Церкви, выслушивать друг друга. Каждое собрание — это общая молитва и разделяемый со всеми опыт апостольского служения каждого. Отдельные группы по 10 — 15 человек объединены в "Ассоциацию Христианской Жизни", время от времени устраивающую сессии, участники которых в течение нескольких дней проходят курс *Духовных Упражнений* Св. Игнатия.

Так "Христианская жизнь" помогает своим членам жить Евангельским духом в гуще современного мира, в кругу своих человеческих обязанностей

О СОВЕРШЕННОЙ РАДОСТИ

*Как святой Франциск объяснял брату Льву, что такое
совершенная радость*

Однажды в зимнюю пору святой Франциск, идя с братом Львом из Перуджии к Святой Марии Ангельской и сильно страдая от жестокой стужи, окликнул брата Льва, шедшего немного впереди, и сказал так: — Брат Лев, дай Бог, брат Лев, чтобы меньшие братья, в какой бы стране ни находились, подавали великий пример святости и доброе назидание; однако запиши и отметь хорошенько, что не в этом совершенная радость. — Идя дальше, святой Франциск окликнул его вторично: — Брат Лев, пусть бы меньший брат возвращал зрение слепым, исцелял ослабленных, изгонял бесов, возвращал слух глухим, силу ходить — хромым, дар речи — немым, и даже больше сумел бы делать — воскрешать умершего четыре дня тому назад; запиши, что не в этом совершенная радость. — И, пройдя еще немного, святой Франциск громко вскричал: — Брат Лев, если бы меньший брат познал все языки и все науки, и все писания, так что мог бы пророчествовать и раскрывать не только грядущее, но даже тайны совести и души, запиши, что не в этом совершенная радость. — Пройдя еще немного дальше, святой Франциск еще раз восклицает громко: — Брат Лев, овечка Божия, пусть меньший брат говорит языком ангелов и познает движение звезд и свойства растений; и пусть ему откроются все сокровища земные, пусть узнает он свойства птиц и рыб, и всех животных, и людей, и деревьев, и камней, и корней, и вод; запиши, что не в этом совершенная радость. — И, пройдя еще немного, святой Франциск восклицает громко: — Брат Лев, пусть научился бы меньший брат так хорошо проповедовать, что обратил бы в веру Христову всех неверных; запиши, что не в этом совершенная радость. — И, когда он говорил таким образом на протяжении двух миль, брат Лев с великим изумлением спросил его и ска-

зал: — Отец, я прошу тебя во Имя Божие, скажи мне, в чем же совершенная радость. — И святой Франциск ответил ему: — Когда мы придем к Святой Марии Ангельской вот так, промоченные дождем и прохваченные стужей, и запачканные грязью, и измученные голодом, и постучимся в ворота обители, а придет рассерженный привратник и скажет: Кто вы такие ? А мы скажем: Мы двое из ваших братьев; а тот скажет: Вы говорите неправду, вы двое бродяг, вы шляетесь по свету и морочите людей, отнимая милостыню у бедных, убирайтесь вы прочь; и не отворит нам, а заставит нас стоять за воротами под снегом и на дожде, терпя холод и голод, до самой ночи; тогда-то, если мы терпеливо, не возмущаясь и не ропща на него, перенесем эти оскорбления, всю эту ярость и угрозы и помыслим смиренно и с любовью, что этот привратник на самом-то деле знает нас, а что Бог понуждает его говорить против нас, запиши, брат Лев, что тут и есть совершенная радость. И если мы будем продолжать стучаться, и он, разгневанный, выйдет и прогонит нас с ругательствами и пощечинами, словно надоедливых бродяг, говоря: Убирайтесь прочь, гнусные воришки, ступайте в ночлежный дом, потому что здесь для вас нет ни трапезы, ни гостиницы; если мы это перенесем терпеливо и с весельем и добрым чувством любви, запиши, брат Лев, что в этом-то и будет совершенная радость. И если же мы, принуждаемые голодом, и холодом, и близостью ночи, будем стучаться и, обливаясь слезами, будем умолять именем Бога отворить нам и впустить нас, а привратник, еще более возмущенный, скажет: Этакие надоедливые бродяги, я им воздам по заслугам; и выйдет за ворота с узловатой палкой и схватит нас за шлык и швырнет нас на землю и обоьет о нас эту палку; если мы все это перенесем с терпением и радостью, помышляя о муках благословенного Христа, каковые и мы должны переносить ради Него; о, брат Лев, запиши, что в этом будет совершенная радость. А теперь, брат Лев, выслушай заключение. Превыше всех милостей и даров Духа Святого, которые Христос уделил друзьям своим, одно — побеждать себя самого и добровольно, из любви ко Христу переносить муки, обиды, поношения и лишения; ведь из всех других даров Божиих мы ни одним не можем похвалиться, ибо они не наши, но Божии; как говорит апостол: Что у тебя есть, чего ты не получил от Бога ? А если ты все это получил от Бога, то почему же ты похваляешься этим, как будто сам сотворил

это ? Но крестом мук своих и скорбей мы можем похвалиться, потому что они наши, и о том апостол говорит: — Одним только хочу я похвалиться — Крестом Господа нашего Иисуса Христа, Ему же честь и хвала во веки веков. Аминь.

(Из сборника рассказов "Цветочки святого Франциска Ассизского" — « Fioretti », замечательного источника христианской духовности. Первое русское издание вышло в Москве в 1913 г. — в изд. Мусaget. "Цветочки" были переизданы к 750-ой годовщине со дня кончины святого изд. "Жизнь с Богом", Брюссель, 1974 г.).

Чимабуе. Франциск Ассизский (1290).

ПРЕДСТАВИТЕЛИ СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСТВА

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЭММАНУЭЛЯ МУНЬЕ

Эммануэль Мунье скончался 22 марта 1950 г. от сердечного приступа, происшедшего во время сна. Философ (его имя связано с персоналистическими идеями, определением которых он занимался в ряде своих трудов), основатель журнала "Эспри", возглавляемого им в течение 18 лет, он был одним из современных учителей мысли для верующих и неверующих. Он не организовал никакого кружка и не создал никакой партии, но во всех кружках и во всех партиях у него были последователи. Он влиял на поколения 30 - х и 40 - х годов, на приверженцев режима Виши и на участников Сопротивления, на побежденных 40 - го г. и на победителей 45 - го.

Мунье не был приверженцем какой-либо теории: он будил души, воздействуя на людей своей личностью в такой же степени, как и своим творчеством.

Эммануэль Мунье родился 1 апреля 1905 г. в Гренобле в семье аптекаря. Его род происходил из крестьян, чем он очень гордился: "Часто я обращаюсь с признательностью к моим четырем дедушкам и бабушкам, настоящим крестьянам, с землей, прилипшей к обуви, с привычкой вставать в три часа утра, с ломтем колбасы в пальцах... Когда я выхожу из себя от подделок благодати, от преувеличенных слов, от попугайства или удручающей серьезности, я чувствую, что один из моих дедов пробуждается во мне, его здоровье растекается по моим жилам и воздух его полей очищает мне грудь".

Подобно столь близкому ему Пеги, Мунье был интеллигентным крестьянином. Его родители, возлагавшие на сына большие

надежды, хотели сделать его врачом. Из уважения к ним он готовился к экзаменам, тупел от наук, приходил в отчаяние, пока не понял, что избрал не тот путь, и решил заняться философией "в целях апостольства". С 1924 по 1927 гг. он в Гренобле, где учится у Жака Шевалье, который открывает ему жизнь духа. Как Мунье писал впоследствии: "Шевалье поощрял мой порок: читать мало и размышлять глубоко. Таким образом, я в течение трех лет следовал не столько философской науке, сколько свободно избираемым темам внутренней жизни". Он помогает также Шевалье в его трудах, редактирует его курс о Бергсоне, опубликованный в 1926 г., сотрудничает в установлении текста "Рассуждения о Методе" и посвящает ему свою первую статью в "Католической Жизни" (6 апреля 1926 г.).

В 1927 г. Мунье переезжает в Париж, сдает экзамены, пишет докторскую диссертацию.

"В 1927 г. я становился мечтателем", признался он через несколько лет. Столкнуться с жизнью ему пришлось сначала через горе: в 1928 г. он теряет своего лучшего друга, Жоржа Бартеlemi. "Смерть Жоржа вывела меня из некоего блаженного сна. После этих трагических порывов ветра, доносящихся из потустороннего мира, чувствуешь посредственность всего остального. От этого остается какая-то устремленность в душе, которая не слабеет".

"Видишь ли, — пишет он своей сестре, — нам нужно во что бы то ни стало что-то сделать из своей жизни. Не то, что видят и чем восхищаются другие, — нужно то крайнее усилие, которое заключается во внедрении в нее бесконечного".

В то время в душе Мунье происходит настоящее "обращение". Это период напряженных религиозных размышлений: под руководством Отца Пуже, слепого лазариста, с которым его познакомил Жак Гиттон, он изучает Библию, историю религий, великих мистиков. Одно время он подумывает о составлении диссертации об испанских мистиках. В то же время он научается богословскому размышлению и участвует в активном апостольстве, многократно посещая, в департаменте Высоких Альп, Нотр-Дам-Дю-Ло, где вокруг Марии Сильв собираются христианские преподавательницы государственных школ; он читает им лекции на ежегодных съездах, сотрудничает в их изданиях. Там он открывает смысл бедности и необходимость христианского присутствия в мире.

Свой же путь Мунье находит, читая Шарля Пеги: в нем он видит мыслителя, освободившегося от университетских категорий, и христианина, активно включившегося в жизнь своей эпохи.

Мунье открыл Пеги уже в 1925 г., но глубже ознакомился с ним в 1929 г. в "доме Молодежи", которым руководил Жан Даниелу. В кружке, собиравшемся там, родился проект труда, посвященного Пеги. Марсель Пеги предложил Мунье участвовать в этой работе с Жоржем Изаром.

Жан Маритэн предлагает этим трем молодым авторам, опубликовать их книгу в своей серии "Золотой Тростник" и подолгу беседует с ними. "Я думаю, — заключает Мунье после этих бесед, — что Пеги намного лучше видел отблеск Вечного во Временном, чем рассматривал Вечное в нем самом". Именно этот отблеск Вечного в Временном Мунье искал и нашел у Пеги.

В 1930 г. рождается идея основать журнал. Мунье писал Изару: "Человеческое и в особенности католическое обновление нужно связать с тем, что имел в виду Пеги". Для молодых людей речь шла о том, чтобы продолжить дело учителя и в особенности отмежевать христианские ценности от власти денег.

Благодаря Маритэну и Габриэлю Марселю "Эспри" смог приобрести свое бюро в издательстве Декле де Брувер. Мунье заключается соглашением на сотрудничество Маритэна, Марселя, Бердяева (с последним он познакомился на организованных им встречах католиков с православными). С невероятным трудом удается основать журнал «Esprit» ("Эспри", т.е. "Дух") и движение, выразителем которого будет журнал.

"Наша основная задача, — пишет Мунье, — вновь обрести истинное понятие о человеке. Мы согласны в том, что установить его нужно на первенстве духа". Это движение — "Третьей силы" — отвергает обе господствующие силы, т.е. капитализм и марксизм. В первом номере журнала (октябрь 1932 г.) появляется манифест движения, под заглавием: "Заново провести Возрождение".

В докладе Мунье "Пять этапов Эспри" (декабрь 1944 г.), напечатанном в журнале "Бог живой", № 16, объясняется, для чего был создан журнал и почему он получил такой отклик.

"Эспри" родился из многостороннего кризиса, который переживало поколение 1930 года. Экономический кризис 1929 г. ускорил назревавший с начала столетия кризис духовный. Христиане — и в более общем плане все те, кто сводили проблемы лишь к духовному измерению — начали убеждаться в том, что человеческие проблемы имеют экономические и социальные корни и что социалисты сознают человеческие измерения кризиса. Две драмы, разыгрывающиеся в сознании людей, приводят "к встрече на линии своего рода гуманистического социализма". Многие из христиан стали осознавать несправедливость существующего

порядка и неизбежность потрясений и готовы были порвать с тем, что умирает, чтобы обеспечить реальное присутствие Христа в возникающем новом мире.

Но каким будет завтрашний мир? Политические философии — капитализм и марксизм — сталкиваются. Кажется, что экономический кризис поет отходную либерализму 19 века. Марксизм, по крайней мере во Франции, не в состоянии выйти из рамок узкого догматизма, французская коммунистическая партия целиком предана защите советской диктатуры. Молодые социалисты, разочарованные в марксизме, стремятся возродить более глубокую социалистическую традицию, об этом свидетельствует успех национального социализма.

При наличии этого кризиса верующие и неверующие сближаются, привлекаемые друг к другу взаимным интересом и желанием "общего светского дела". Для этих исканий нужен новый орган, которым и становится "Эспри".

1932 — 1934. Доктринальный период

Как в 1944 г. признал Мунье, "Эспри" на своем первом этапе был доктринальным журналом, мало затрагивающим действительность. Сам Мунье не был и никогда не стал человеком действия: по своему темпераменту он предпочитал борьбе размышление, а завоеванию убеждение. Действие отталкивало его своими компромиссами и некрасивыми сторонами. "Действие казалось мне грубым" — говорит Мунье. Для него главное — "обрести истинное понятие о человеке", а после этого — уже дело политиков выяснять, каким образом можно осуществить торжество этого понятия в обществе.

Первая статья Мунье в первом номере "Эспри" представляла собой программу, исповедание веры и исповедь. Люди утомлены и равнодушны. Они не думают больше не о чем, кроме комфорта и легкой жизни. Они больше не ищут, удовлетворяясь тем, что нашли.

В спящем мире Мунье становится, по великолепному выражению Гераклита, "человеком пробуждения". Он вновь утверждает первенство и жизнь духа. "Думать глубоко и думать общественно" — здесь речь идет не об интеллигентской игре, а о духовном действии. "Человек созерцательный и трудящийся" преобразует мир, преобразуя самого себя. Мунье глубоко верит, что идеи формируют историю, и уже в 1932 г. сталкивается со

своим другом Жоржем Изаром, который по своему призванию политика старается главным образом овладеть массами: "Не массы делают историю, — пишет он ему в 1934 г., — а ценности, которые действуют на них, опираясь на непоколебимое меньшинство".

Революция, на которую работает "Эспри", есть прежде всего революция духовная: "Измените сердце вашего сердца, а в мире все то, что оно осуждает". В обществе, члены которого принижены нищетой или развращены богатством, политическое действие необходимо, но оно должно быть подчинено нравственной цели, "духовному расцвету человека".

"Полностью католик и искренний революционер", Мунье проповедует одну единственную политику — "политику святости". Он принимает мирскую ответственность, потому, что он христианин; и потому, что он христианин, он отказывается смешивать какую бы то ни было мирскую ответственность с делом Христа. Дух постоянно призывает мир, но духовное нужно постоянно отделять от мирского из-за ограниченности и нечистоты последнего. В 1932 г. Мунье протестует против греха правых католиков, в 1949 г. по той же причине он отказался присоединиться к христианам-прогрессистам.

Восстановить дух, вопреки тем, которые компрометируют его несправедливым порядком и тем, которые борются с ним во имя материализма — вот высокая задача, которую поставил себе "Эспри".

"Интегральный гуманизм" Жака Маритэна появился в 1936 г., но мысль Мунье, как уже свидетельствуют его первые статьи, привлекают очень близкие темы: защита личности от индивидуальной псевдо-свободы и от коллективного угнетения, примирение духа и материи, восточной мистики и западной логики...

Персоналистические идеи постепенно уточняются и углубляются, но они определены уже с 1932 г. и им остается только придать форму. Последнее становится задачей целой группы людей. Мунье не доктринер, навязывающий определенные идеи, он предлагает темы исканий. Он хочет сделать "Эспри" местом встречи, где верующие и неверующие, объединенные общей любовью к человеку, будут работать вместе, не отрекаясь ни от чего своего. Мунье не старается определить средние позиции, которые могли бы быть приняты и теми и другими: католики должны заявлять себя католиками, а атеисты — атеистами, но они могут сотрудничать, если все они хотят освобождения и расцвета человека. Католики приобретают при этом то преимущество, что они выходят из замкнутого мира, в котором они слишком

часто пребывают. Неверующим же открывается подлинное лицо Церкви.

Одна и та же свобода духа, общие требования, взаимное обогащение — вот что спаивает первый состав сотрудников "Эспри": в него входят люди различных духовных горизонтов. Жак Маритэн и Николай Бердяев сочувственно следят за первыми шагами журнала. В "Эспри" царила атмосфера большой и искренней дружбы, соединявшей юристов и философов, литературоведов и религиозных мыслителей, католиков, протестантов и неверующих. Но бывали и болезненные разрывы. От этого очага исканий отходили те, кто отвергал его пути и те, кто с течением лет находил свой собственный путь. Для Мунье ничего не могло быть тяжелее неодобрения и осуждения со стороны своего старого учителя Жака Шевалье. Однако это было неизбежно. Гренобльский профессор был защитником религиозных и национальных традиций и в попытке "Эспри" увидел бунт. Его коробили статьи об отказе от воинской повинности, о нацистской Германии (своих симпатий к которой он не скрывал). Он стал говорить о "призывах к дезертирству". Ров еще более углубился во время гражданской войны в Испании. Между ними обоими всякие сношения прекратились до 1946 г., когда Шевалье оказался в тюрьме за коллаборационизм. Мунье написал ему: "Теперь, когда вы обратились в ничто..., я за всем, что нас разделило, нахожу опять то, что не может быть сломано ничем — связь, однажды завязанную в верности".

Жак Маритэн вначале поощрял основателей "Эспри", но вскоре почувствовал, что расходится с ними, считая, что они пренебрегают работой теоретического углубления. Мунье это знает и от этого страдает, но идет своим путем — путем мысли, вовлеченной в действие. С другой стороны, люди действия плохо понимали позицию Мунье, упрекая его в том, что он не до конца активно вовлечен в политическое действие. "Эспри" вынужден выйти из состава движения "Третьей силы", которая начинает все более походить на партию старого типа и пренебрегает духовной революцией ради политических целей. Мунье извлекает урок из этого разделения. В своих "записных книжках" он пишет о своих попутчиках: "Их духовное призвание было как бы свечением их политического энтузиазма, но первичен был политический энтузиазм". Выделившись из движения, журнал утверждает себя как "очаг размышлений, технических исканий и творчества". С 1932 по 1934 год он затрагивает все крупные текущие проблемы: коммунизм перед лицом Запада, пролетариат, еврейский вопрос, образование. Наряду с Ж. Маритэном, Н. Бер-

дяевым, А. Филиппом и Дени де Ружмоном, Мунье пишет "Исповедь для нас, христиан", в которой обличает соблазн, который христиане поддерживают в миллионах сердец "своим молчанием и своим лицемерием".

1934 – 1939. Вовлеченность в действие

Выделившись из "Третьей силы", журнал переключается на мировую арену. Мунье отказывается связывать "Эспри" с какой-либо определенной партией, но он знает, что в период, когда мир подвергается ужасным конвульсиям, дело уже не в "очищении" духовного, а в присутствии духовного.

Фашизм утверждает в Европе, нацизм — в Германии, Франция под угрозой, Испания завоевана. Война приближается. Чтобы защитить людей от этой страшной опасности, нужно выйти на арену.

Друзей Мунье привлекает действие, глубокий же смысл действия им беспрестанно напоминает основатель "Эспри": "Оттого что те, которые обладают духовным, потеряли ощущение мирского, не будем терять смысл духовного во вновь обретенном мирском".

Общественная жизнь Мунье представляет собой свидетельство. Она ежеминутно вдохновляется и воссоздается его верой: "Богу, — пишет он в 1939 г., — не тепло и не холодно от материальной стороны наших дел. Он избирает нас вместе с нами".

О том, как Бог действует в нем, Мунье не говорит никогда, даже со своими друзьями. Кое-что из этого случайно проскальзывает у него в письмах, в записных книжках. Глубину этого он открывает в то время, когда его постигает ужасное испытание: в 1939 г. его дочь Франсуаза, в возрасте одного года, заболевает энцефалитом и после этого остается до смерти лишенным рассудка существом. Мунье восходит на эту Голгофу, поддерживает свою жену и умеет принимать все: "Всякое страдание, включенное во Христа, избавляется от отчаяния, даже от своего отталкивающего вида".

Журнал реагирует на все довоенные конвульсии, защищая человеческую личность от всех угроз, откуда бы они ни исходили. Самая большая, хотя и не единственная опасность — со стороны фашизма. После Муссолини — Гитлер. Фашизм представляет реальную силу, но он также приписывает себе обладание истиной и моральными ценностями. Он господствует над

телом и подчиняет себе душу. Против этой узурпации и восстает Мунье в специальном выпуске "О ложных духовных ценностях фашистов" (1 янв., 1934 г.), изобличая развиваемую им двусмысленную мистику: мистику расы, нации, государства, воли к могуществу, анонимной дисциплины вождя. Фашизм подчиняет дух низшим силам, он представляет собой самую опасную, потому что самую лживую, форму материализма.

Что делать против него ? С 1934 по 1939 г. "Эспри" не перестает твердить, что демократии должны реформироваться, если не хотят пасть. Нужны, конечно, политические реформы, но также и социальные преобразования. Журнал старается определить, какой могла бы быть органическая и целостная демократия, которая упразднила бы "несправедливости, поддерживаемые миром денег", и вместе с тем избегла бы искушения тоталитаризмом.

Резко противостоя капитализму, "Эспри" столь же резко противостоит и марксизму. И тем не менее журнал вскоре обвиняется в коммунизме. Мунье отвечает, что "Эспри" как по своей программе, так и по направленности антикоммунистичен, но для борьбы с коммунизмом надо не отдаваться ненависти, а готовить взамен его решений иные. Журнал стремится быть цехом для изысканий, показывающим тем, кто прельстился марксистской идеологией, что духовное может сочетаться с действенным включением в социальную сферу. Франция в то время находится в состоянии кризиса: за фашистской угрозой 6 февраля 1934 г. следует коммунистическая угроза 9 февраля. Через два года объединенные левые силы берут верх, и Народный фронт в течение двух лет управляет страной. "Эспри" сочувствует новому движению, однако и оно не оправдывает его надежд.

Но сколько бы разочарований ни приносила борьба, Мунье от нее не отказывается: "Само существование "Эспри" связано с нашей волей осуществлять действенное присутствие в исторической актуальности". Перед лицом внутреннего кризиса и угрозы войны он даже задает себе вопрос, не следует ли углубиться в собственно политическую деятельность, но как раз в этот период вспыхнула война.

1939 – 1944. Сохранить журнал

С начала войны Мунье идет в армию и после поражения попадает в плен, из которого, однако, скоро освобождается и по возвращении пытается возобновить издание "Эспри". Его друзья

не поддерживают эту идею: половина Франции оккупирована, другая половина находится в руках людей, враждебных демократическим свободам. Что станет делать "Эспри" ? Не придется ли ему склоняться перед победителем ?

Мунье считает, что недопустимо жить сожалением о прошлом или мечтой о будущем, даже не пытаясь воздействовать на новое положение вещей. Он решает принять Вишийский режим, чтобы изменить его изнутри. Эта установка политически ошибочна: он не считается с тем, что Вишийского режима не существует и что вся сила у победителя. Но в этом нет ни малейшей измены общему идеалу. Мунье не виновен ни в какой снисходительности к нацизму, он — вопреки нацизму — предпринимает попытку "осуществить подпольное духовное вооружение". Он обращается к двадцатилетней молодежи, которая под влиянием реакции против павшего режима оказывается перед опасностью соблазниться фашизмом, и вырабатывает новую программу для движения молодежи — персонализм. Эта философия, по его мнению, подходит новому поколению, отталкивающемуся от индивидуализма и привлекаемому общинной жизнью.

Разочарование вишистским правительством способствует антифашистской активизации "Эспри". Журнал постоянно прибегает к "технике намеков". Но это не может долго продолжаться, — в августе 1941 г. "Эспри" запрещен. Мунье связывается с движением Сопротивления, в январе 1942 г. его арестовывают. С января по апрель он находится в заключении в тюрьме в Клермон-Ферране, где ведется следствие по его делу. Затем его временно освобождают, но с применением к нему административной меры: он противозаконно интернирован в гостинице в Вальс-ле-Бен.

Из протеста против этой незаконной меры он решает 19 июня начать голодовку и держит ее до 30 июня. Вишиское правительство сдается: в ожидании процесса его перевозят в Лион.

В "Дневнике хрупкого акта" Мунье пространно объясняет свое поведение: он предпринял голодовку как протест во имя справедливости. Дело не в его личной судьбе, а в самом понятии власти, в определенном философском подходе к человеку. В течение этих двенадцати дней, Мунье взвешивает свое поведение и приходит к заключению, что нельзя жить, не подвергаясь риску: "Все эти истории насчет обязанностей перед своей жизнью, своим здоровьем, своей семьей, — не напеваю ли я их себе самому по слабости ? В конце концов бывают моменты, когда и христианин должен уметь умереть добровольно".

Этот "хрупкий" странный акт вызвал раздражение у неко-

торых из друзей Мунье: какой смысл свидетельствовать за справедливость перед таким режимом, который убивает и отправляет в лагеря миллионы людей ? Однако, в момент, когда кажется, что грубая сила торжествует, это представляет собой знание духа.

Пробыв некоторое время в госпитале в Обенасе, Мунье переведен в тюрьму в Лион; за ним признается, наконец, статус политического заключенного. Процесс "Комба" открывается 19 октября. Приговор выносится 30-го: против Мунье не удалось собрать достаточно улик и он освобожден.

Он поселяется в Дьелефи в департаменте Дром. В этой маленькой горной деревне с ним встречаются писатели Андрэ Виоллис, Андрэ Руссо, Пьер Эммануэль, Арагон, Эльза Триолэ и др. Он много работает, заканчивает "Трактат о характере", подготовленный им в тюрьме, пишет "Христианское противостояние". Для него это период философского и духовного углубления, которое будет поддерживать его в будущих конфликтах.

1944 – 1950. Спасти революцию

После освобождения Франции в результате невероятных усилий Мунье выход "Эспри" возобновляется на шесть месяцев раньше всех остальных журналов. В первом номере (декабрь 1944 г.) редактор начинает с подведения итогов: "Эспри" не продолжается, но должен быть создан заново". Для Франции начинается революционный период: Мунье разделяет надежды и иллюзии участников Сопротивления, верящих, что испытание глубоко изменило страну, и он хочет участвовать в построении этого нового мира: "В революционный период, больше чем в какой-либо другой, духовное и политическое неизбежно идут рука об руку". "Революционеры готовы взяться за дело", — пишет он в 1944 г. Поэтому роль "Эспри" заключается в том, чтобы "выявить революционную ценность духовных начал" и вместе с тем "спасти революцию от бесчеловечных искушений".

Мунье не перестает бороться на всех фронтах — нет такой проблемы, которой бы он не затрагивал. В последние годы сильным искушением становится коммунизм, против которого трудно устоять и некоторым из друзей Мунье. Последний обдумывает вопрос об установлении диалога с коммунистической партией. По его мнению такой диалог желателен с человеческой и духовной точки зрения и необходим политически, но он не должен при-

водить к смешению. Своим внутренним чувством Мунье отталкивался от коммунизма, сковывающего личность и противостоящего его мировоззрению. В 1949 г. он защищает декрет Ватикана, запрещающий католикам выступать совместно с коммунистами. Эта его позиция вызвала критику христиан-прогрессистов.

Коммунизм выдает себя за абсолют — в этом его сила, в этом же и его ложь. В политике нет абсолюта, "все человеческое имеет теневую сторону, и оно только этим реально, живо и воплощено". "Нет рая на земле", есть люди, работающие для того, чтобы вновь обрести потерянный рай. Мунье это и делал всю свою жизнь.

После смерти Мунье "Эспри" продолжает жить. Журналом последовательно руководили Альбер Беган и Жан-Мари Доменак. У него столько же читателей, сколько было при Мунье, и столько же подписчиков.

Дело пережило своего основателя благодаря тому, что сохранило на себе его отпечаток, но уже не светит так ярко, потому что его больше нет в живых.

Мунье был не вождем, а вожатым: обуреваемому страстями человечеству он говорил о требованиях духа, а католикам, затворившимся в своем "гетто", напоминал, что такое истинная свобода христианина. Он был учителем, хотя и не предлагал готовых решений и не увлекал людей на им определенный путь. Всю свою жизнь он оставался человеком с чистыми руками, взыскательным к своим друзьям и справедливым к своим врагам.

Значение Мунье трудно переоценить: персонализм превратился в удобный лозунг, но и теперь еще вдохновляет протесты против всех видов угнетения.

Приводим краткий список произведений Мунье:

La pensée de Charles Péguy, Paris, 1931;
De la propriété capitaliste à la propriété humaine, Paris, 1936;
Manifeste au service du personnalisme, Paris, 1936;
L'affrontement chrétien, Neuchâtel, 1944;
Traité du caractère, Paris, 1946;
Introduction aux existentialismes, Neuchâtel, 1947;
Carnets de route, t. 1-2, Paris, 1950-51;
Personnalisme, 4 ed., Milano, 1955;
Oeuvres, t. 1-3, Paris, 1961-62.

В 1956 г. в парижском изд. «Seuil» вышла книга Жана Кониль (Jean Conilh, «*Emmanuel Mounier; Mounier et sa génération; Lettres, Carnets et Inédits*»), содержащая письма, записные книжки и неизданные материалы, несколько отрывков из которых мы приводим.

* * *

Отрывок из письма Мунье жене, написанного в те дни, когда, вскоре после его мобилизации, он получил сообщение о неизлечимой болезни их малолетней дочери:

"Какой смысл имело бы все это, если бы наша маленькая девочка была бы просто куском плоти, неизвестно где испорченным, ростком жизни, с которым произошел несчастный случай, а не маленькой белой остией (жертвой — по аналогии с остией, служащей в лат. обряде для Евхаристического жертвоприношения, — прим. пер.), для всех нас таинственной, свидетельством о безграничной тайне и любви, которая ослепила бы нас, если бы нам дано было ее увидеть лицом к лицу? Если бы каждый новый удар не вел бы к новому подъему и не являлся бы новым проявлением любви, открывающимся нам, когда наше сердце начинает привыкать, сжившись уже с предыдущим ударом. Слышишь жалобный и умоляющий, слабый голос всех детей-мучеников в мире, их сожаление о том, что они потеряли свое детство во многомиллионной толпе. Они просят нас, как просят милостыню на краю дороги: "У вас ведь живет в сердце любовь и ваши руки полны света. Принесите еще это в дар за нас". Если бы мы только страдали и пассивно переносили житейские невзгоды, то мы не выдержали бы такого испытания и не исполнили бы своего назначения. Не будем думать с утра до вечера об этом горе, как о чем-то, что у нас отнимают, иначе мы не исполним нашей миссии по отношению к этому меньшему члену Христа, находящемуся среди нас, оставив его одного действовать со Христом..."

* * *

"Мое единственное правило: жить, постоянно ощущая присутствие Божие. Этого достаточно, чтобы преодолеть гордость".
"Но пусть каждый ищет Бога, согласно своим способностям и возможностям".

* * *

"Бергсон сказал об искусстве, что оно — девственный способ думать и действовать. Подобно этому следует поддерживать в себе пламя, освещающее и согревающее нашу внутреннюю жизнь, журчащий ручеек, дающий ей свежесть, чистоту, непосредственность (...) Одним словом, всегда творить — в себя и вне себя — в этом секрет непреходящей юности. Она тогда развивается с годами, которые ее все более обогащают. Так доходишь до порога в 87 лет с чистой душой... как отец Пуже или лорд Галифакс".

Эммануэль Мунье.

Photo Esprit

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ БОГ ?

Интервью профессора электротехники католического Лувенского Университета Люсьена Моррена, переданное по бельгийскому радио 5 февраля с.г.

Герар Вале (представитель бельгийского радио) — Как может человек науки в наши дни верить в Бога ?

Л. Моррен — Во первых надо признать, что существуют различные методы познания, различные способы приближения к истине. Подход веры отличается от подхода науки. Истину веры нельзя доказать как теорему. Подход к истине веры требует, чтобы мы вновь обрели — если ее потеряли — способность познавать с помощью знаков. Заметьте себе, что научное знание может подготовить к принятию веры, ибо знак играет роль в научном открытии, являясь как бы указателем. Открытие, изобретение, по всей вероятности, более индуктивно, чем дедуктивно. Однако, надо принять во внимание и различие: знак научный и знак религиозный не принадлежат к одному и тому же плану. Знак всегда соединяет определенный факт с определенным смыслом. Если речь идет о религиозном знаке, факт принадлежит к миру видимых явлений, а смысл трансцендентен, тогда как в научном знаке факт и его значение принадлежат одному и тому же плану. Я сразу должен уточнить, что если я говорю о знаках, то это означает, что я не пришел к вере в Бога на основании чисто философских рассуждений.

Г. В. — Почему, по Вашему мнению, Бога, Который существует для всех, так трудно найти ? Почему нужно это подобие игры в прятки ?

Л. М. — Все могут найти Его без труда. Я думаю, что есть чистые души, которым Бог открывается непосредственно, когда они

читают Евангелие. Что же касается меня, я не пришел к убеждению о существовании Бога с помощью философских рассуждений — которые я совсем не отвергаю, наоборот, отношусь к ним с уважением — потому, что они мало говорят человеку научной формации. Они развиваются в сфере абстрактных понятий, и не проникают экзистенциально в сознание того, чья специальность — точные науки. Если я признаю Бога, то только через посредство Христа и, следовательно, как христианин. Христос же именно и является великим знаком — знамением Божиим.

Г. В. — Но ведь все религии имеют более или менее аналогичные знаки.

Л. М. — На первый взгляд есть сходства и я, конечно, не отрицаю ценности других религий. Однако, я думаю, что христианству присущи совершенно особые отличительные черты и что, применяя научную терминологию, нельзя найти эквивалента Иисусу Христу в какой-нибудь другой религии.

Г. В. — Но почему Ваш подход не получает всеобщего признания, почему все люди науки не соглашаются с Вашими выводами ?

Л. М. — О, причин много. Во-первых, я не отрицаю, наоборот, сам ощущаю, что науке свойственна склонность к материализму. Она порождается на мой взгляд двумя особенностями научной деятельности как таковой: ее тенденцией к редукции и к всеохватывающему объяснению реальности. И мне кажется, что наилучшей иллюстрацией этой двойной тенденции служит наделавшая много шума 3-4 года тому назад книга Жака Моно "Случай и необходимость", в которой эти тенденции доведены до крайности; те, кто читали эту книгу, меня поймут. Книга эта имела такой успех, мне кажется, потому что она выразила собой склонность, часто наблюдаемую у людей науки.

Г. В. — Мне кажется, что массы людей беспокоит не столько вопрос о самом существовании Бога — в самые трудные минуты жизни все могут быть теистами — а вопрос: Если Бог существует, что это меняет в моей жизни ? Есть ли будущая жизнь ? Если ее нет, а Бог существует, то какой смысл Его существования для нас ?

Л. М. — Но ведь идея вечной жизни и идея Бога тесно связаны в благовестии Иисуса Христа. Я верую в будущую жизнь, потому что я доверяю Христу, Которого я открыл в Евангелии. Он принес мне весть о том, что Бог — наш Отец и что Он любит нас, а Своим Воскресением Он открыл нам путь к совершенно иной жизни — к вечности — которую мы не можем себе представить. Во всяком случае мы теперь знаем, что не смерти принадлежит последнее слово. Скажу еще в связи с этим, что вера в первую очередь есть доверие. Бог философов может быть интересен — я этого не отрицаю — но уже Паскаль установил различие между Богом философов и Богом Авраама, Исаака, Иакова и Иисуса Христа. Я не говорю, что этот Бог не включает Бога философов, но Он Его безусловно превосходит: Бог философов не мог бы нам открыть, что Имя Бога — Любовь.

Г. В. — Но как этот Бог может допустить трагедию человеческого существования, бессмысленного страдания стольких невинных жертв ?

Л. М. — Вы касаетесь самой трудной проблемы — существования зла. И здесь, обращаясь к Иисусу Христу, я вижу, что Он не объяснил нам зло, но пришел спасти нас от него. Ясно, что это остается загадкой, камнем преткновения для нас. Однако, если мы отказываемся от Бога, мы вынуждены поставить на Его место абсурд. В конце концов это выбор между смыслом и бессмыслицей. И можно даже убедиться в том, что без греха, бывшего причиной смерти Христа (ибо грех для нас реальность), мы не узнали бы, что любовь Божия беспредельна. Я не утверждаю, что этим все разрешается. Я вижу, вопреки этим трудностям, знаки, побуждающие меня принять учение Иисуса Христа и, приняв его, я доверяю Христу и в тех случаях, когда чего-нибудь не понимаю.

Г. В. — Но если Вы видите знаки, которые не всякому легко заметить, то не обязаны ли Вы о них оповещать ? Каковы эти знаки ?

Л. М. — Знаки эти весьма различны — многое зависит от склада ума человека, от его образования и культуры, от психологических особенностей. Вне всякого сомнения, для всех христиан основной Знак — Иисус Христос. Но не Он один. Есть и другие знаки, но они группируются вокруг Него, тяготеют к Нему. Некоторые чистые души прямо видят в Евангелии отражение не-

бесного, трансцендентного. Другие, можно сказать, более требовательны. Им нужна дополнительная опора. Но, несмотря ни на что, евангельское благовестие открывает нам удивительные вещи, на которых видимым образом лежит печать Божия. Я думаю сейчас о недавно прочитанной книге, которая произвела на меня сильное впечатление. Она называется "Смирение Божие" и написана французским священником о. Варийон. Он убедительно показывает, что человеческое воображение никак не могло представить себе смиренного Бога. Это Его свойство мы узнаем благодаря Откровению. Этот необыкновенный признак трансцендентности проявляется в Христе и связан с любовью. Любовь предполагает смирение, ибо гордый не может любить по-настоящему, — он хочет властвовать. Дух Христов совершенно иной. Есть и другие знаки, и все они конвергируют. Я очень настаиваю на понятии конвергенции, так как, когда надо дать отчет о своей вере, приходится расчленять знаки, отделять один от другого и тогда они представляются изолированными. Но не надо терять из виду, что в сознании все это конвергирует, связывается и представляет тогда исключительную силу. И надо отдать себе отчет в том, что в жизни Церкви никогда не было недостатка в знаках присутствия трансцендентного. Интерес их именно в том, что они "сигнализируют", всегда направляют нас к Иисусу Христу. Однако эти знаки не всегда воспринимаются всеми. Они бледнеют под действием шумов современного мира, ибо они тоже смиренны, но для тех, кому дана благодать их открыть, они сохраняют поразительную яркость.

Г. В. — Почему только некоторые — "избранные" различают знаки, а другие нет ?

Л. М. — Здесь Вы ставите проблему, превышающую человеческие возможности, это тайна Божия. Бог все дает даром. Приведу слова моего друга, коллеги по Лувену, который говорил: "Богословие является христианским, поскольку оно — богословие безвозмездности". И поэтому не спрашивайте меня, почему некоторые избираются, чтобы быть носителями благой вести. Во всяком случае, по-моему это совершенно не означает, что участь неверующих или не выражающих свою веру будет плачевна, ибо Бог будет судить нас по нашему отношению к ближнему. Почему выбор пал на апостолов, а не на других ? Повторяю — это тайна Бога. Но, если Христос вас "настиг" (ср. Флп 3. 12), тогда вы ощущаете потребность говорить о Нем, стремиться, хотя это всегда трудно, жить с Ним и быть свидетелем.

Г. В. — Еще недавно говорили о "смерти Бога". Я не знаю, что под этим подразумевалось, но не значит ли это, что влияние Бога в мире стало более ограниченным ?

Л. М. — Если Бог умер, то человек тоже умер. Эти выражения чрезвычайно двусмысленны. Но в наши дни много разных течений. Что касается течения, утверждающего смерть Бога, о нем сейчас говорят гораздо меньше, чем 5-6 лет тому назад, ибо мода такого рода быстро проходит. Точнее сказать, что мир обходится без Бога. Современная секуляризация представляется мне гораздо более забвением Бога, чем Его отрицанием.

Евангельское благовестие представляется мне исключительно актуальным потому, что без любви людей друг ко другу, к которой оно нас призывает с такой силой и так универсально, без жертвенности, могущей идти гораздо дальше благоразумия, наш мир, даже если он будет наилучшим образом организован, превращен в совершенную машину, справедливо распределяющую материальные блага, станет все более походить на гигантский организм, порождающий стадо, неспособное мыслить свободно, своего рода совершенное чудовище, распространяющее сладковатый запах стерилизующего антисептического средства.

Не будем отвергать современный мир, замечательный, несмотря на головокружение и беспокойство, которые могут возникнуть при лицезрении его. Эта машина в наших руках. Нам предстоит урегулировать ее, чтобы избежать катастрофы, которую она может произвести, или холодной монотонности слишком программированной и асептической жизни. Но нам необходимо много находчивости, чтобы управлять машиной, много любви и умения превзойти себя, чтобы сделать ее человеческой. Между тюрьмой и раем лежит бесконечность любви.

Луи Лепринс-Ринге

ДУХОВНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ТЕМЫ ДЛЯ МЕДИТАЦИЙ

1. Вера

Вера есть акт свободы, акт глубочайшего и сокровенного "я" личности. Никто не может заставить меня верить или не верить. Вера есть акт открытости по отношению к другому. Можно верить — доверять *Личности*, а не абстрактной истине. Поэтому вера есть отношение личности к личности. Это внутренняя способность одной личности свободно принимать внутреннее и сокровенное от другой. В вере видимое, внешнее, осязаемое отходит на второй план. Я верю в невидимое, доверяю тому, что мне говорит другой. Вера реализует творческую потенцию моей личности, которая верит утверждению внутренней силы другой личности, которой я верю. Верить другому — значит признавать его неотъемлемую суверенность.

Верить в слово другого. — Принимая от другого весть о Боге, я принимаю слово Божие, ибо Бог приходит ко мне через других. Бог открывается человеку через Богочеловека — Иисуса Христа, а Христос впервые открывается людям через человека — Иоанна Крестителя (Ин 1. 1-34). Если я не могу верить слову другого, я не могу верить слову Божию.

Мы не можем верить в одиночку. Каждый принимает веру в общине, в союзе верных, верующих, совместно слушающих *Слово*. Вера передается. Ею нельзя обладать единолично, она тает и исчезает, когда я ее закрываю, сохраняю в себе; она растет и умножается, когда я ее раздаю, разделяю между близкими. Чем больше я даю мою веру другим, тем более она возрастает во мне.

Деян. гл. 3. 1-11. — Петр и Иоанн идут в храм в девятый час. Первые христиане не ушли из храма, от веры всего народа. Вера, изолированная от жизни своего народа, от его проблем, может стать бесплодной.

Вера Церкви сегодня. — Через все Евангелие проходит одна мысль: вера Иисуса и апостолов есть вера пророков и закона, вера всего Израильского народа, очищенная и достигшая совершенства. Их вера не отрицание, а *вершина* религиозной и социальной жизни народа; в своей вере они не отделяются, а наиболее глубоким образом соединяются со всем историческим Израилем, с его упованием и надеждой.

Церковь *верит* в единении с людьми *сегодняшнего дня*, живет их проблемами, надеждами и страданиями, не отрицая их и не удаляясь от них, а очищая и совершенствуя.

Ягве проходит мимо Моисея, сокрыв Свое Лице (Исх 33. 18-22). Искать Бога в своей жизни, в событиях, в которых Он является, сокрыв от нас Свое Лице. Каждый вечер размышлять: какова была моя встреча с Богом сегодня, в чем она заключалась и благодарить за нее.

Действенность слова Божия. — Бог сказал, и все начало быть. Абсолютная сила Его слова: Бытие, гл. 1-2; Ис. 55. 10-11; Прем. 9. (Молитва Соломона) Евр. 1. 1-3. Он все держит словом силы Своей. Слову Иисуса повинуются стихии, духи, природа.

Беседа с Никодимом. Ин. 3. — Грех Никодима, причина его слепоты — его самоудовлетворенность. Иисус требует: переродись, прими новое рождение свыше, смирись, чтобы вновь родиться, ибо всякое рождение — дар Бога.

2. Молитва

Молитва — связь с Богом, беседа с Ним. Я восхожу из себя к Богу не для того, чтобы оставить себя, но чтобы принести себя Ему в молитве во всей полноте и сложности, ибо Богу дорого все во мне: мы — дети Божии, усыновленные Им. Молитва не отречение от себя, а отдача себя Богу.

Евангельский рассказ о Марфе и Марии может быть понят не только как противопоставление жизни деятельной и созерцательной, но как отражение состояний души, пребывающей то в суете, то в слушании Слова Божия. Ибо можно быть суетливым даже в молитве и можно сохранять самообладание и внутренний мир в жизни активной; сохранять созерцание в действии. Мо-

литва есть собранность души, приносимой Богу. Молитва — не только наше приношение Богу, но и Его дар нам, "ибо мы не знаем, о чем молиться как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными" (Рим 8. 26), потому что мы "приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче" (Рим 8. 15). Не мы приносим в молитве свою любовь Богу, но возвращаем Ему любовь, полученную от Него. Петр не говорит Христу, что он Его любит, а говорит: "Ты знаешь, что я люблю Тебя" (Ин 21. 15). Ибо он знает свою слабость, его отречение показало ему, что без помощи Бога, без дара свыше, он не может сохранить веру и верность.

Молитва есть принятие молитвы Бога в нас, принятие инициативы, идущей от Него. Подлинная молитва — это молитва сознающего себя бедным, ничего не имеющим. "Блаженны нищие духом". Это молитва мытаря, а не фарисея. Молитва — беседа с Богом живым ("Авраам, где ты? — Вот я, Господи"), Богом, сказавшим Моисею: "Я буду с тобой", и всем: "Вот Я с вами во все дни до скончания века" (Матф 28. 20).

Поэтому молитва не абстрактна, она — о хлебе насущном. Я приношу Богу все мелочи моей жизни и этим — делаю их значительными, ценными для вечности.

История Израиля, маленького племени, ничем не отличается от истории других народов, и более великих, кроме одного — она творилась пред Лицом Божиим. Бог присутствовал в ней, и народ приносил ее Богу. Это сделало ее великой и священной. Наша повседневная жизнь может уподобиться жизни ветхозаветных праведников, если мы будем постоянно пребывать пред Лицом Божиим. Молитва — разговор с Другим; в ней доминирует *внимание и почитание*. "Преклоним колена сердца нашего". "Господи, научи меня молиться". Войти в молитву — значит сосредоточиться в присутствии Бога живого. Нужно персонализировать нашу молитву. Именно я обращаюсь к Богу. Это не просьба вообще, а моя просьба к Нему. Наша связь уникальна, неповторима. Надо искать то, что более всего помогает мне приблизиться к Богу.

Сон Иакова (Быт 28. 10-20). — а) Иаков в пустыне. Пустыня в Библии символизирует чужбину, языческую страну, где Бог не обитает. Иаков засыпает в одиночестве. — б) Лестница, восходящая к престолу Ягве. По ней восходят и нисходят ангелы. Согласно толкованию Отцов этим символизируется Провидение Божие. Оно всегда с человеком и иногда ближе всего к нему, когда человек этого не чувствует. Иаков пассивен — он спит. А Бог активен — Он склоняется над спящим, как мать над своим

ребенком. "Я с тобой и сохраню тебя повсюду, куда ни пойдешь". Наша молитва связана с местом, храмом, временем. Но Бог везде, Он находится и там, где Его совсем не ждут.

Изгнание торгующих из храма. — Начало служения Богу — очищение храма. Встать на путь служения, размыслить, что в моей жизни есть храм Божий, в каком занятии, деле я служу Ему. Не примешивается ли к моему служению корысть?

3. Покаяние

Таинство — акт, событие, хотя и невидимое для глаз. В этом событии я приглашен участвовать. Оно подобно приглашению к празднику, в котором инициатива исходит не от меня, а от Другого. "Приходите ко Мне, не изгоню вас" (Ин 6. 37). Оказываемое мне гостеприимство безгранично.

Таинство примирения. — Человек разделен с Богом грехом, разделен в себе, разделен с другими. Он пребывает в состоянии раздробленности. Его сознание лишено целостности. Сам я не могу разрешить противоречия в самом себе, противоречия с другими. Единство возможно только во Христе через Церковь.

Христос — Примиритель, в Нем мы примирились с Отцом; в Нем примирились евреи и язычники, ибо в Себе Он соединил тех и других (Ефес 2. 14-17). От Него я принимаю мир: "Мир Мой даю вам". Евангелие есть благая весть о примирении.

Таинство — акт социальный. Я не один в своей изолированности, но с другими и через других, т.е. всегда в Церкви.

Церковь святая. — Она не безгрешна само по себе, но живет, постоянно примиряясь с Богом и освящаясь Им. Пребывая в покаянии и молитве, она освящается и освящает нас.

Покаяние и бодрствование. — Это признание своей бедности. Не случайно первая заповедь блаженства гласит: "Блаженны нищие духом". Мы бедны добродетелями и как нищие должны всегда благодарить за благодать, которую Он постоянно дает. Нужно иметь открытое сердце просящего, чтобы принять Его прощение. Прощение предшествует моей просьбе, но оно может быть даровано только тому, кто смирится в своей нищете и воззовет ко Господу. Просить прощения у Бога, постоянно бодрствовать в ожидании Его посещения (Мф 25. 13). Бог требует от нас внимания к нашему личному духовному сокровищу. Моя вина перед Богом может заключаться не только в нарушении заповедей, данных всем, но и в пренебрежительном отношении к своим талан-

там. Бог любит каждого из нас как личность и требует, чтобы мы как можно полнее развивали ее.

4. Три стадии духовного делания

а) *Расположение*. — Мы не знаем, как расположен наш внутренний человек, слишком много суеты и внешних дел загораживают его от нас. Надо дать ему возможность высказаться. Для этого нужно время, посвященное размышлению, молитве, в спокойствии и отрешенности от всех повседневных дел, чтобы пыль сердца осела на дно и обнаружилась сфера нашей внутренней свободы.

б) *Желание*. — В состоянии внутренней свободы и спокойствия можно вопрошать себя: *каково подлинное желание сердца?* Особенно стремиться к какой-нибудь заповеди блаженства (наиболее близкой своему характеру).

В Евангелии Иисус принимает людей *желания*, вопиющих к Нему, *которым Он необходим* — больных, слепых, прокаженных, одержимых. Просить у Бога, чтобы Он определил в нас наше желание, уточнил его, направил. Просить мудрости (Иак 1.5). Соизмерять свое с Божиим и уподоблять свое Божьему.

в) *Решение*. — Решение должно фиксировать то, к чему человек пришел во время спокойного размышления, в соответствии со своим *подлинным внутренним желанием*. Ясность и определенность в слове. "Да будет ваше "да" — "да", ваше "нет" — "нет". Надо уметь твердо сказать свое "да" Богу. Во Христе мы утверждаем наше "да" — "аминь" — Богу.

Но это "да" относится и ко мне. "Да" тому, что я есть, своей человеческой ситуации с ее возможностями, границами и обязательствами, тому, что *обо мне* замыслил Бог. Сила Божия совершается в немощи. Не отказываться от своей немощи и не отчаиваться, но искать, как претворить свою немощь в силу Бога, Который изначально знал, каков я (Пс 138). Я должен принять свое место в мире, в жизни и судьбе других.

Есть время расположения и размышления. Но есть решимость и нерешительность. "Человек с двоящимися мыслями не тверд на всех путях своих". В то же время твердость необходимо сочетать с покорностью воле Божией, со способностью смиренно принимать испытания, посылаемые нам Богом.

КОРПУС ХРИСТИАНСКИХ ЛИТУРГИЙ НА МИКРОФИШКАХ

Издаваемый обществом СИПОЛ

(международным центром экуменических изданий литургий)

CIPOL. Un corpus des liturgies chrétiennes sur microfiches.

(4, Avenue Vavin, 75006 Paris).

В ЧЕМ ЦЕННОСТЬ МИКРОФИШЕК ?

Христианские литургические источники часто являются памятниками первостепенного значения не только для истории христианского культа различных Церквей, но и для истории музыки, живописи, общей истории культуры, древней и современной лингвистики.

Доступные издания этих памятников немногочисленны, обыкновенно дороги, редко собраны в одной и той же библиотеке. Вследствие этого микрофишка представляет собой в данной области, как и в других областях научного исследования, особенно ценное рабочее орудие, более экономичное, чем факсимиле, удобное для пользования и классификации, применимое к методам информатики. Многие университетские библиотеки, научные центры и исследователи широко пользуются микрофишками, либо применяя этот метод к целой секции уже существующей библиотеки, либо полагая их в основу новой библиотеки.

СИПОЛ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРУППА УЧЕНЫХ

Чтобы облегчить свою работу и исследования в области смежных дисциплин, группа литургистов различных Церквей решила создать для своего пользования и для научных центров и библиотек, которые пожелают к ней присоединиться, корпус литургических источников. С этой целью вышеуказанная группа основала в 1971 году в ПАРИЖЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ЭКУМЕНИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ЛИТУРГИЙ (СИПОЛ) – научное общество, не преследующее коммерческих целей. В комитете, его основавшем, заседают директора трех католических литургических институтов – Парижа, Рима (Сант Ансельмо) и Трира – Каслика в Ливане (Маронитская Церковь), представители православных Патриархов (Константинопольского и Московского) и греческой Церкви, представитель литургической комиссии англиканской Церкви, представители Мировой Лютеранской и Мировой Реформатской Федерации. Они обеспечивают связь между СИПОЛ и разными христианскими коллективами.

Деятельность центра СИПОЛ пользуется официальной поддержкой со стороны высших властей всех христианских Церквей. Центр может рассчитывать и на научное сотрудничество многих литургистов, рабочие группы которых создаются в разных странах.

ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ГРУППЕ участвуют с целью собирания католических источников: О. Хесберт для "антифонариев" и "бrevиариев", О. Молен для требников, О. Этекс (проф. Лионских Католических Факультетов) для "гомиляриев", О. Амиет для лионского обряда. В более общем плане сотрудничают Гг. Хюгло (сотр. Института исследования и истории текстов), Лабар и Везен (сотр. Национальной Библиотеки) и монахи Солемского Аббатства.

ИТАЛЬЯНСКОЙ ГРУППОЙ руководит О. Триакка (Папский Литургический Институт), и в нее входят специалисты из разных районов Италии. Кроме того, научный персонал Священной Конгрегации по богослужебным делам взял на себя подготовку посттридентинских римских литургических книг и богослужебных текстов на местных языках, опубликованных со времени второго Ватиканского собора. Профессора Папского Восточного

Института вносят ценный вклад в отдел СИПОЛ, посвященный восточным литургиям.

Председатель ИСПАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ — монсieur Вивес, директор Института Балмес в Барселоне; члены ее: Отцы Оливар, Пинел (для изучения испанской литургии), Ханини, Грос и Гг. Диаз И Диаз (проф. Сантьягского университета), Мундо и Одриосола.

Членами МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ШВЕЙЦАРСКОЙ ГРУППЫ являются монс. Хенги, епископ Базельский и Отцы Фон Аркс, Гюот и Гг. Альденховен, Фон Алмен, Бонжур, Женни, Мейлан, Рордорф, де Ваттевиль. О. Баумгартнер сотрудничает с этой группой для перевода латино-американских богослужебных книг.

НЕМЕЦКАЯ ГРУППА создается вокруг О. Фиала (Берон), проф. Б. Фишера (Трир), Ленгелинга (Мюнстер), О. Хойслинга (Мария Лаах) и Г. Бекера (Мюнхен).

СКАНДИНАВСКАЯ ГРУППА состоит, в частности, из Др. Гада (сотрудника Королевской Библиотеки Копенгагена), Р. Ионсона (проф. Стокгольмского Университета), Б. Стромберга, М. Оттосена и О. Расмуссена (проф. Охюсского Университета).

Помимо этих групп и тех, которые организуются членами комитета СИПОЛ в разных странах, сотрудничество обеспечено и научные связи установлены в ряде стран Западной и Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Америки.

ФОРМАТ И СОДЕРЖАНИЕ МИКРОФИШЕК

Каждый памятник воспроизведен на надлежащем числе нормализованных микрофишек формата 105 на 148, чаще всего по 30 кадров (60 стр.) на каждую. Первая микрофишка содержит полные библиографические данные каждого документа. Когда для какого-либо документа необходимы несколько микрофишек, вторая и следующие содержат только сокращенные справки.

ОБЩИЙ ПЛАН

Корпус разделен на четыре отдела:

1. Восточные литургии

2. Католические литургии латинского обряда
3. По-реформаторские литургии
4. Вспомогательные документы

К трем первым отделам, составляющим Корпус как таковой, прибавлен четвертый, содержащий разные вспомогательные документы (*subsidia*), полезные для литургических исследований, в частности — неизданные докторские диссертации.

ТЕМПЫ ИЗДАНИЙ

В 1973 г. СИПОЛ опубликовал для своих членов 32 документа (один из них подразделен на несколько литургических книг), в общей сложности 459 микрофишек. В 1974 г. число изданий будет не меньшим. Дальнейшие издания будут определены пожеланиями членов общества СИПОЛ в связи с работой национальных групп.

УСЛОВИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ

Подписка открыта членам общества (частным лицам или коллективам), внесшим членский взнос за текущий год. Члены могут заказывать либо все документы, изданные до определенной даты, либо одну из четырех серий, либо интересующий их документ отдельно.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Semences d'unité», coll. «Eglise vivante», Tournai, Casterman, 1965. Avec la collaboration de A. M. ALLCHIN, M. BOEGNER, J. BRULS, Y. M. J. CONGAR, S. EDNA-MARY, P. EVDOKIMOV, V. E. W. HAYWARD, F. N. JAMES, M. DE LA BEDOYERE, J. W. LAWRENCE, D. MARIE-ANDRE, J. M. MARTIN, S. B. MAXIMOS IV, H. et L. MORREN, C. MURRAY ROGERS, L. NEWBIGIN, D. M. PATON, O. ROUSSEAU, H. st. JOHN, B. SCHLINK, R. SCHUTZ, J. M. TODD, O. TOMKINS, J. VAN CAUWELAERT, M. VILLAIN, O. WYON, L. A. ZANDER.

Сборник "Семена Единства", серия "Живая Церковь", Турнэ, 1965 г. В составлении этого сборника принимали участие:

Пастор-академик МАРК БЕГНЕР (франц. протестант),
Иеромонах ОЛИВЬЕ РУССО (бельг. кат. бенедиктинец),
Проф. ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАНДЕР (русский православный),
ОЛИВЬЕ ТОМКИНС (Бристольский англиканский епископ),
Патриарх МАКСИМОС IV (сирийский греко-католик),
ЖОЗЕФ-МАРИ МАРТИН (Руанский кат. франц. архиепископ),
ИВ КОНГАР (франц. доминиканец-экуменист),
Проф. ПАВЕЛ ЕВДОКИМОВ (прав. русский богослов),
ДАВИД М. ПАТОН (англиканский миссионер),
АНРИ Ст. ЖОН (англ. кат. доминиканец),
А. М. АЛЛШИН (англиканский богослов),
МАЙКЛЬ ДЕ ЛА БИДОЙР (английский кат. журналист),
ЖОН М. ТОД (англ. кат. писатель),
ЖОН В. ЛОРЕНС (англик. журналист),
Проф. ЛЮСЬЕН и ЕЛЕН МОРРЕН (бельг. католики),
ЛЕСЛИ НЬЮБАЙЖИН (англик. епископ),
ЯН ВАН КОВЕЛАРТ (бельг. кат. епископ-миссионер),
ВИКТОР ХАЙВОРТ (англ. баптист),
МЮРРЕЙ РОЖЕРС (англик. миссионер),
ОЛИВ ВАЙОН (англиканка, д-р богословия),
НОРМАН ЖЕМС (англ. член-служитель "Свободной Церкви"),
РОЖЭ ШЮТЦ (швейц. монах-игумен Тезэ),
БАЗИЛЕЯ ШЛИНК (нем. основательница общины экум. протестантских "Монахинь Девы Марии" — Marien Schwester),
Сестра МАРИ-АНДРЭ (бельг. кат. бенедиктинка),
Сестра ЕЛЕНА-МЭРИ (англик. диаконисса),
МОРИС ВИЛЕН (кат. иеромонах, экум. деятель).

Проект этой книги возник в монастыре бельгийских бенедиктинок, активно занимающихся экуменизмом в Лувене. Им показалось желательным обратиться к христианам различных исповеданий — не только к специалистам — с

просьбой написать статью — личное свидетельство об их экуменическом призвании и осуществить таким образом общее дело, переходя за границы пыльных разделений.

Всех, к кому они обратились, попросили указать конкретные причины или обстоятельства жизни, которые побудили их осознать, что разделение христиан затрагивает их лично, и что они призваны принять деятельное участие в экуменических усилиях, направленных к восстановлению христианского единства. Им было также предложено поделиться своим экуменическим опытом в прошлом или настоящем.

В этом сборнике можно найти много ценных, еще неопубликованных данных об истории экуменического движения. В нем затронуты доктринальные вопросы и подробно говорится о духовном измерении экуменизма.

Мы видим, как в жизни мужчин и женщин весьма различных и однако вдохновленных одним идеалом, проростают семена экуменизма, как эти колосья наливаются и зреют. Составители сборника надеются, что "конвергенция" этих свидетельств сделает очевидным "параллельное" действие Св. Духа в различных христианских общинах. Они также надеются, что эти свидетельства станут в душе читателей новыми семенами единства, приносящими новые плоды под воздействием благодати Св. Духа на ниве экуменического делания.

ТОМАС МЕРТОН "Созерцание в мире действия" ("Contemplation in a World of Action", THOMAS MERTON. George Allen and Unwin. London — éd. française: «Le retour au silence», Paris, D.D.B., 1975.

Мысли Томаса Мертона о монашеской жизни сильно изменились со времени его книги «Elected Silence» ("Избранное молчание"), но одна сквозная тема проходит через все написанное им — тема свободы. Монашеская жизнь, верная своему назначению, делает человека свободным, потому что открывает свое подлинное я, то, которое появляется изнутри, а не навязывается ему окружающим миром.

В этой новой книге — сборнике статей, написанных за последний год его жизни, — Мертон говорит о монашеском возрождении. Практические подробности он оставляет другим — его задача указать на основной смысл созерцательной жизни, осуществляемый в монастыре — "мощном доме молитвы":

"Действительное значение созерцательной жизни всегда заключалось в углублении веры (...) до того уровня, где осуществляется "на опыте" наше прямое единение с Богом". (Парадоксальным образом этот "опыт" Бога часто включает в себя опыт современного человека, ощущающего Бога как Отсутствующего). И эта жизнь переживается в единении со Христом, ибо обеты представляют собой не просто особые и тяжелые обязательства, но средства, обеспечивающие подлинную чистоту жизни по Евангелию.

Интерес этой книги выходит за пределы чисто монашеского контекста благодаря многократно подчеркнутому убеждению Мертона, вынесенному им из его глубокого изучения Отцов Церкви, в том, что возрастание в молитве и возрастание личной зрелости представляют собой два аспекта единой реальности. Главным образом он пишет о монастыре или о ските.

Ряд очерков в этой книге посвящены возрождению отшельничества. Мертон видит, что современная тенденция подчеркивать общинное начало освобождает от узкого, сосредоточенного на себе индивидуалистического искания

совершенства. Но парадоксальным образом это повело к новому осознанию значения *личности*, что приводит некоторых к жизни в одиночестве. Современное общество организовано так, чтобы эксплуатировать человеческую боязнь тоски (и некоторые формы монашеского возрождения также могут быть бегством от тоски, притом таким бегством, которое делает тоску неизбежной). Но отшельник для борьбы с тоской не имеет ничего, кроме собственных способностей и Божией благодати. Вследствие этого отшельничество дает ему именно то, в чем нуждается зрелая личность: возможность исследовать неведомое и рисковать. Для современного мира это очень ценное свидетельство.

Томас Мертон не утверждает, что у него есть ответы на все, но он несомненно знает, в чем заключаются настоящие вопросы, и предлагает некоторые решения.

А. К. Б.

Ж. М. ОБЕР "О богословии индустриальной эры" («Pour une Théologie de l'Age industriel», éd. du Cerf, Paris, 1971).

Введение к книге четко выявляет — в своего рода манифесте — тематическую направленность книги и новизну подхода автора. Богословие охватывает всю совокупность отношений к Богу и, следовательно, затрагивает все аспекты человеческого поведения. Но, как полагает автор, то новое положение, в которое поставило человека наступление индустриальной эры, еще не получило своего богословского осмысления. В ответ на самые срочные запросы Папы, начиная со Льва XIII, сформулировали папские директивы, опираясь на так называемых "социальных католиков". Богословы же в целом ограничились толкованием этих директив в процессе выработки той социальной доктрины Церкви, которая в наши дни все чаще подвергается критике. Автор задался целью прежде всего точно установить исторический путь церковной мысли относительно экономических проблем, не ограничиваясь анализом официальных документов. Затем он рассматривает особенности индустриальной экономики и, наконец, исследует проблему взаимоотношений Церкви и мира и значение социальной христианской этики, ее содержание и возможности.

Перед нами дидактический трактат, ясный и точный, снабженный богатой документацией, но его содержание ново, в особенности во второй части, где говорится о динамизме, свойственном современной экономике в условиях индустриальной цивилизации.

В третьей части труда "Церковь и общество" — автор развивает новую концепцию естественного права.

"Теряется ли у христиан "ощущение греха" ?" («Si va offuscando nei cristiani il 'senso del peccato' ?» in «La Civiltà Cattolica», Roma, 4.III.72., pp. 417-23).

Прежде грех бывал обычно главной темой приходских проповедей и катехизации, теперь же о нем говорят реже. Этот кризис "ощущения греха" связан с кризисом "ощущения Бога", которым в настоящее время страдает христианский мир, ибо только стоя перед Богом человек осознает свою глубокую греховность.

Автор подробно разъясняет, что понимается под грехом у Христа, у св. Павла и в Церкви, и приходит к заключению, что "ощущение греха" представляет собой одну из главных характерных черт христианства и что люди, из сознания которых это ощущение исчезло, уже не могут считать себя подлинными христианами. Таким образом, притупление "ощущения греха" в сознании многих современных христиан оказывается отрицательным явлением, но чтобы быть справедливым необходимо добавить к этому два значительных корректива. Во-первых, пути мышления и поведения некоторых христиан выражают, хотя может быть и ошибочным и искаженным образом, реакцию на страх греха, который нельзя смешивать со страхом Божиим, являющимся даром Святого Духа. Второй корректив заключается в том, что современные христиане обнаружили существование не только индивидуального греха, но и социального и коллективного, который представляется не суммой индивидуальных грехов, а несправедливостью и беспорядком, порождаемыми коллективным эгоизмом и гордыней, причем грехи против любви, справедливости, истины и искренности признаются самыми тяжкими из всех. Современным христианам наконец открылось, что оскорбление наносится Богу каждый раз, когда оскорбляется и унижается человек или отрицаются его основные права.

МАЙКЛЬ РАМЗЕЙ, "Кентерберийский паломник" (M. RAMSEY, «Canterbury Pilgrim», Londres SPCK, 1974).

Д-р М. Рамзей, бывший архиепископом Кентерберийским с 1961 по 1974 гг., родился в Кембридже в 1905 г., преподавал богословие в Дюрамском Университете с 1940 по 1961 гг., и был архиепископом Йоркским с 1956 по 1961 гг. Возглавив англиканскую Церковь (*communio anglicana*), распространяемую в разных частях света, архиепископ Майкль продолжал заниматься богословием и читать доклады на духовные темы. Пастырская забота о рассеянных в мире англиканах побудила его взять в руки "посох пилигрима" и совершить множество путешествий. Этот крупный богослов и пастырь нашего времени как человек глубокой духовной жизни приносил всюду свою внутреннюю радость о Христе, свое добродушие и юмор, благодаря которому "большой" человек бывает так близок "маленькому".

Во время своих поездок он выступал при различных обстоятельствах. Книга содержит тексты 36 его наиболее характерных выступлений, распределенных по трем отделам:

- 1) *Непоколебимые основы* (исторический Иисус — стр. 28-38; апостольский век — стр. 15-23);
- 2) *Церковь и единство* (с памятным словом о единении с методистами — стр. 99-105);
- 3) *Служение миру* (установка в отношении насилия — стр. 129-136, нетерпимости — стр. 144-147; аборт — стр. 163-167; автономия Церкви по отношению к государству — стр. 176).

Посох пилигрима привел его, как и его предшественников, в Рим, и мы можем быть только благодарны архиепископу за его неутомимую деятельность на экуменическом поприще, за то сближение, которое, благодаря ему, произошло за последние годы, как между англиканской и католической Церковью, так и между англиканами и восточными христианами.

ЛОГОС

выходит 2 раза в год (двойной номер)
перепечатка разрешается с указанием источника.

Адрес редакции и администрации:
для Бельгии и всех стран кроме Франции

Foyer oriental chrétien
Avenue de la Couronne 206
1050 Bruxelles — CCP 646 35

Во Франции:

Mr. Serge Jaba
Avenue du Parc 16
92 — Vanves — CCP 981242 — Paris

Внося подписную плату необходимо указать:
подписка на ЛОГОС.

Подписная плата на 1974 г.: 20 фр. фр.; 160 бельг. фр.

Цена двойного № 12 фр. фр.; 90 бельг. фр.

Dépot légal 1974-0362 - 9

IMPRIME EN BELGIQUE.

SOMMAIRE

<i>Georges Naïdenoff</i> , Commandements de Dieu, droits de l'homme	1
<i>Wilhelm Ernst</i> , Thomas von Aquin zum 700 Todestag	53

Perspectives oecuméniques:

<i>Christopher Dawson</i> , Cultural polarity and religious schism	61
<i>Cardinal Jan Willebrandts</i> , 700-me anniversaire du II Concile de Lyon	70
<i>Paul Schwendimann</i> , Oecuménisme et missions	77

Vie chrétienne:

<i>Paul VI</i> , Eucharistie, point central de notre foi chrétienne	81
<i>Karl Rahner</i> , St. Joseph	85
Les tertiaires de nos jours	87
<i>St. François d'Assise</i> , De la joie parfaite	95

Figures chrétiennes:

<i>Emmanuel Mounier</i>	98
Interview du professeur L. Morren	111

Thèmes de méditation	116
-----------------------------	-----

CIPOL (Liturgies chrétiennes sur microfiches)	121
--	-----

Bibliographie:

Recension d'ouvrages de Thomas Merton, J.-M. Aubert, M. Ramsey et du recueil «Semences d'Unité».	125
--	-----